

NEW HERITAGE PUBLISHERS

А. И. Фет

СОБРАНИЕ ПЕРЕВОДОВ

Мечислав Ковалик

АЗБУКА СТОКГОЛЬМА

А. И. ФЕТ. СОБРАНИЕ ПЕРЕВОДОВ

МЕЧИСЛАВ КОВАЛИК

АЗБУКА СТОКГОЛЬМА

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО И ПРЕДИСЛОВИЕ
А. И. ФЕТА

Brooklyn, New York, USA

— 2020 —

All correspondence should be addressed to Ludmila P. Petrova, the copyright holder of A. I. Fet and the Editor-Compiler of the Collection. E-mail: aifet@academ.org

Copyright © Abraham Ilyich Fet, 2020

All rights reserved. Electronic copying, print copying and distribution of this book for non-commercial, academic or individual use can be made by any user without permission or charge. Any part of this book being cited or used howsoever in other publications must acknowledge this publication.

No part of this book may be reproduced in any form whatsoever (including storage in any media) for commercial use without the prior permission of the copyright holder. Requests for permission to reproduce any part of this book for commercial use must be addressed to the Author. The Author retains his rights to use this book as a whole or any part of it in any other publications and in any way he sees fit. This Copyright Agreement shall remain valid even if the Author transfers copyright of the book to another party.

This book was typeset using the L^AT_EX typesetting system.

Cover image: Stockholm. This image is the public domain.

ISBN 978-0-9981894-3-7

New Heritage Publishers
Brooklyn, New York, USA, 2020

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	4
АНДЕРСОН	6
В КАЖДОЙ СТРАНЕ СВОИ ПРАВЫ	22
ЭКОНОМИКА	42
КАК ЖИВУТ ШВЕДЫ?	57
КООПЕРАТИВА ФЕРБУНДЕТ	77
НЕЙТРАЛИТЕТ	93
ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО ГРОБА	112
СТОКГОЛЬМ	134
ТРАДИЦИИ И ПРАЗДНИКИ	154
ВЛАСТЬ	165

Предисловие переводчика¹

Предлагаемая читателю книга “Азбука Стокгольма” написана польским журналистом Мечиславом Коваликом и издана в Варшаве в 1968 году. Это книга о современной Швеции. Перевод её, возможно, нуждается в мотивировке.

Швеция занимает третье место в мире по материальному уровню жизни — после Соединённых Штатов и Канады, и первое место в Европе. Пока не ясно, разовьётся ли из Канады оригинальное общественное устройство, представляющее общий интерес; во всяком случае, до недавнего времени эту страну можно было приблизительно рассматривать как экономическую провинцию Соединённых Штатов. Что собой представляет экономическая и общественная жизнь Штатов, достаточно широко известно — если и не обязательно глубоко. На русский язык переведены книги Гелбрейта и Райта Миллса, посвящённые важным аспектам жизни этой страны. Однако, Соединённые Штаты, бесспорно идущие впереди в экономическом отношении, сильно отстают в области социальной техники. Социальная система Штатов атавистична — она во многом не вышла ещё из стадии развития, соответствующей старомодному капитализму XIX века. Отсюда, разумеется, происходят наиболее острые и заметные общественные конфликты в этой стране.

Если интересоваться не столько количественным уровнем производства и потребления, сколько качественным развитием общества, гармонизацией его функций и сочетанием экономических и социальных аспектов его жизни, то Соединённые Штаты уже не представляют наиболее интересного образца “передового” общества. Интереснее всех оказывается Швеция. Почти полвека Швеция является полем единственного в своём роде социального эксперимента, проводимого правящей Социал-демократической партией.

¹Книги “Азбука Стокгольма”, “Азбука Берна” и “Азбука Вены» были выбраны, переведены и запущены в самиздат А. И. Фетом, чтобы познакомить российских читателей с общественными устройствами разных стран. Они вошли в серию “АВС”, издававшуюся варшавским издательством “Искра” с конца 1960-х годов. Перевод “Азбуки Стокгольма” А. И. Фет сделал около 1980-го года с издания: Kowalik, Mieczyslaw. *Sztokholmskie ABC*. Warszawa: “Iskry”, 1968. В машинописной копии, ходившей в самиздате, предисловие переводчика было обозначено “От редактора”. — *Прим. ред.*

“Общество массового благосостояния”, созданное таким образом, очень мало известно нашему читателю. Предлагаемая книга рассказывает о Швеции, какой она была во второй половине шестидесятых годов. Конечно, явления общего кризиса кое-что изменили и в Швеции, сильно зависящей от мировой экономической ситуации. Однако, парадоксальным образом эта несколько устаревшая картина представляет особый интерес.

Древние греки обозначали словом “акме” период наибольшего процветания в жизни человека. То “общество массового потребления”, которое создалось в Западной Европе и Америке после Второй мировой войны, уже прошло высшую точку своего развития. Может быть, будущей историк отнесёт “акме” этого общества примерно к 1965 году. Но в этом случае предлагаемая Вам книга изображает “западное общество” в том месте и в тот момент его истории, когда оно достигло своего высшего расцвета.

Дальше начинается упадок, о причинах которого здесь не место говорить подробно; первые симптомы упадка видим и на страницах этой книги. Грубо говоря, “общество массового потребления” лишено более глубоких целей, формирующих человека. Его создали люди с остаточной протестантской установкой, которую в её экономическом аспекте можно назвать производительной; порождает же она тип человека с потребительской установкой, паразитирующий на унаследованной от отцов структуре производства и не способный даже её поддерживать.

Мечислав Ковалик не делает столь решительных выводов. Он просто изображает то, что видел и знает, предоставляя этим обильный материал для размышлений. Он досконально знает Швецию, прожил в ней много лет, владеет её языком и — что очень важно — глубоко любит эту страну.

Конечно, это не специальное исследование, какими являются упомянутые выше книги об Америке; автор пытается рассказать доступно обо всём. Отсюда некоторая стилистическая неровность книги, которую переводчик не пытался сгладить. Книга содержит и лирические описания, и статистические таблицы — следовательно, не может быть образцом художественной прозы. И если в одной фразе дважды встречается “который” и т. п., читатель не должен винить в этом переводчика, потому что в подлиннике написано так же.

Впрочем, как ни тоскуем мы по изящным книгам, умные нам нужны больше.

Андерсон

Достаточно семи-восьми часов, чтобы доплыть на пароме от Щецина до южного побережья Швеции. Такое же путешествие до её северо-восточных окраин, примыкающих к Ботническому заливу, заняло бы пару дней. Между тем, мы всё ещё не добрались бы до северных рубежей этой страны, которая, оторвавшись здесь от побережья Балтики, простирается до полярного круга, и ещё почти на 300 километров дальше к северу достигает границы Норвегии. Столица страны, Стокгольм, находится в 700 километрах от самого южного города страны, Тrolлеборга; но ещё вдвое большее расстояние, 1 500 с лишним километров, отделяет его от северной границы. Если начертить на карте круг с центром в Толлеборге, с радиусом, равным расстоянию от Тrolлеборга до Трерикресета на границе Швеции, Норвегии и Финляндии, то на востоке этот круг охватит Москву, на юге достигнет Неаполя и франко-испанской границы, на западе же пройдёт по северной Атлантике, далеко за побережьем Ирландии. Таким образом, страна простирается почти вдоль меридиана с юга к дальнему северу, лишь слегка отклоняясь к востоку; 20% её территории — в том числе богатейшие залежи железной руды — лежат за полярным кругом. Осознав это, мы не станем удивляться редкости её населения. Площадь поверхности Швеция уступает в Европе лишь Испании и Франции, не считая Советского Союза; население же её составляет несколько меньше восьми миллионов, то есть менее четверти населения Польши. Это не так уж удивительно, если принять во внимание, что Стокгольм лежит на широте Ленинграда, между тем как Швеция в узком смысле слова начинается лишь на север от Стокгольма. Можно спросить себя, каким образом вообще возможна жизнь и работа в стране, огромную часть которой составляют районы, соответствующие по широте Архангельску и почти безлюдным пространствам северной Сибири.

Объяснение этого счастливого для Швеции парадокса состоит в своеобразном капризе природы. Тёплое морское течение, Гольфстрим, а точнее, его североатлантическая ветвь, огибает побережье северной Европы, повышая температуру атмосферы. Ветры, несущие тепло на восток, создают в Скандинавии относительно умеренный климат, обеспечивая при этом достаточное количество и регулярность осадков.

Путешественник, оказавшийся в феврале в Тромсе, — одном из наиболее удалённых к северу норвежских портов, лежащем на берегу Ледовитого океана в 350 километрах за полярным кругом — с изумлением увидел бы первые весенние цветы в то время, когда в Стокгольме, на 1 200 километров южнее, ещё господствует глубокая зима. Разумеется, по мере продвижения а север и удаления от ветров, веющих с Атлантики, климат становится всё более континентальным, тем более, что Балтика производит относительно небольшое смягчающее действие. На севере Швеции случаются зимою сибирские температуры, в то время как в центральной и южной части страны зимы не холоднее, чем в Польше. Поэтому большая часть населения сосредоточена на юге и в средней части страны. Впрочем, на севере тоже возможна нормальная работа и эксплуатация природных ресурсов, что имеет решающее значение для жизни и благополучия страны.

Нетрудно понять, что при таких климатических условиях общая площадь обрабатываемой земли в Швеции весьма невелика: 8%, в то время как во Франции 40%, в Дании 60%, в Польше 64,8%; большую часть страны покрывают горы, леса и озёра. Лучшие пахотные земли и большая часть их площади находятся в Скании — южной провинции страны, прозванной житницей Швеции и отличающейся от остальной её территории своим ярко выраженным сельскохозяйственным характером. Вероятно на развитие сельского хозяйства в этой провинции повлиял тот факт, что до середины XVII века она принадлежала Дании. Впрочем, высокую производительность сельского хозяйства следует считать также большим достижением шведов. На дальнем севере сбор картофеля с гектара — самый высокий в стране. Применение в сельском хозяйстве современных агротехнических методов, в особенности введение сортов, стойких к заморозкам и не слишком благоприятным условиям солнечного освещения, привели к тому, что как в области земледелия, так и в животноводстве сельское хозяйство достигло результатов, приближающихся к высшему мировому уровню. Об этом ещё будет речь дальше. Пока же достаточно понять, что по уровню пшеницы с гектара Швеция уступает лишь средним результатам Дании, Бельгии и Голландии, вдвое превосходя Соединённые Штаты, Канаду, Аргентину и Австралию.

В первые годы после Октябрьской революции, в период начала послевоенного восстановления в России часть проживавших там шведских колонистов решила вернуться на старую родину. Потомки эмигрантов времён Екатерины Великой, говорившие на архаи-

ческом языке столетидесятилетней давности, были там приняты с почестями, и шведские власти решили поселить их на плодородных землях Скани. Однако, эксперимент не удался, поскольку “старошведы” в большинстве своём не сумели приспособиться к жизни на скалистой шведской земле и решили возвратиться в Россию.

Процесс бегства из деревни — постоянное явление и по сей день. Город привлекает и более высоким уровнем жизни, и более интересной работой. Сверх того, сельскохозяйственное производство становится всё более механизированным, требует всё больших капиталовложений и перестаёт окупаться в рамках малого хозяйства. Хозяин, работающий главным образом для удовлетворения собственных потребностей и стремящийся к самообеспечению продовольствием, превратился в анахронизм. Ещё в начале пятидесятых годов в Швеции было около 300 тысяч хозяйств; в 1970 году, по расчётам, число их приблизится к 200 тысячам. Площадь обрабатываемой земли уменьшается, и намечается тенденция к повторному облесению покидаемых крестьянами областей.

И всё же продукция сельского хозяйства полностью удовлетворяет потребности страны. Конечно, по мере роста благосостояния всё больше продуктов приходится импортировать, поскольку они вовсе не производятся в стране. Однако, это прежде всего предметы десертного назначения, такие, как табак, какао, кофе, чай, а также оливковое масло и южные фрукты; само собой разумеется, приходится ввозить необходимое для сельского хозяйства сырьё и концентраты — топливо для тракторов, искусственные удобрения, комбинированные корма. Импорт отчасти удаётся уравновесить за счёт экспорта излишков национальной продукции: пшеницы, мяса, яиц, масла; лишь отчасти, потому что экспортируемые товары, как правило, дешевле импортных. Это одно из выразительных проявлений шведской зажиточности — такого рода постоянные расходы может себе позволить лишь страна, пользующаяся достатком. Напомним, как тяжело отражается импорт зерна на валютном бюджете нашей страны. Шведское сельское хозяйство всё меньше производит конечные продукты, специализируясь на поставках сырья для пищевой промышленности, подлежащего дальнейшей переработке. Такая специализация земледелия и животноводства приводит ко всё большему уподоблению сельскохозяйственного производства промышленному. Крестьянин, работающий для удовлетворения потребностей своей семьи и продающий на рынке лишь излишки продуктов, принадлежит уже к реликвиям прошлого.

Из какого же источника происходят столь значительные доходы

в промышленности? Здесь говорят в шутку, что каждый шведский ребёнок получает некий дар от природы, покрывающий в течение всей его жизни четверть прожиточных расходов. Ещё одну “четверть” даёт государство в виде семейных пособий, выплат по болезни и обеспечения в старости. Таким образом, шведскому гражданину остаётся заработать лишь недостающую половину... особый дар природы, о котором идёт речь, это дерево и железная руда. Леса покрывают около половины площади страны — территорию, почти равную Югославии. На каждого шведа приходится 3,2 гектара леса, тогда как в остальных странах Европы (без Советского Союза) — 0,3 гектара. Когда во время последней мировой войны Швеция была отрезана от импорта угля и нефти, здесь отапливали квартиры дровами, автомашины ходили на газе, получаемом из дерева, а корма для скота вырабатывались из целлюлозы. Ещё в первые годы после войны характерным явлением были аккуратно сложенные возле дома поленицы дров, предназначенных для отопления квартир зимой. Теперь же дерево, преобразуемое волшебной силой химии, даёт бесчисленное множество продуктов, — от строительных и отделочных материалов, таких, как плитки, облицовка и эмали, до одежды, белья и продовольствия, посуды и упаковочных материалов. Сегодня, в эпоху пластмасс и бумаги, деревообрабатывающая и целлюлозная промышленность Швеции доставляет почти 15% всей стоимости шведской продукции и более 40% экспорта. Швеция является крупнейшим в мире экспортёром древесной массы, а в производстве этого сырья уступает лишь Советскому Союзу, Соединённым Штатам и Канаде. Вследствие медленного роста деревьев и плотности тканей качество шведского дерева — одно из наивысших в мире. Уже давно ведётся рациональное лесное хозяйство, так что убыль в результате вырубки значительно перекрывается одновременным приростом. Рубка дерева и производство древесной массы происходит на всей территории страны, но главным образом на севере, доставляя в течение зимнего сезона работу тысячам людей. Ещё недавно обычную картину представляли группы дровосеков, валящих деревья в тяжелейших условиях полярной зимы, а затем сплавляющих брёвна к лесопилкам по сети соединённых между собой рек и каналов. Теперь ручную работу в значительной мере заменили машины, а сплав по воде уступает место автомобильному транспорту, более выгодному и предохраняющему дерево от потерь. И всё же этот вид труда не относится к лёгким.

Кроме дерева, щедрая природа наделила Швецию железной рудой; залежи её столь значительны, что годовая добыча превосхо-

дит 30 миллионов тонн, что составляет — после Советского Союза и Франции — наивысший уровень в Европе. Руда сосредоточена в так называемом металлическом поясе, пересекающем центральную Швецию и, главным образом, область лесов — провинцию Норрланд (в Лапландии). Старейшие и самые крупные рудники находятся в Кируне и Мальмбергете, к северу от полярного круга. Горы, содержащие железо, тянутся там местами на 4 километра в длину, при глубине залежей в тысячу метров. Добываемая в этом районе руда содержит 70% железа и принадлежит к числу богатейших в мире. Этим объясняется огромный спрос на неё на мировом рынке, в том числе и в странах, где добывается в значительном количестве собственная руда, например, в Западной Германии, в Англии, а в последнее время во всё большей мере в Соединённых Штатах. У Швеции нет своего угля и кокса, импорт же этого топлива дорог из-за транспортных издержек. Поэтому, в частности, Швеция оставляет для переработки лишь небольшую долю добываемой руды (около 10%), предназначенную для национальной промышленности, остальную же экспортирует, получая ежегодно 1,1 миллиарда крон дохода. Цена этого экспорта, наряду с деревом, образует вторую составляющую “приданного” среднего статистического шведа. Во время обеих мировых войн и блокады морей шведские рудовозы с нетерпением ожидали в портах всех воюющих стран, потребности которых в высококачественных рудах и высших сортах стали удовлетворялись почти полностью за счёт шведских поставок. По распространённому мнению, именно этому шведы обязаны тем, что в ходе последней войны Германия не нарушила их нейтралитета: опасение затопления и уничтожения рудников перевесило стратегические и материальные выгоды, ожидаемые от захвата этой страны. Таким образом, добыча руды достаточна и для экспорта, и для удовлетворения всех потребностей промышленности в железе и стали. Следует заметить, что это не только металлообрабатывающая, оружейная и автомобильная промышленность, но также и судостроительная. Большая часть шведского торгового флота, тоннаж которого приближается к 5 миллионам регистровых брутто-тонн, строится на шведских верфях, а работа этих судов приносит свыше 500 миллионов долларов в год, что уже не раз покрывало с излишком весь дефицит внешнеторгового баланса.

В эпоху растущего благосостояния нелегко удержать людей на севере страны. В обширной провинции Норрланд небольшие посёлки рассеяны на огромных пространствах, а холодная, долгая и сумрачная зима, создаёт не очень привлекательные условия жизни.

Нужны большие усилия со стороны государства, чтобы удержать в этих местах достаточное число квалифицированных рабочих, чтобы обеспечить нормальное производство, требующее особой правильности и ритмичности. В последние годы государство предприняло дорогостоящее расширение транспортной сети на севере страны, вкладывает огромные суммы в профессиональное обучение, создаёт привилегии в отпусках, заботится об организации развлечений и о возможностях образования. Деятели местного самоуправления гордятся своими достижениями. Они могут доказать вам, что в их провинции готовят молодых специалистов в разнообразных областях техники, обеспечивая этим приток квалифицированных кадров во все части страны. С другой стороны, здесь удалось создать нечто вроде “северного патриотизма”, в результате которого всё больше молодых людей остаётся на месте своего рождения, считая его более привлекательным, чем районы страны с умеренным климатом. Представителям самоуправления округа Норрботтен (северо-восточная часть провинции Норрланд) не часто приходится принимать иностранных гостей; они делают это охотно и сердечно. Они показывают свои фабрики и лесопилки, охотнее же всего — образцовые профессиональные школы, соединённые с интернатами и снабжённые мастерскими и лабораториями, которым могли бы позавидовать многие небольшие предприятия.

Округ Норрботтен, где находятся главные центры добычи прославленных своим качеством железных руд, занимает почти 1/4 территории Швеции, население же его составляет всего 4% населения страны. Если, однако, спросить, может ли промышленность округа дать работу всем молодым людям, выходящим из этих многочисленных и разнообразных школ, то часто можно услышать в ответ: “Мы вовсе этого не ожидаем. Наше местное самоуправление достаточно богато, чтобы оборудовать и содержать эти учебные заведения. Мы даём нашим людям приданое в виде технического образования, что даст им возможность получить хорошую работу в любой части страны, в центре или на юге. Трудность состоит в том, что они вовсе не хотят отсюда уезжать...” Ответ поразителен, потому что обычно встречающееся явление — и не только в Польше — состоит в том, что люди стремятся поселиться если не в столице, то, по крайней мере, в большом городе. Решающую роль здесь играет не столько желание расширить свою среду, сколько стиль жизни большого города, и прежде всего материальные условия. Поэтому хозяева северных округов добились бесспорного успеха, создав такие условия жизни, что даже суровые условия дальнего севера ка-

жуются жителям этих мест достаточно привлекательными. Впрочем, подобный подход встречается и в других частях страны. Молодой швед селится либо в местности, откуда он происходит, либо там, где находит выгодную работу и удобные жилищные условия. Эти факторы определяют выбор места жительства. В настоящее время на каждые пять жителей Швеции приходится автомобиль; это позволяет в столь обширной и малонаселённой стране удовлетворить естественное стремление в свободному передвижению. Если прибавить к этому всё ещё сохраняющиеся традиции жизни в маленьких посёлках и городках, то можно понять, почему стремление в большие города здесь меньше, чем в странах с более низким уровнем жизни.

Если бы существовала статистика частных контактов и светских отношений, то средний шведский гражданин наверняка занял бы в ней одно из последних мест. Высокий уровень жизни в стране, где негостеприимная природа ничего не даёт даром, покупается напряжённым трудом. Конечно, шведская земля содержит в себе огромные богатства, а реки и горные потоки её служат неисчерпаемым источником силы, удовлетворяющим треть энергетических потребностей страны. Но использование этих богатств, подчинение их воле человека требует немалых усилий. Скромному обитателю южной Италии, Франции, Греции или Югославии не приходится заботиться об отоплении жилища или тёплой одежде, поскольку часть необходимых для жизни калорий и витаминов доставляет ему само солнце. В Швеции же нельзя рассчитывать, что природа что-нибудь сделает для человека. Традиции тяжёлого труда и борьбы за существование привели к тому, что и в наше время будни здесь заполнены работой и отдыхом с семьёй. Вы не увидите в Швеции ни молодёжи, прогуливающейся группами до улиц города, ни взрослых, коротающих время в беззаботных беседах на пороге своего дома или в какой-нибудь игре на открытом воздухе, что составляет обычную картину в южных странах. «Внешняя» жизнь приходится обычно на праздники, будничные же дни протекают между местом работы или собственным предприятием — и жилым домом. Не случайно поэтому рекордное развитие в этой стране всевозможных мероприятий, обеспечивающих возможность самообразования, разрядки и развлечения в стенах собственной квартиры. По чтению газет и периодических изданий Швеция стоит на первом месте в Европе. На человека здесь приходится свыше 30 килограмм газетной бумаги в год, то есть больше, чем в Англии, почти вдвое больше, чем в Швейцарии, и почти втрое больше, чем в Западной Германии. Точ-

но так же по числу радиоприёмников (380 на тысячу человек населения) и телевизоров (274 на тысячу) Швеция занимает первое место в Европе и третье в мире (после Соединённых Штатов и Канады). Однако, по числу кинофильмов, которые смотрит в течение года средний житель страны, Швеция стоит на одном из последних мест в европейской статистике; её опережают в этом не только богатые страны, но и страны средней зажиточности (Австрия — почти вдвое), и даже бедные, например, Испания. Радио, телевидением и печатью здесь пользуются, как правило, у себя дома. Цифры подтверждают, таким образом, впечатление, возникающее при первом же знакомстве со страной: средний швед живёт замкнуто среди своих товарищей по работе и членов семьи, исключая немногочисленные особые случаи. Разумеется, это не может не отразиться на установках и образе жизни людей.

Прогулка по Стокгольму заставляет вас задуматься и над хозяйственными вопросами. Продовольственные магазины наполнены винами и высокосортными напитками иностранного производства, южными фруктами, сырами, колбасами и т. п. В магазинах готового платья можно видеть ткани, одежду и бельё из многих стран Европы. То же относится к металлическим изделиям, разного рода аппаратуре ... и даже к автомобилям; почти все существующие в мире модели можно встретить здесь на улицах и дорогах (больше всего, впрочем, немецких). Приезжий, не знакомый со здешними условиями, может иногда поставить в тупик не очень компетентную продавщицу, спросив её о происхождении предлагаемого товара; после нескольких попыток выяснить это (может быть, немецкий, может быть, английский...), она отвечает с облегчением: “Во всяком случае, не шведский”. Можно задать себе вопрос, что же, собственно, производят шведы? И на какие доходы они, тем самым, покупают у других всевозможные вещи, “во всяком случае, не шведские”?

В самом деле, то, что производят сами шведы, среднему потребителю заметить не так-то легко, потому что он не сталкивается в повседневной жизни с горнодобывающей, деревообрабатывающей, бумажной или металлообрабатывающей промышленностью. Между тем, именно эти виды промышленности эксплуатируют и перерабатывают естественные богатства страны, обеспечивая средства для развития других видов производства и отраслей хозяйства. Из каждых трёх шведов, занятых в промышленности, два трудятся в перечисленных выше отраслях.

Великий шведский лирик Эсайяс Тегнер не ошибся, воспевав больше ста лет назад в одной из своих поэм “остриё шведской стали”. Правда, он имел в виду подвиги шведского оружия; но в наши дни он мог бы с такой же гордостью прославить создаваемые его соотечественниками орудия мирного труда. Шведская сталь проходит через руки изобретателей, конструкторов и рабочих, превращающих её в изделия мировой репутации: лезвия, ножи и пилы, точные измерительные приборы и шарикоподшипники, подъёмники и буровые машины, телефоны и сложные устройства электросвязи, самолёты и грузовые суда, танкеры и автомобили. Крупные металлургические и электромеханические предприятия Швеции имеют филиалы, заводы и представительства в большинстве стран обоих полушарий, некоторые же их изделия — шарикоподшипники, пневматические домкраты, морские сигнальные устройства — считаются наилучшими в мире. Заслуженной известностью пользуются шведские суда: каждое девятое судно, сооружаемое в мире, выходит из шведских верфей.

Огромное значение для жизни страны имеет энергетика, использующая скрытые силы природы. Отсутствие собственного угля и жидкого топлива компенсируется строительством сети гидроэлектростанций, планируемых с размахом и стоящих огромных затрат. Значительная часть этих станций находится под землёй и может беспрепятственно действовать даже во время жесточайших воздушных атак. С учётом стратегических соображений многие из них построены на севере страны, за полярным кругом, в неприступных скалистых местностях. Следует упомянуть здесь две таких электростанции почти равной мощности, врезанных в скалы и относящихся к мировым техническим достижениям. Это Харспронгет в устье реки Луле и Сторноррфорс в устье Уме; обе полностью автоматизированы и обслуживаются небольшим числом инженеров и техников. Общая мощность их составляет 700 мегаватт, а фактическое производство тока значительно превышает домашние потребности всех частных пользователей электроэнергии в стране. Надо иметь при этом в виду, что шведы применяют электричество не только для освещения помещений и для всевозможной бытовой аппаратуры, но во всё большей мере также для приготовления еды.

Я имел случай посетить электростанцию в Харспронгете. Удивительное ощущение вызывает сияющий чистотой зал, стены которого образует массив скалы, вмещающий здание и оборудование станции. Вдоль ряда колонн, поддерживающих свод, расположено

три сравнительно небольших генератора тока. Снизу доносится приглушённый отзвук работающих машин; вибрация почти незаметна. Соседнее помещение скорее напоминает контору — только при более внимательном осмотре можно увидеть ряд распределительных досок, усеянных сигнальными лампочками. Трудно себе представить, что из этих тихих, скромных помещений течёт на юг страны ток под напряжением в 400 000 вольт, достаточный для снабжения множества городов и посёлков.

Производственные мощности шведских гидроэлектростанций в настоящее время превосходят спрос на энергию и используются не полностью. Несмотря на это, здесь не пренебрегают развитием энергии будущего — атомной энергии. Общество под названием “Атом-энерги”, с участием государственного и частного капитала, занимается постройкой реакторов-прототипов и выработкой энергии из расщепляющихся материалов. Положение облегчается тем фактом, что в центральной части страны имеются богатые залежи руд с высоким содержанием урана. Шведская промышленность сумела овладеть сложной технологией получения из этих руд чистого урана (около 130 тонн в год). Сооружён экспериментальный реактор, а также большие исследовательские лаборатории. В 1963 году в Огеста, в предместье Стокгольма, построена атомная электростанция, вырабатывающая электрическую и тепловую энергии. В настоящее время эта станция обогревает значительную часть города, другая атомная электростанция, значительно большей мощности, недавно сдана в эксплуатацию в Марвикене, в восточной Готландии, третья запроектирована в Смоландии. Легко понять, что при этих условиях производство ядерного оружия — во всяком случае, оборонительного — также не составило бы для шведов особых затруднений. Но из политических соображений, о которых будет речь ниже, Швеция не вступает в “атомный клуб”, и нет оснований предполагать, что эта её позиция может измениться.

Конечно, кроме описанных выше отраслей промышленности, имеются и другие, в которых трудятся тысячи людей: текстильно-обувная промышленность, где занято 12% всех рабочих, затем — транспорт, торговля, ремесла. Однако, основные виды индустрии должны зарабатывать средства на приобретение значительной части сырья и оборудования, необходимых другим отраслям. Средний статистический швед, член не очень многочисленного общества, гораздо больше зависит от международного разделения труда, чем немец или француз, не говоря уже о гражданине Советского Союза или Соединённых Штатов, потребляющих в подавляющем большин-

стве случаев товары отечественного происхождения. Чтобы обеспечить себе высокий уровень жизни, шведы вынуждены ввозить из-за рубежа огромное число видов сырья, которыми не обладают, и товаров, которых не производят; а для этого они должны найти покупателей собственных изделий. Таким образом, Швеция намного больше ввозит и вывозит, чем страны со средним уровнем внешней торговли, и значительно больше зависит от этой торговли. Стоимость внешнего оборота Швеции в 1965 году составила огромную сумму в 43 миллиарда крон, что означает 5 560 крон на человека, — почти втрое больше, чем во Франции, в пять с лишним раз больше, чем в Италии, в десять раз больше, чем в Югославии. Отсюда ясна зависимость Швеции от экономики стран, с которыми она поддерживает широкие торговые отношения; зависимость эта уже не раз в истории страны имела решающее значение для направления её политики.

Так выглядит “средний статистический швед” на фоне географии и экономики его страны. Какие же причины привели к тому, что Швеция сейчас достигла наивысшего уровня жизни в Европе? Более подробный ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в дальнейших главах, но уже здесь приведём некоторую информацию, в самых общих чертах объясняющую суть дела.

В 1964 году средний доход шведа, работающего в городе, составлял 16 230 крон, в деревне — 13 344 кроны. Наконец, надо иметь в виду, что средние данные представляют собой своеобразную арифметическую фикцию, получаемую при включении в общую сумму заработков и вознаграждений различных привилегированных групп и руководящего персонала. Заработок же “среднего человека” оказывается в действительности ниже. С другой стороны, в эти данные не входят семейные и жилищные пособия, выплачиваемые многодетным семьям. Целые группы трудящихся зарабатывают меньше среднего; в особенности это касается работников текстильной и обувной промышленности, продавцов и вспомогательных рабочих торговли, конторских служащих и т. д. В ряде других случаев, особенно в городе и в основных видах промышленности или точных производствах, заработки значительно выше среднего. Имеются, наконец, исключительно привилегированные группы — достаточно вспомнить нашумевшую забастовку пилотов известной скандинавской авиационной компании САС летом 1966 года; участники этой забастовки требовали повышения окладов с 40–70 до 50–100 тысяч крон в год. Таким образом, заработки лётных экипажей были в 2–5 раз выше указанного среднего. Впрочем различия этого

рода наблюдаются и в других странах, так что Швеция не является здесь исключением.

Женский труд, как правило, вознаграждается хуже. До недавнего времени женщины получали более низкую плату за тот же труд; это была непонятная для нас официальная дискриминация женского труда, тем более непонятная, когда речь идёт о столь развитой в экономическом и социальном отношении стране, как Швеция. Теперь эта дискриминация больше не существует; но, вообще говоря, — как и везде — женщины выполняют хуже оплачиваемую работу и зарабатывают в среднем меньше мужчин.

Две статьи расходов здесь значительно выше, чем у нас. Это налоги и квартирная плата, составляющие 40–45% указанного выше среднего заработка, причём независимо от того, занимает ли семья наёмную квартиру или собственный домик. В этом последнем случае вместо квартирной платы приходится погашать многолетний банковский кредит. И нести эксплуатационные расходы — на отопление, ремонт, мелкие починки и т. п.

Согласно официальной шведской статистике, стоимость питания семьи из четырёх человек (супруги с двумя детьми) колеблется в пределах 470–500 крон в месяц. Сюда включаются скромные по объёму, но достаточные по калорийности и содержанию витаминов блюда. Конечно, на семейный бюджет влияет и тот факт, что дети получают в школе бесплатное питание, так называемый ленч (нечто вроде обеда без супа); они уходят в школу после утреннего, не слишком обильного завтрака, а после школы едят дома во второй (и обычно последний) раз уже перед вечером. Сверх того, на каждого учащегося ребёнка государство выплачивает семейное пособие, покрывающее примерно стоимость его одежды и расходы на проведение каникул. Книги и учебные пособия дети бесплатно получают в школе.

После этого нашему статистическому Андерсону остаётся на прочие расходы 3 тысячи крон в год, или меньше, если он принадлежит к многочисленной части населения, зарабатывающей ниже среднего уровня. Сумма эта не слишком велика, поскольку она идёт на одежду, на культурные потребности, домашнее оборудование, отпуск, а также на всё более необходимую, имеющуюся здесь в каждой семье собственную машину. Стоимость машины составляет работок нескольких месяцев, содержание же её обходится в 12–15 процентов дохода. Для покрытия всех этих потребностей 250 крон в месяц представляет сумму более чем скромную. Следует прибавить, что квартирное оборудование и предметы долговременного

пользования здесь очень дороги. Радиоприёмник среднего класса стоит около 500–600 крон, телевизор — 1 500–2 000, малолитражный автомобиль — 9 000–10 000. Если бы не период благоприятной экономической конъюнктуры, длящейся уже много лет и обеспечивающий сверхурочные работы, различные добавочные занятия и, прежде всего, если бы не всё более распространяющийся женский труд, нашему Андерсону пришлось бы в лучшем случае долгие годы делать сбережения, чтобы достигнуть своего нынешнего уровня благосостояния. Стремление к этому благосостоянию, опасение отстать, уронить свою репутацию в сравнении с другими, стоящими на той же ступени общества, — это мощный стимул деятельности, механизм которого, как мы увидим при столкновении с живыми людьми, чётко отражается на личных установках и на всей общественной жизни.

Складывается впечатление, что бережливость и расчётливость должны ограничиваться лишь весьма узкой сферой питания и развлечений. В самом деле, известный уровень жилища и одежды является здесь чем-то вроде общественной обязанности, и нельзя себе представить семью без хозяйственного оборудования, облегчающего домашний труд, а в последнее время и без автомашины, или даже моторной лодки. Откуда же берутся на всё это средства, если иметь в виду не предпринимателей или зажиточных коммерсантов, а получающих заработную плату не выше средней?

Как я уже отметил, доходы семьи редко сводятся к заработку главы семейства. Свыше 30% замужних женщин работает по найму, причём указанный процент проявляет тенденцию к росту. Если даже принять во внимание, что оклады женщин ниже, и что значительная часть заработка жены поглощается прогрессивным налогом (доходы супругов облагаются совместно, вследствие чего доля отчисления оказывается значительно выше, чем была бы при отдельном обложении), если учесть, что часть замужних женщин прерывает работу на время воспитания детей дошкольного возраста, — всё же эта вторая зарплата доставляет семье дополнительные, нередко значительные возможности повышения жизненного уровня. Именно заработки жены и расходуются чаще всего на автомобиль, на zahraniчные путешествия, на более частые развлечения, — словом, на всё, что ещё десять-двадцать лет назад считалось недостижимой роскошью. Женщина всё больше эмансипируется в экономическом смысле, что, разумеется, оказывает огромное влияние на её самоощущение, а тем самым на её социальное и семейное положение. Общественное сознание, особенно мужское, не всегда поспевает за

этими переменами; впрочем, известно, что перемены в обычаях и образе мыслей всегда отстают от изменений в экономике.

При благоприятной хозяйственной конъюнктуре заработной платы действительности выше статистических данных, опирающихся на налоговые декларации. Во многих отраслях экономики ощущается недостаток рабочих рук. Сверхурочная работа и различные, не всегда выявляемые источники заработка приводят к тому, что фактические доходы в ряде случаев превосходят указанные выше. Хотя в 1966 году конъюнктура заметно снизилась, общая ситуация на рынке рабочей силы изменилась незначительно.

И, наконец, — здесь уже давно общепринята система планирования семьи. Браки заключаются в более позднем возрасте, чем у нас. В послевоенные годы средний возраст вступающих в брак мужчин составлял двадцать семь–двадцать восемь лет, женщин — двадцать четыре–двадцать пять. В последнее время наблюдается тенденция к снижению этого возраста, несомненно, под влиянием роста благосостояния и большой лёгкости бытового устройства. Впрочем, это явление отмечается во всех зажиточных странах обоих полушарий. Таким образом, перед вступлением в брак достигают некоторой устойчивости и обладают известной профессиональной квалификацией, а также сбережениями, что сразу же отражается на уровне жизни вновь возникающей семьи.

Но ещё более важным элементом планирования семьи является ограничение потомства. В прошлые времена ограничение числа детей возможно было и практиковалось лишь в зажиточных семьях, а также в высших классах трудовой интеллигенции. Теперь положение совершенно обратное. Нередко многодетные семьи встречаются в так называемых высших классах. Между тем, средние и даже зажиточные трудящиеся усвоили себе взгляд, что родительские чувства должны быть сосредоточены предпочтительно на небольшом числе детей, для блага всей семьи, понимаемого, разумеется, в материальном смысле. В рабочем классе общепринято полагать, что степень благосостояния зависит не столько от величины дохода семьи, сколько от размеров её издержек; в семьях рабочих стало почти правилом иметь одного, самое большее, двух детей. Естественный прирост населения в течение последнего десятилетия колебался здесь в пределах 0,45–0,50% в год, тогда как в Польше составлял к концу десятилетия 1,1, а в начале его — особенно в первой половине пятидесятых годов — 1,9% и выше.

Из этого факта вытекают определённые социальные, а иногда и экономические последствия, о которых будет речь ниже. В общем

итоге, однако, низкая рождаемость значительно уменьшает издержки со стороны государства и является фактором, способствующим более скорому росту жизненного уровня.

Шведское общество однородно в национальном и религиозном отношении. Преобладающая протестантская церковь больше четырёхсот лет подчинена государству и не зависит от каких-либо внешних инстанций. В ней сосредоточено свыше 90% населения, остальные же граждане принадлежат к другим христианским вероисповеданиям (методисты, баптисты, пресвитерианская церковь, Армия спасения и т. д.), или же вообще остаются вне церковной организации. Стоит отметить, что католиков в Швеции немногим больше 30 тысяч, и они практически не играют никакой роли в религиозной жизни страны. Правда, отдельные секты часто проводят свою собственную политику — и не всегда только религиозную, как, например, Армия спасения, — но общее влияние их на жизнь страны, пожалуй, невелико.

В этническом отношении шведское общество чрезвычайно однородно. Скандинавия не лежала на путях завоевателей и захватчиков, и после нескольких десятилетий экспансии, оставивших память и в нашей истории, шведы сосредоточили свою энергию на строительстве собственной страны, которую им удалось удержать в стороне от опустошавших Европу военных катаклизмов. Уже средний тип шведа, с которым вы сталкиваетесь, свидетельствует о минимальном притоке сторонней крови: это высокий блондин с голубыми глазами и светлой кожей. Стоит подчеркнуть, насколько важное значение имел этот факт для общества, которому, в отличие от иных, чужды были религиозные столкновения, национальная рознь, катастрофы захватов а оккупаций. Вытекающие отсюда преимущества трудно исчислить в деньгах. Но, пожалуй, они не уступают по значению лесам, железной руде и источникам дешевой энергии, которыми наделила эту страну не слишком ласковая к ней природа.

Уже из этой скупой информации видно, что шведов бесспорно надо отнести к людям, родившимся под счастливой звездой; может быть, даже слишком счастливой, потому что отсутствие борьбы и напряжения бывает причиной невроза и апатии. Значительные естественные богатства, большая, прекрасная страна, обеспечивающая привольную жизнь, эффективно организованная и преуспевающая экономика — всё это создаёт наилучшие условия для материального и духовного развития. Если прибавить к этому факт, что Швеция в течение пяти поколений не вела войн и не испытывала матери-

альных и моральных опустошений, которые они влекут за собою, — можно было бы подумать, что эта страна должна быть земным раем. Но воздержимся от обобщений. Многие шведы называют свою отчизну “скучным раем”. Читатель сам сможет судить по дальнейшим главам этой книги, насколько такое мнение обосновано.

В каждой стране свои нравы

Как я уже говорил, планирование семьи представляет характерную черту шведского общества. Как видно из имеющихся данных, число заключаемых браков и число детей в семьях меняются с годами сравнительно мало. В этой сфере традиции играют не меньшую роль, чем хозяйственные расчёты, и было бы слишком просто приписывать происходящие изменения одним только экономическим мотивам.

Несомненно, содержание многочисленного семейства затрудняет достижение высокого жизненного уровня, что является целью средней шведской семьи. Конечно, государство оказывает значительную помощь в содержании ребёнка — семейными пособиями, бесплатными обедами в школе, бесплатными учебниками и школьными принадлежностями, льготными условиями проведения каникул; и всё же воспитание молодого поколения требует жертв, и прежде всего ставит под вопрос заработок женщины. Уровень жизни семьи с одним ребёнком оказывается несравненно выше, чем у семьи с тем же доходом, насчитывающей троих детей; между тем, лишь три ребёнка в семье обеспечивают не простое воспроизводство, но и прирост населения.

Поэтому требуется своеобразная храбрость, чтобы обзавестись многочисленным семейством. Как видно из статистики, не только число многодетных семей, но и число заключаемых здесь браков меньше, чем в любой другой стране. В последние годы, правда, браки стали чаще, но лишь в прошлом десятилетии каждая пятая женщина старше пятидесяти лет никогда не была замужем; и это при отсутствии войн и иных потрясений, вследствие чего превышение женской части населения над мужской здесь незначительно. Шведские женщины жалуются, иногда в шутку, а иногда всерьёз, что воспитание или традиция сделали мужчин менее предприимчивыми в личных отношениях, чем этого хотелось бы им самим... Конечно, женщинам трудно взять инициативу в свои руки. В кафе можно увидеть пары молодых людей: мужчина читает газету, женщина явно скучает и время от времени поглядывает с упреком на своего спутника. В парке можно встретить пары, удивляющие контрастом настроений: девушка весёлая, улыбающаяся и задорная, в то время как юноша выглядит скованным и чопорным, как будто стесняется проявить свои чувства.

В 1965 году число молодых людей моложе двадцати четырёх лет составляло в Швеции 35% населения, в Польше в то же время — почти 47%. Следует иметь в виду, что прогрессирующее старение общества неизменно приводит к дальнейшему спаду естественного прироста населения, даже при увеличении числа браков. Сверх того, по мере старения общества, даже при наилучших материальных условиях и медицинской помощи, возрастает смертность. Наконец, сопутствующие этому явления — относительно большее число одиноких, меньше детского гама на улицах и площадях, значительно больше, чем у нас, стариков, — всё это не может не влиять на вид и настроение городов и посёлков.

Конечно, шведы отдают себе отчёт в возникающей ситуации, но не считают её социально опасной и не пытаются увеличить прирост населения специальными мерами материального поощрения со стороны государства. Существующая здесь опека над матерью и ребёнком является частью общей системы социального обеспечения и не занимает в этой системе привилегированного положения, развиваясь постепенно по мере роста общественного благосостояния. Напротив, принцип сознательного материнства и планирования семьи признаётся и применяется во всей полноте. Организованы консультации для женщин — безразлично, замужних или нет; существует свободная и легкодоступная продажа противозачаточных средств. Однако аборт здесь разрешаются лишь в исключительных случаях, когда имеются важные причины предотвратить появление на свет нежелательного ребёнка. Всё чаще раздаются, впрочем, голоса, требующие предоставления женщинам права решения и полной свободы также и в этом вопросе.

Швеция — одна из стран, где просвещение в вопросах пола наиболее развито; основы сожительства между мужчиной и женщиной являются здесь предметом обучения в школе в течение нескольких последовательных лет, во всё более всестороннем объёме. Если прибавить, что влияние религии, и вообще не очень значительное, в этой области почти не проявляется, то можно понять, почему число детей в семье определяется преимущественно рациональными соображениями. Разумеется, отсюда не следует, что средние шведские супруги, лишены нормальных родительских инстинктов; однако, они значительно меньше, чем в других странах, поддаются религиозным предрассудкам или натиску традиции.

Шведское общественное мнение не единодушно в оценке общественных последствий, которые могут произойти от такой установки. Иногда вспоминают положение, сложившееся в тридцатые годы,

когда в результате экономического кризиса значительно упала рождаемость. Это вызвало в обществе большое беспокойство. В итоге страстных дискуссий государство приняло ряд мер для облегчения финансовых затруднений, связанных с содержанием многодетных семейств. В настоящее время прирост населения стабилизировался на низком уровне; между тем, становится всё труднее удовлетворить потребность в рабочей силе. Развивающаяся экономика быстро поглощает все имеющиеся трудовые резервы, что в особенности относится к женщинам. Эта проблема, однако, не слишком привлекает внимание общества. Средний человек, пользуясь удерживающейся в течение ряда лет хозяйственной конъюнктурой, не предаётся, впрочем, чрезмерному оптимизму; он не рассчитывает, что постоянный рост дохода позволит ему повысить свой жизненный уровень и одновременно содержать многочисленное потомство. Экономический спад 1966 года укрепил его в этом убеждении.

Хозяйственные трудности, вытекающие из такой установки и проявляющиеся в нехватке рабочих рук, преодолеваются путём использования эмигрантов. Швеция, лежащая в стороне от столбовых дорог Европы и не знавшая с 1814 года иностранных вторжений, отпугивающая своим климатом и ещё сто лет назад крайне бедная, не привлекала переселенцев из других стран; напротив, многие шведы эмигрировали, в особенности в Соединённые Штаты. По мере роста благосостояния положение менялось, но и тогда приток иностранцев оставался незначительным. Иммиграция достигла наивысшего уровня после второй мировой войны, когда в Швецию оказалось около 135 тысяч беженцев из разных стран. Значительная часть их поселилась здесь на постоянное жительство, приобрела гражданство и постепенно ассимилировалась — впрочем, преимущественно лишь во втором поколении.

Шведы не опасаются контролируемого притока иностранцев, в особенности рабочих и ремесленников, а также врачей (недавно было принято несколько десятков австрийских врачей с семьями) и учёных. Например, в распространённом английском еженедельнике “Экономист” можно прочесть объявление о конкурсе на замещение кафедры экономики в Лундском университете, самом крупном и важном в стране, наряду с университетом в Упсале. Конечно, высокий уровень жизни весьма облегчает их привлечение, причём значительная часть прибывает из других скандинавских стран.

Как бы ни оценивалось шведское планирование семьи с его социальными последствиями, бесспорный факт состоит в том, что оно облегчает повышение личного благосостояния и развитие государ-

ственного попечения о гражданах. А это важнее всего. В самом деле, если страна не только не участвовала в войнах на протяжении нескольких поколений, но даже исключала из своей истории и традиций идеал воинской доблести, если она сохранила при этом осторожную сдержанность в отношении внешнего мира, не сталкивалась с национальной рознью и осуществила в большей мере, чем где-либо на Западе, социальное равенство, то, естественно, вопросы, касающиеся личного счастья и благосостояния, должны были выдвинуться на передний план жизненных устремлений.

Это ощутила в начале своей просветительской деятельности молодая, полная энергии журналистка и общественная деятельница Элиза Оттесен-Иенсен. Вынужденная оставить свою профессию зубного врача вследствие несчастного случая с левой рукой, она занялась журналистикой; наряду с этим она читала доклады для женщин из рабочей среды. Дело было в 1913 году, в отсталых областях Швеции. Близился пожар мировой войны; но никакие призывы к активной деятельности не могли вырвать слушательниц из отупляющей апатии. Всё же они посещали беседы, видимо, чего-то ожидая от молодой энтузиастки. Тайна не замедлила обнаружиться, в бедных деревнях Севера война казалась далёкой абстракцией; Жёны шахтёров и лесорубов удручены были конкретными, повседневными заботами: как прокормить и воспитать детей, слишком уж многочисленных, чтобы считать их благословением божьим... Богатые женщины в Стокгольме, Гетеборге или Мальме как-то ухитрялась с этим справиться; здесь же, а бедных домиках из единственной комнаты, задыхались непомерно разрастающиеся семьи. Можно ли что-нибудь сделать, чтобы ежегодно не являлся на свет ещё один ребёнок, не имеющий шансов выжить?

Перед лицом этих несчастий, происходящих от темноты а нужды, Элиза Оттесен-Иенсен позабыла о войне. Посещая беднейшие районы страны, она своими глазами убедилась, какой страшной катастрофой была стихийная, неконтролируемая рождаемость. Её беседы, продолжавшиеся часто далеко за полночь в убогих избушках, открывали новую эру в жизни слушательниц. Сведения передавались из уст в уста. При этом необходима была осторожность, поскольку тогдашнее шведское законодательство (подобно нынешнему итальянскому) запрещало распространение информации о способах предотвращения беременности. Однако ни травля, ни сопротивление обывателей, ни судебные процессы не смогли остановить Элизу и её многочисленных сторонников и сторонниц. Постепенно развернулась борьба за право замужних женщин, а потом и всех

женщин вообще, самим принимать решение о материнстве.

Элиза Оттесен-Иенсен описала свои труды и испытания в недавно вышедшей книге воспоминаний, под названием: “Продолжение написала жизнь”. Сейчас ей за восемьдесят лет, и она может с гордостью оглянуться на дело своей жизни. На её родине проблема решена теперь в масштабе всего общества. Остаются лишь отдельные, более сложные случаи, на границе медицины и патологии. Их не может объяснить даже известный учебник “Основы делового воспитания”, предназначенный для воспитателей и охватывающий проблематику детей и молодёжи от дошкольного возраста до семнадцати-двадцати лет.

Лига Сексуального просвещения, основанная госпожой Оттесен-Иенсен в 1931 году, занимает помещение в центре Стокгольма. На третьем этаже находится специальный магазин; продавщица в медицинском халате сообщает цены различных противозачаточных средств и разъясняет способы их действия. Вдоль коридора размещены консультационные кабинеты; право на консультацию имеют уже пятнадцатилетние девочки. Лига организует курсы, устраивает доклады, издаёт брошюры, книги и журнал “Сексуальный вопрос”, а также проводит просветительные беседы по радио и телевидению. На улицах Стокгольма можно увидеть автоматы, продающие презервативы, на стенах же — особенно летом — плакаты, изображающие серьёзное девичье лицо. Надпись сверху гласит: “Надёжное лето — с РФСУ” (что означает Лигу).

Таким образом, само государство ставит проблемы сексуальной жизни на центральное место, привлекая к ним внимание общества; при этом довольно необычно, что это делается не в общенациональных интересах, которые требуют, скорее, увеличения естественного прироста населения. Проблема, каким образом отделить половую жизнь от деторождения, как ориентировать её, чтобы она способствовала увеличению свободы, а тем самым и счастья человеческой личности, обсуждается здесь официально и публично всевозможными учреждениями, в том числе и церковью. В одном из пастырских посланий, изданных епископатом в конце 1964 года признаётся, что целью половой жизни является, в понимании церкви, не только рождение детей. А главный редактор журнала “Наша церковь” М. Бетиус заявил в телевизионном интервью: “Добрачные отношения между молодыми людьми являются в настоящее время фактом как в Швеции, так и во всём мире. Церковь не может отнестись к этому критически”. Конечно, это мнение разделяют не все представители церкви, даже либеральной евангели-

ческой церкви, охватывающей почти всё население Швеции.

Пресловутая сексуальная свобода имеет в Швеции долгую традицию. По старинному шведскому обычаю, юноши группами встречались с девушками, причём пары симпатизирующих друг другу молодых людей отделялись от общей компании. Когда женщина ожидала ребёнка, дело кончалось, как правило, браком. Ещё в наше время бывает, что молодой человек, посещающий девушку в доме её родителей, остаётся у неё на ночь, не будучи при этом ни женихом, ни признанным претендентом на её руку. Церковь, борющаяся и до сих пор борющаяся с этим обычаем, не сумела, однако, его искоренить. Новые времена принесли с собой всеобщее расширение сексуальной свободы, и таким образом старинные обычаи, принятые в низших слоях населения, оказались реабилитированными. Но в городе, при значительно меньшем влиянии среды, интимное знакомство не всегда завершается браком; отсюда значительный процент внебрачных детей.

Анкеты, проведённые молодёжными организациями, дали возможность собрать интересные данные о сексуальной жизни молодёжи. В качестве времени начала половой жизни мужчины указывали преимущественно семнадцать лет. Женщины — пятнадцать-шестнадцать. (Анкета относилась к рабочей среде, с начальным или неполным средним образованием. По мере роста образования, нижняя граница возраста повышалась). Среди опрошенных новобрачных 95% мужчин и 80% женщин начали половую жизнь до супружества. Материнство среди пятнадцати-восемнадцатилетних женщин проявляет тенденцию к возрастанию. И в то же время проституция здесь запрещена, а тайная практика её уголовно наказывается.

Однако, вряд ли справедливо высказываемое иногда мнение, будто и в браке приняты столь же “свободные” отношения; напротив, супружеская неверность как со стороны женщины, так и мужчины чаще всего приводит к разводу. Вследствие довольно распространённой материальной независимости женщин развод по требованию женщин не является редким явлением. Таким образом, разводы достаточно часты; так оканчивается каждый пятый или шестой брак. Это создаёт, конечно, серьёзные социальные проблемы; не случайно поэтому особое попечение государства о детях.

Свобода сожителства молодых людей, относительная лёгкость, с которой женщины вступают в интимные связи, благосклонность их по отношению к ухаживанию иностранцев, обычно превосходящих соотечественников своей любезностью и темпераментом — всё это даёт пищу морализующим оценкам по поводу “шведской рас-

пущенности”, неосновательным обобщениям и красочным, но обычно недобросовестным сенсационным репортажам. Как сообщалось в своё время в шведской печати, некоторые местности снискали свою популярность у иностранцев, ищущих партнёрок на время краткого отпуска. Одна молодая американская туристка дала интервью, в котором указала в качестве приятнейшей неожиданности увиденные ею в стокгольмском магазине купальные костюмы — она была уверена, что женщины купаются здесь обнажёнными и собиралась по этой причине отказаться от пляжа. Бывший президент США Эйзенхауер однажды публично заявил, что на севере Европы расположена дружественная к Америке страна, жители которой отличаются распущенностью, пьянством и высоким процентом самоубийств.

Когда эти вещи затрагиваются в разговорах, ответы по большей части сводятся к тому, что сексуальные проблемы, вообще говоря, не дают оснований для беспокойства, различие же по сравнению с другими странами состоит, главным образом, в меньшей степени общественного лицемерия. Поскольку считается разумным позднее заключение браков, добрачные половые отношения рассматриваются как простое следствие итога факта. Преобладающее мнение состоит в том, что сожителство мужчины к женщины должно основываться на чувстве и быть продолжительным; но при этом полагают, что воспитание общества не может быть достигнуто полицейским контролем или административными запретами. В шведском парламенте случались интерpellации депутатов, добивавшихся запрещения полупорнографических журналов, шведских и иностранных, выставляемых на продажу в газетных киосках и некоторых магазинах. Правительство воспротивилось, однако, и этому, казалось бы правильному предложению, а премьер-министр разъяснил, что административный запрет может даже усилить заинтересованность в подобной “литературе”, превратив её в запретный плод... В такой позиции властей существенную роль играет, конечно, политическая тактика: здесь избегают вмешиваться в частную жизнь гражданина, наделённого сильным чувством независимости и привыкшего свободно устраивать свои личные дела. Но, наряду с этим, играет роль также убеждение, что силы, необходимые для борьбы с порчей нравов, должно выработать само общество, и что наилучшим путём к их исправлению является повышение общего уровня граждан.

Шведские воспитатели и социологи часто сталкиваются с сомнением, можно ли рассматривать половой вопрос в чисто биологиче-

ском аспекте, а не ставит ли это под угрозу любовь между мужчиной и женщиной. Ответы их как правило, однотипны и сводятся к подчёркиванию различия между ролью государства и общества. Так, государство обеспечивает гражданам жилища, но не может контролировать, как ими пользуются жильцы — рационально или нет. Никакое государственное учреждение не имеет полномочий проверять, какое употребление делает гражданин из своей зарплаты или пенсии, тратит ли он эти деньги разумно и с пользой для общества. Государство стремится повысить образовательный уровень, но не может принудить гражданина соответствующим образом использовать полученное образование. Точно так же половое просвещение направлено к освобождению человека от тысячелетнего бремени, навязанного ему слепым инстинктом. Надо, чтобы это просвещение использовалось разумно и честно, в этом смысле молодёжь воспитывается школой, литературой, искусством и хорошим примером со стороны общества. Конечно, нередко встречаются извращения и тривиализация самых прекрасных чувств. Но виновно в этом поведение людей, а не свобода, выпавшая им на долю. Большинство пользуется этой свободой надлежащим образом; на меньшинство же следует воздействовать общественными средствами.

Что же можно сказать о проблеме молодёжи? Насколько справедливы жалобы на возрастающую озабоченность властей и общественности в связи с преступностью несовершеннолетних?

Представление, будто размеры преступности зависят исключительно от материальных условий жизни, без сомнения, оказалось ошибочным. По мере роста благосостояния общее число преступлений в Швеции не убывает, а возрастает, в особенности же среди молодёжи: за последние десять лет среди молодых людей восемнадцати-двадцати лет она почти удвоилась. В Швеции распространена точка зрения, связывающая этот факт с растущим количеством материальных благ и возможностей потребления; при различном материальном положении людей увеличивается искушение добывать деньги, что и приводит к непрерывному росту преступности.

Пройдёмся вечером по одной из главных торговых улиц Стокгольма, Кунгсгата (Королевский дворец). В отличие от многих других, заведомо не “худших” артерий большого города, пустоватых и не слишком освещённых, эта улица утопает в свете сияющих витрин и фонарей. Складывается впечатление, что приложены особые старания для отчётливой видимости всего происходящего.

По обе стороны дороги, тесно прижимаясь друг к другу, движутся вереницы машин. И странная же это кавалькада! Скорость 10–15 километров в час. Время от времени одна из машин въезжает почти на тротуар, задерживается, блокируя всю цепочку. Мало кто пытается её опередить, не слышно сигналов, свидетельствующих о нетерпении. Моторизованное сообщество проявляет полное понимание “акции” своих товарищей.

Какое здесь разнообразие марок! Наряду с новыми машинами — экипажи десяти-двадцатилетней давности, часто поражающие пестротой раскраски. За изящными шведскими “Вольво” — старые американские “крейсера”, вызывающие на первый взгляд изумление тем, что ещё могут двигаться. И вдобавок, как легко заметить, некоторые из них через несколько минут оказываются на том же месте. Таким образом, все эти машины вовсе не проезжают через Кунгсгатан к какой-либо другой цели; это нечто вроде моторизованной прогулки.

При взгляде на “экипажи” машин удивление возрастает: это почти исключительно молодые люди семнадцати-двадцати двух лет. Одеты они в цветные свитеры или какие-нибудь забавные наряды, например, в морозную погоду — в белые пиджаки с короткими рукавами; кажется, будто они кого-то ждут. Если в машине находится девушка, прижавшаяся к водителю или его соседу, то тем более бросается в глаза, что сзади оставлены свободные места, ожидающие следующих партнёров. В самом деле, машины обычно неполны. Чаще всего три или четыре парня теснятся на переднем сиденье, оставив заднее незанятым.

Это действуют пресловутые *раггаре*, что на здешнем жаргоне означает охотников за добычей. Часто они вывешивают на палке нечто вроде флага, как будто вид машины и её пассажиров сам по себе не достаточен; на условном языке улицы эта тряпка означает, что хозяева свободны и ждут гостей.

На тротуарах, вперемежку с обычной публикой — всё более редкой по мере приближения ночи — прогуливается группа девочек. Возраст их — тринадцать-шестнадцать лет, иногда и моложе; они и являются предметом этой странной охоты. Старшие уже не имеют шансов; впрочем, среди них реже встречаются любительницы подобного, по существу не очень романтического приключения. Время от времени одна из девочек подходит к медленно движущейся машине. Происходит короткий разговор через открытое окно; он завершается либо возвращением к наблюдающим сцену подругам, либо заполнением ещё одного места в машине. Когда машина заполня-

ется, она выезжает из процессии, а затем покидает улицу. Теперь компания составлена; развлекаться можно “дома”, или в пригородной “резиденции”, а в тёплые летние дни на лоне природы. У них водка, в лучшем случае к ней добавляется какая-нибудь джазовая или танцевальная музыка. Садясь в машину, девушка знает, что за компанию и развлечение ей придётся уплатить благосклонностью к желаниям только что приобретённых друзей, которые оказываются обычно друзьями на один вечер. Всякая попытка сопротивления грубо появляется. Самая мягкая санкция — быть высаженной из машины на тёмной дороге в морозную ночь.

Один из моих знакомых, общественный инспектор, разрешил мне сопровождать его во время ночного обхода. Мы проходили мимо Хумлегорден, небольшого парка рядом с одной из центральных улиц Стокгольма, в конце которого находится знаменитая Королевская библиотека. Мой спутник едва заметно раскланялся с молодым человеком, небрежно опиравшимся о фонарь. “Они меня здесь знают, — объяснил он, — я же знаю лишь некоторых, но распознать могу любого из них...” Кое-что отличает их от нормальных парней. Я не сразу понял, что. “Дело в том, — прибавил мой спутник, — что эти молодые люди ищут мужского общества. Этот парк — один из их “пунктов”, нечто вроде Кунгсгатан с её раггаре”.

Целью нашей ночной прогулки было особое заведение в южной части города. Добралась мы до него между часом и двумя ночи, так как мой спутник заглядывал по пути в различные закоулки, существования которых я без проводника никогда бы не заподозрил.

Предупредительная буфетчица располагала пивом, разными безалкогольными напитками, булочками, сладостями. В углу большого зала стоял бильярдный стол, в другом — “играющий шкаф”. Общество состояло из молодых людей обоего пола; лица некоторых из них могли бы вызвать трепет где-нибудь в глухом переулке. Несколько пар кружились в такт мелодии, парни играли в бильярд; часть присутствующих сидела за столиками, занятая какими-то играми. Некоторые беседовали, разбившись на небольшие группы.

Мой провожатый чувствовал себя здесь совершенно свободно, и посетители этого странного заведения встретили его, как своего человека, без всякого удивления; можно было заметить дружелюбные улыбки, некоторые же приветствовали его традиционными словами: “Что нового?” Я был представлен, в согласии с действительностью, в качестве иностранца, желающего познакомиться с молодёжным ночным клубом. На это реагировали довольно равнодушно — без неприязни, но и без благожелательного интереса. Нашлось всего два

человека, пожелавших обменяться со мной несколькими фразами, да и то на случайные темы.

Это посещение клуба для трудной молодёжи запало мне глубоко в память и позволило лучше понять условия, созданные государством для перевоспитания молодых людей. Мой спутник знал почти всех посетителей этого клуба, а многих из них наблюдал в течение ряда месяцев. Раггаре, начинающие преступники, покупатели и потребители наркотиков, доставляемых в Швецию организованными контрабандистами, рекрутируются преимущественно из новичков, привлечённых перспективами большого города, или молодых людей, лишённых домашней заботы — чаще всего из разбитых семей. Оторванные от родной среды или не имеющие собственной среды, они часто находят работу, обеспечивающую им даже недурное существование, причём трудятся дисциплинированно, часто не хуже своих коллег. Но они не умеют создать себе естественную среду, у них слишком мало собственных интересов, а местные люди неохотно принимают в своё общество пришельцев со стороны. Поэтому они податливы на всевозможные влияния, а отсюда уже один шаг до водки, бессмысленной погони за эротической разрядкой, и даже до преступления. Мотивы человеческих поступков и характеры людей весьма различны. Поэтому должны быть различны и методы воспитания, и предупредительные средства. Чаще всего достаточно наблюдать за молодыми людьми, не обязательно в виде судебной санкции, пытаюсь обеспечить им общество и оберегая их от преступных соблазнов и влияний. Надо находить и выращивать, как хрупкое растение, добрые свойства, заключённые в каждом человеке; а это требует бесконечного терпения, упорства и веры в человека. Отсюда идея клубов, где молодые люди могли бы проводить время в здоровой обстановке, учиться подолгу бывать с людьми, искать постоянных отношений с ними, а не минутных впечатлений, рано или поздно приводящих к утомлению и фрустрации. Нужно неутомимое, напряжённое внимание, чтобы эти клубы не выродились в очаги преступности... и делать это надо с улыбкой, спокойно, потому что грубость или торопливость могут разрушить всё, достигнутое с таким трудом.

Разумеется, организацией молодёжных клубов не исчерпывается профилактика молодёжной преступности. Общественные опекуны стараются заинтересовать работодателей своих подопечных, склоняя их к особой опеке над этой категорией сотрудников. В качестве примера можно привести инициативу женщины — члена стокгольмского муниципалитета, сумевшей заключить соглашение с предста-

вителями раггаре, по которому они взялись перевозить на своих машинах престарелых и больных. Общественная опека занимается также организацией небольших молодёжных групп из нескольких человек. Такая группа поселяется на некоторое время вместе с опекуном, руководящим также её работой — корчеванием лесного участка, очисткой естественного парка и т.п. Таким образом молодёжь привыкает к трудовому товариществу, приучается получать удовлетворение, видя результаты своих усилий.

Работа общественных опекунов и инспекторов, в ряде случаев вызывающая восхищение, имеет огромное значение не только для воспитания трудной молодёжи, но и для общества в целом: они занимаются стариками, больными, одинокими матерями, семьями, где возникают конфликты между родителями и детьми, словом, принимают участие во всех ситуациях, где необходима помощь или вмешательство общества. Работа эта трудная, часто неблагодарная, невысоко оплачиваемая, и притом очень ответственная. Инспекторов слишком мало, чтобы удовлетворить потребности общества, где быстро растущее благосостояние не сопровождается смягчением социального неравенства, где распадение старых общественных связей и злоупотребление личной свободой неизбежно создают искушения, непреодолимые для морально слабых людей и сталкивающие их в положение отщепенцев или преступников. Задачи инспекторов отнюдь не облегчаются установками и стилем ежедневной печати, выдвигающей на видное место каждое происшествие или преступление, лишь в редких случаях пытающейся оказать воспитательное влияние, но всегда избыточной грубыми сенсациями и отвратительными подробностями. Часто складывается впечатление, что трудно ожидать от виновников какой-нибудь трагедии осознания совершённого ими поступка, раз оно отсутствует у людей, формирующих общественное мнение. Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что при этих условиях лишь благодаря усилиям работников общественной опеки молодёжная преступность в Швеции меньше, чем в любой другой стране. Этот факт подчёркивается редко; и меньше всего можно узнать о нём из печати, кино и даже из литературы самой Швеции, не говоря уже о различных репортажах или описаниях, обычно сосредоточивающих внимание на колоритно-сенсационной стороне дела и на поверхностных обобщениях.

У читателя может возникнуть вопрос, нельзя ли лучше организовать полицейский надзор, с применением репрессий в отношении неисправимых. Однако, решение проблемы на этих путях оказы-

вается труднодостижимым, если остерегаться впасть в противоположную крайность. Несколько лет назад городские власти решали принять меры для очистки улиц. Полицейские патрули наблюдали за прохожими, пытаясь прекратить “ярмарку девушек” и не допускать заключения случайных знакомств. Вначале всё это можно было легко распознать. Казалось, что раггаре понесли поражение; любители ночных приключений стали лихорадочно менять улицы своих встреч, концентрация “охотников” в отдельных местах города начала снижаться; но сама практика никоим образом не прекратилась, а была всего лишь затруднена. Начали симулировать встречи, как будто со знакомыми девушками; и поскольку часто встречались действительно знакомые, то возникало всё больше ошибок. В итоге в комиссариатах полиции вместе с любителями приключений оказалось немало добропорядочных граждан. Тут сразу же вмешалась пресса, обрушившись на злоупотребления незадачливых стражей порядка и подняв тревогу по доводу возможного нарушения гражданских свобод. В результате мероприятие было прервано, и Кунгсгатан приняла свой прежний вид.

Чем же объясняется тот факт, что, несмотря на внешние “приманки” хулиганства и относительно мягкую реакцию властей на менее опасные формы его, число настоящих преступников, происходящих из этой среды, относительно мало? Почему из юного раггаре или подростка, совершившего кражу машины или пьяную выходку, редко вырастает кандидат в тюрьму?

Мне кажется, что ответ следует искать в общей атмосфере, характерной для шведского общества. Развитое чувство солидарности не может не влиять даже на среды с преступными наклонностями — конечно, если речь идёт о молодых, не совсем испорченных людях. Кроме того, вскоре начинают действовать материально-престижные стимулы: надо занять какое-то место в гражданской иерархии, а также добиться уровня жизни, который считается необходимым. Всё это требует самодисциплины; и молодой раггаре, пошумев в своё удовольствие, скоро соображает, что так дело не пойдёт.

Мне довелось познакомиться с молодым человеком, Стеном К.: рассказывая о себе, он упомянул, что в своё время регулярно бывал на Кунгсгатан. Вследствие этого он не окончил средней школы, и его образование завершилось так называемым *реалэкзамен*, после девяти лет обучения в средней школе (*реалскола*), представляющей собой нечто среднее между нашей начальной школой и лицеем. Время шло, отец перестал помогать, и надо было волей-неволей искать какую-то работу.

Случай к этому представился, когда один знакомый отца Стена, работавшего мастером в механических мастерских, сообщил ему, что требуются рабочие на известном предприятии “Л. М. Эриксон”, производящем аппаратуру связи. Стен К. явился и был принят. По мнению семьи, для молодого человека без определённой квалификации это было особой удачей, поскольку в этой фирме условия работы и социальное обеспечение лучше, чем в любом другом месте. В принципе Стен был с этим согласен, но в глубине души считал работу скучной и утомительной — ему приходилось восемь часов в день заниматься монтажом одинаковых элементов — и не хотел ею довольствоваться. Он пришёл, впрочем, к выводу, что ему следует остаться у “Л. М. Эриксона”, но надо поискать более интересную работу.

Через несколько месяцев Стену стало известно, что среди сотрудников предприятия производится набор в заочный техникум, состоящий при заводе. Он записался на подготовительные курсы, окончил их и успешно сдал вступительный экзамен. Началось учение одновременно с работой, и пришлось окончательно расстаться с рейсами на Кунгсгатам и с весёлыми друзьями. Ему как-никак, уже исполнилось двадцать два, и погоня за малолетними девчонками ему всё меньше импонировала.

Когда я познакомился со Стеном через десять лет после его поступления в техникум, он по-прежнему работал у Эриксона, но уже не в цехе, а в конструкторском отделе, где руководил одним из чертёжных отделов. Он координировал работу семи чертёжников, отвечал за правильное и своевременное выполнение схем телефонных подстанций, которые изготовлялись по чертежам отдела. Однажды я навестил его на месте работы, во время обеденного перерыва, и поговорил с его ближайшими сотрудниками. Из этой беседы я понял, что, несмотря на отсутствие внешнего контроля, распорядок работы весьма суров: начало в 8.05, в 10 перерыв на несколько минут (для кофе); между 12 и 12.45 или 12.45 и 13.30 (в две смены) перерыв для ленча, обильного и питательного, бесплатно выдаваемого предприятием. Затем работа до 16 часов. Во время работы принято вовсе не разговаривать. Вызовы к телефону или выход в город случаются крайне редко.

Стен с гордостью показал мне строящийся домик из пяти комнат, куда он вскоре собирался переехать, с женой и двумя сыновьями — трёхлетним и пятилетним. У него есть автомобиль и всё необходимое хозяйственное оборудование. О своём жизненном пути он говорит с удовлетворением, но сознаёт, что при своей квалификации

достиг уже предела возможного. Между тем в тридцать три года трудно отказаться от дальнейшего продвижения. Но единственный путь для этого — получить талон инженера, потому что при его нынешнем образовании на более высокую должность рассчитывать невозможно. Придётся подождать ещё примерно два года, в течение которых, после переезда в новый дом, в нём будут выполнены всевозможные доработки и улучшения — всё, что можно сделать самому, без дорогих в труднодоступных услуг ремесленников. Лишь после этого можно будет сосредоточить всю энергию на следующем, нелёгком жизненном “прыжке”.

В Упсале, на дружеской встрече со студентами, один из них познакомил меня с Кристиной Б., готовившейся к соисканию степени лиценциата скандинавской филологии (эта степень, следующая здесь за кандидатской, соответствует нашей докторской). Как выяснилось из беседы, биография Кристины была совсем не типичной. Происходила она из бедной семьи служащего в Эребро, значительном по здешним масштабам городе центральной Швеции. Как старшая из четверых детей, она не имела возможности долго заниматься образованием. Окончив школу для девочек с программой, соответствующей упомянутой выше реалсколе, Кристина решила стать учительницей; для преподавания в младших классах достаточно иметь диплом двухлетней учительской семинарии, с которым можно приступить к работе уже в восемнадцать-девятнадцать лет. Моя собеседница окончила эту семинарию, а затем, чтобы удовлетворить свою любознательность и увидеть большой мир — поехала на год в Германию, где работала в администрации лагерей для “перемещённых лиц”. Это дало ей возможность ознакомиться со страной и в совершенстве овладеть языком. Вернувшись на родину, она некоторое время преподавала в школе, скопила немного денег и пришла к выводу, что имеет смысл продолжить образование. Для этой цели она отправилась в Упсалу, где занялась скандинавской филологией и вскоре получила студенческую стипендию, обеспечивающую весьма скромное существование. Через четыре года она окончила университет, и теперь уже второй год готовится к учёной степени, получая теперь значительно большую стипендию. Ей двадцать семь лет; со степенью лиценциата она приобретёт наивысшую в Швеции профессиональную квалификацию преподавателя средней школы и специальных училищ. Следует заметить, что вознаграждение учителей этого рода, именуемых здесь лекторами, довольно высокое, примерно соответствующее оплате доцента высшей школы. Кристина не скрывала при этом, что ее пребывание в Германии изобилова-

ло разнообразным жизненным опытом и личными переживаниями, и что было время, когда ничто не казалось ей более чуждо, чем спокойная, хотя и бесцветная работа в шведской провинции. “Но в Швеции ко мне скоро вернулась трезвость, — прибавила она с улыбкой. — У нас можно кое-чего добиться относительно ровным путем, но не приходится рассчитывать на лёгкую удачу или поблажки”.

Не так легко охарактеризовать жизненную установку шведского трудящегося — рабочего, служащего, врача или учёного. В неё входит и обычная человеческая надёжность, возникающая из устойчивости отношений и закрепляемая многолетней традицией, и сознание, что нельзя рассчитывать на ”поблажку”. Средний швед исполняет свою работу прежде всего добросовестно — точно, систематически заботясь о всех деталях. Он не привык и даже, возможно, не способен к внезапным, кратковременным порывам, за которыми следует упадок продуктивности или застой. Трудится он равномерно, не выходя из ежедневного ритма. Ритм этот в такой степени с ним срастается, что обычный труженик вовсе не стремится переменить место работы или однажды приобрести новую специальность. Поэтому — если не считать особых периодов текучести кадров в результате “перегретой” хозяйственной конъюнктуры — стабильность персонала поистине удивительна, и человек проводит всю жизнь, как правило, на одном предприятии, у одного и того же станка. Отсюда и социальные последствия. Рабочий рассчитывает не столько на служебное продвижение, сколько на улучшение условий своей жизни вследствие общего повышения зарплаты в его отрасли промышленности. Уволить сотрудника, даже не слишком производительного и усердного, практически невозможно, если только он не совершил серьёзного проступка. Здесь не существует юридических гарантий против увольнения; тем не менее, работодатели охотно соблюдают принцип несменяемости кадров во всех случаях, когда для увольнения нет очевидной причины. Ценой терпимого отношения к некоторой более слабой части сотрудников они сохраняют в целостности высококвалифицированные коллективы, обладающие огромным опытом и навыками совместного труда.

Этому опыту и навыкам должно сопутствовать постоянное совершенствование техники и организации труда, то есть технический прогресс в самом широком смысле слова. Надо поспевать за лучшими мировыми достижениями, развивать их на собственных предприятиях; этим постоянно озабочены шведские инженеры и техники, учёные и исследователи. В разговорах с ними этот мотив всё время возвращается, сопровождаемый определёнными опасениями.

Немногочисленное общество, занятое специализированным производством в ряде областей, в мире конкуренции должно всё время держаться на высшем уровне, подобно тому, как спортсмен должен без усталости тренироваться, если хочет удержаться среди чемпионов. Легко понять, зачем и государство, и предприниматели столь щедро поддерживают профессиональное и высшее образование, всякого рода исследования, связи с иностранной наукой и техникой, а также не жалеют затрат на патенты и лицензии. Отсюда и тенденция к специализации, весьма всесторонней и проводимой с раннего возраста — уже в средних классах школы. После введения в 1962 году так называемой единой начальной школы, обязательной для всех детей, распределение учеников по специальным классам в зависимости от способностей и интересов, а также предварительная подготовка к профессии начинается на тринадцатом году жизни; перед этим каждый ребёнок в течение двух лет находится под наблюдением.

Таким образом люди разумно пользуются “наследством”, полученным от природы. На каждом сколько-нибудь крупном предприятии рабочий или служащий умеет, в пределах своих обязанностей, всё решить и исполнить без помощи коллег и без указаний начальства. Это придаёт труду своеобразное достоинство, даже на низких уровнях иерархии и квалификации. Каждый является хозяином на своём, хотя бы небольшом участке, и может не опасаться вмешательства извне.

Во время моего пребывания в Упсале я узнал о трагическом происшествии. Житель одного из студенческих общежитий, студент-филолог, повесился на двери своей комнаты. Это был спокойный, несколько меланхолический парень двадцати одного года; за два дня до смерти он написал матери, живущей далеко на севере, что учение даётся ему с трудом, и что он боится предстоящего экзамена. Мать, по-видимому, почувствовала что-то недоброе, потому что приехала в Упсалу ближайшим поездом... опоздав на несколько часов. Мои хозяева коротко сказали мне, что такие случаи время от времени происходят, причём не всегда можно установить причину. Хозяин добавил, что его собственный двоюродный брат, отец семейства, застрелился, узнав, что его оговаривает старый друг...

Случаям этого рода шведы обязаны репутацией психически неуравновешенных, даже психически неполноценных людей, способных посягнуть на свою жизнь без серьёзной причины... Сколь широко

распространено это мнение, видно из уже приведённого высказывания Эйзенхауэра, которое он, впрочем, взял назад во время своего визита в Швецию. В свете статистики это выглядит иначе: по числу самоубийств Швеция стоит на третьем месте (19,8 случаев на 100 000 населения, по данным 1964 г.), уступая Венгрии (26,8 в 1963 г.) и Австрии (21,7 в 1963 г.), но несколько опережая ФРГ, Финляндию, Данию и Швейцарию. Следует иметь в виду, что в католических странах самоубийства часто скрываются, как тяжкий грех против религии; в Швеции же статистика в этой области ведётся тщательно, здесь нет тенденции сохранять в тайне случаи, когда мужчина стреляется или выбрасывается из окна, а женщина проглатывает чрезмерную дозу снотворного. Отсюда видно, что Швеция находится не в начале, а где-то в середине ряда европейских государств, лишь немного впереди других стран с аналогичными условиями жизни. Впрочем, надо отметить, что самоубийства среди мужчин здесь втрое чаще, чем среди женщин — вероятно, вследствие большей концентрации энергии на профессиональных делах и карьере.

Может быть, не стоило бы так долго останавливаться на этом вопросе, если бы не повторяющиеся попытки объяснить описанные явления чрезмерной, якобы, опекой государства над гражданином.

Часто мы слышим ядовитое суждение, что в государстве благосостояния человек становится автоматом. За него мыслит и действует невидимая государственная машина. Естественно, это не развивает в нём энергии и сопротивляемости, что легко приводит к расстройству внутреннего равновесия, при котором единственным исходом кажется самоубийство...

Социальная подкладка подобной точки зрения слишком очевидна, а ссылки на врождённую человеческую энергию, которой государство не должно сковывать, на благотворную роль свободной игры сил и т.п. всегда были оружием из арсенала правой реакции. Можно, однако, задать себе другой вопрос. Конечно, распущенность, пьянство, “сумеречные” настроения в Швеции существуют (да и в какой стране их нет?); но уменьшается ли они по мере экономического прогресса? Иными словами, отвечают ли материальным и социальным достижениям лучшие, чем в других местах, отношения между людьми? Верно ли, что средний шведский гражданин, который богаче и социально лучше обеспечен по сравнению со средним гражданином другой страны, превосходит его своим моральным уровнем, строем идей и интересов? Конечно, эти вещи не поддаются никакому измерению; но наблюдение склоняет к выводу, что здесь, как и в других странах, благосостояние и устойчивость

во многих отношениях опережают развитие характера и мысли. Как уже было сказано, так называемая американизация жизни, понимаемая в смысле погони за всё более высоким материальным уровнем, выдвигается в Швеции на первое место. Согласно популярной шутке, никогда ещё так много людей не было в таких больших долгах. При сильной общественной солидарности связи между отдельными личностями относительно слабы. Проводившаяся в течение десятилетий политика изоляции от европейских и мировых дел привела к тому, что при общей гуманной установке швед обычно не чувствует глубокой личной связи с общими мировыми проблемами, а разнообразные, всё более тесные иностранные контакты часто трактует лишь с практической стороны.

Все эти вопросы подлежат исследованию социологами, воспитателями и моралистами. Нет, однако, никаких оснований считать, что существует связь между “государством благосостояния” и отрицательными общественными явлениями. В самом деле, трудно допустить, что человек с относительно устойчивым материальным положением, живущий в хорошо организованном обществе, с гарантированной медицинской помощью и обеспеченной старостью, должен быть менее счастлив, чем его сосед, не наделённый этими благами. Передкие у журналистов и общественных деятелей оценки, подчёркивающие характерные, якобы, для шведов равнодушие и скуку, можно отнести за счёт другой причины. Известный шведский экономист профессор Гуннар Мюрдаль утверждает в своём недавнем интервью для американской публики, что своеобразная общественная гармония, возникающая в итоге деятельности “государства благосостояния”, пронизывает все области общественной жизни Швеции. Эта гармония выражается в том, что при всём имущественном и социальном неравенстве каждый гражданин извлекает выгоду из роста национального дохода и общего благосостояния.

Иностранцы, приезжающие в Швецию с целью ознакомиться с её жизнью и проблемами, часто выражают разочарование тем, что проблемы эти не особенно интересны. В Швеции, в отличие от Америки, нет разительных контрастов — между трущобами и дворцами, богатством и нуждой, неограниченными возможностями людей из высших сфер и жизнью миллионов граждан низших классов. Здесь нет напряжённости и трудностей, с которыми приходится сталкиваться развивающимся странам. Можно прибавить к мнению профессора Мюрдаля, что как раз наблюдатели, далёкие от радикальных левых взглядов, заявляют с чувством досады, что в Швеции сделано по существу всё возможное, так что нечего критиковать и

ничто не нуждается в изменении, словом, — что в этой стране не происходит, да и не должно происходить ничего интересного.

У людей с интеллектуальным подходом есть, по словам профессора Мюрдаля, ещё и другой повод для разочарования. Без сомнения, растущему благосостоянию и чувству безопасности граждан не сопутствует такой рост культурных потребностей, какого ожидали в период борьбы за материальные достижения. Четырёхнедельные оплачиваемые отпуска, существующие здесь для основной массы трудящихся, заполняются вовсе не таким образом, как на это прежде надеялись. Всё это доказывает лишь, что предсказания были ошибочны, но ничто не свидетельствует о том, что общество от этого страдает. Очевидно, граждане в большинстве своём не стремятся к такому участию в культурной жизни, к такому индивидуальному развитию, как на это рассчитывали романтические реформаторы. Им достаточно невысокого, хотя и постоянно повышающегося уровня культурно-научной жизни, существующего в стране. Напротив, культура материальной жизни пользуется всеобщим уважением. Так говорит профессор Мюрдаль. Многие польские читатели удивятся и, возможно, разочаруются при виде такого образа шведа, столь непохожего на типичного гражданина нашей страны, охотно всё критикующего и всегда заинтересованного происходящим вокруг. Но автор хорошо знает своё общество, и наши наблюдения не обнаруживают в них ошибки.

Экономика

О шведской экономике была уже речь в предыдущих главах. Мы уже знакомы с главными природными богатствами страны, с занятиями среднего шведа и условиями, обеспечивающими ему высокий уровень благосостояния. Но эта информация основывалась, прежде всего, на прямых наблюдениях. Теперь мы займёмся подробнее функционированием шведской экономики и причинами, которым следует приписать её высокое развитие, в особенности же перспективами, направлением и темпом развития.

Начнём с продукции. Прирост продукции в шведской экономике высок и, что ещё важнее, проявляет в последнем десятилетии тенденцию к дальнейшему повышению. За военные и послевоенные годы, до конца 1965 года, общая продукция выросла более чем вдвое. Прирост населения за это же время был значительно меньше (примерно на 21%). Вследствие этого весьма заметно выросла величина продукции на голову населения. Если исключить из рассмотрения, как нетипичные, годы войны и послевоенные годы, то можно убедиться, что в пятидесятые годы прирост продукции повышался быстрее, чем в течение всего периода индустриализации страны с конца XIX века до 1939 г., и ещё быстрее — в шестидесятые годы; это видно из следующей таблицы (содержащей приближённые данные):

Среднегодовое изменение в процентах

Отдельные статьи	С конца XIX в. до 1939 г.	Пятидесятые годы	1960–1965 г.
Общая продукция	+3	+3,5	+4,5
Общая численность населения	+0,6	+0,6	+0,6
Продукция на голову населения	+2,5	+3	+3,5–4

Равномерный прирост населения при увеличивавшемся приросте продукции вызвал, разумеется, рост продукции на голову населения.

Это счастливое для Швеции развитие продукции сделало возможным увеличение личного потребления и капиталовложений. На

капиталовложения следует обратить особое внимание, поскольку именно правильная политика в этой области и явилась решающим фактором успешного развития шведской экономики. Непосредственно перед Второй мировой войной и после её окончания на капиталовложения предназначалось около 25% общей продукции. В последнем десятилетии доля капиталовложений возросла до 32–35%, с соответствующим снижением доли потребления (с 74–75% в 1939 и 1946 г. до 67% в последние годы). Если же выразить эти величины в абсолютных числах, то вследствие увеличившейся массы производимых товаров, при более низком темпе роста населения, индивидуальное потребление также значительно возросло.

Важную роль в развитии капиталовложений сыграл государственный и общественный сектор, т. е. правительство и муниципалитеты. Если за 1938–1965 годы стоимость частных капиталовложений возросла (в нынешних ценах) в восемь раз, то государственные капиталовложения увеличились почти в тринадцать раз, а муниципальные — более чем в двадцать четыре раза. Доля общественных (государственных и муниципальных) капиталовложений в общем объёме капиталовложений возросла с 27,9% в 1938 г. до 43% в 1965 г. Точно так же, расходы государства и муниципалитетов возросли в двенадцать-тринадцать раз, в то время как расходы частных лиц — лишь немногим более чем в пять раз. Всё это означает усиление роли государства и местного самоуправления в экономической жизни. Однако, решающим фактором в государстве по-прежнему остаётся частная экономика.

Когда речь идёт о возрастании продукции и последствиях этого возрастания для экономики Швеции, возникает вопрос: каковы источники этого роста, постоянны ли они или же подвержены известным колебаниям? Ответ на этот вопрос позволит, в свою очередь, наметить перспективы развития производства, а тем самым выяснить возможности роста шведской экономики.

Как мы уже упоминали, прирост населения в Швеции относится к самым низким в Европе и — хотя он и сохраняется почти без изменений в течение десятилетий — всё меньше удовлетворяет потребности производства. Можно было бы спросить, в чём причина этого явления, поскольку в Швеции давно уже не было каких-либо резких перемен в структуре населения (вызываемых обычно войной, массовой эмиграцией и территориальными изменениями), а производство при этом развивалось равномерно. Оказывается, что в послевоенное время накопился ряд причин, ограничивающих приток рабочей силы.

Во второй половине шестидесятых годов численность молодёжи, вступающей в производительный возраст, стала значительно ниже, чем пять лет назад. Это означает, что окончилось благотворное влияние демографического пика первых послевоенных лет. Относительно высокий процент новых работников (около 1% всего населения), прибавлявшихся ежегодно в начале шестидесятых годов, в течение последних лет снизился, не превосходя в среднем 0,5%.

Из этих молодых людей меньшая доля, чем прежде, приступает к оплачиваемому труду по достижении установленного возраста. Введение единой двенадцатилетней общеобразовательной школы и улучшение материальных условий привели к тому, что молодёжь позже приступает к самостоятельным заработкам, выигрывая этим лучший старт после окончания высшей школы, специального технического училища и т. д.

В послевоенное время всё более важным ресурсом рабочей силы становились замужние женщины, до того занятые домашним хозяйством. В 1965 году около 42 процентов этих женщин, в возрасте от пятнадцати до шестидесяти девяти лет, уже работало вне дома. Возможно, в течение дальнейших пятнадцати лет удастся повысить этот процент до 55 процентов, в особенности благодаря уже отмеченному выше решающему значению, которое заработок женщины имеет в ряде случаев для жизненного уровня. Но по самой природе вещей дальнейший приток женщин в производство должен замедлиться: те из них, для кого такое решение было относительно лёгким и кто имел возможность получить более привлекательную работу, уже сделали это раньше. Сверх того, возрастающее число учащихся требует всё большего числа учителей и обслуживающего персонала, а возрастающая доля престарелых — всё более многочисленного аппарата социального обеспечения. Всё это уменьшает приток работников в производство и в сферу услуг общего характера.

В течение всего периода индустриализации, особенно же в пятидесятые годы, происходил процесс миграции деревенского населения в города. Процесс этот, продолжающийся и ныне, в последние годы заметно ослабел, что вполне понятно: в 1965 году в деревне оставалось лишь около 10% трудящихся, тогда как в 1950 году был ещё 21%. Отсюда видно, что до 1970 года деревня сможет доставить городу не более 50–100 тысяч работников.

Наконец, в первой половине шестидесятых годов были продлены отпуска (до четырёх недель) и сокращено рабочее время (практически до сорока-сорока двух часов в неделю). А это значит, что для

получения того же числа рабочих часов теперь приходится нанимать больше людей.

Мы привели основные причины, по которым во второй половине шестидесятых годов общий приток рабочей силы на рынок труда не только не увеличивается, но даже уменьшается. В этих условиях прирост продукции достигается почти исключительно посредством роста производительности труда. В начале шестидесятых годов ежегодный прирост продукции составлял 3,5–4%, тогда как в 1939 году он едва достигал 2,5%. Но не всегда дела идут так хорошо. В течение двадцати месяцев с июля 1965 по июль 1966 года продукция выросла лишь на 2%, вместо 4,5%, типичных для первой половины шестидесятых годов. Отмечаются и другие тревожные явления. Нажим работодателей на рынок труда вызывает так называемый перегрев экономики — необходимость в сверхсрочной работе, надбавки к зарплате, повышенный спрос на потребительские товары и, в свою очередь, повышение цен на эти товары (спираль “цены-зарплата”). Лишь в промежутке 01.01.1963–01.07.1966 зарплата в промышленности выросла на 25%, цены же на предметы потребления — на 17%. За довольно скромное повышение реальной заработной платы (примерно на 2% в год) шведский рабочий заплатил значительным уменьшением стоимости денег.

До сих пор мы говорили о продукции, не подразделяя её на отдельные отрасли. Представляет интерес, однако, участие отдельных отраслей в общей стоимости продукции; при этом следует иметь в виду, что в шведской статистике продукция понимается в более широком смысле, чем у нас, поскольку в неё включаются, кроме материальных благ, всевозможные услуги: торговля, различные услуги частного характера, жилища, государственные пособия и т. п. Согласно данным 1963 года участие отдельных отраслей в стоимости всей продукции представляется следующей ниже таблицей¹.

Как видно из этих данных, доминирующую роль в шведской экономике играет промышленность (37% всей продукции), наивысший годовой прирост наблюдается в энергетике (электроэнергия, жидкие

¹Ввиду отсутствия некоторых статистических данных, соответствующие величины даны за 1963 г. Следует, впрочем, указать, что представленные в таблице процентные отношения сохраняются и в последующие годы, общая же стоимость продукции в 1966 г. превысила 100 миллиардов крон.

Отрасли производства	Стоимость продукции		Среднегодовой прирост за гг. 1950-1963
	в %	в млрд. крон	
Общая продукция	100	87,0	3,4
Промышленность и ремёсла	37	31,9	3,9
Энергетика	3	2,3	6,2
Строительство жилищное и промышленное	10	8,4	4,9
Сельское хозяйство и рыболовство	4	3,4	-1,1
Лесное хозяйство	3	2,9	1,7
Все материальные блага	57	48,9	3,1
Стоимость жилищ, аренды и т. п.	5	4,8	4,1
Торговля	13	11,6	3,1
Транспорт и связь	9	7,8	3,9
Частные услуги	5	4,3	2,1
Общественные услуги (здравоохранение, образование, оборона, администрация)	11	9,7	4,2
Все услуги	43	38,1	3,5

виды топлива); в строительстве, охватывающем капиталовложения как в промышленность, так и в жилища; наконец, отмечается значительный прирост расходов на образование и социальное обеспечение. Поразительно низка, однако, доля сельскохозяйственной продукции, составляющей едва 4% всей продукции, при характерном ежегодном её уменьшении в среднем на 1,1%.

Как мы уже видели, промышленность — главный вид производства в этой стране. Рассмотрим теперь, какова её структура, какие отрасли играют в ней важнейшую роль. Такими основными отраслями являются металлургия и горное дело, на долю которых приходится половина всей стоимости продукции. Лишь на следующих местах оказывается пищевая, целлюлозно-бумажная, химическая, деревообрабатывающая и другие виды промышленности. Следует заметить, что темпы развития отдельных отраслей производства не

соответствуют их доле в стоимости продукции. Например, химическая промышленность, по стоимости продукции занимающая одно из второстепенных мест, оказывается наиболее динамической. Дело в том, что в Швеции всё больше видов естественного сырья — продовольствия, тканей, строительных материалов и т. д. — заменяется синтетическими продуктами. Однако, наиболее характерен для этой страны тот факт, что быстрее всего развиваются отрасли, работающие на экспорт, и медленнее всего — снабжающие внутренний рынок (например, кожанно-обувная, текстильно-швейная, пищевая промышленность). Это обусловливается ролью экспорта в экономике страны.

Посмотрим теперь, как используется произведённая продукция, т. е. какая часть её предназначается для текущего потребления, и какая — для капиталовложений, имеющих целью ускорить и улучшить будущее производство. Капиталовложения давно уже составляют в Швеции одну из главных движущих сил экономического развития; в течение последней четверти века они возрастали не только в денежном выражении, но и в процентном отношении к национальному доходу. По приблизительной оценке, стоимость капиталовложений (здания, национальные парки, дороги, заводы и т. п.) составляла в 1966 г. около 360 миллиардов крон, что равно четырёхлетнему национальному доходу. О важной роли капиталовложений в производстве свидетельствует тот факт, что на каждого работающего в Швеции приходится вложенный капитал (т. н. трудовое вознаграждение) свыше 100 000 крон (т. е. 20 000 долларов). Очевидно, техническое вооружение труда является одной из предпосылок высокой производительности, при недостаточном притоке рабочей силы. Применение всё более эффективных, высоко автоматизированных машин и приспособлений с превышением покрывает потери, возникающие от застоя или даже спада на рынке труда.

В приводимой ниже таблице указана величина капиталовложений в отдельных отраслях промышленности, включая стоимость ремонта и эксплуатации.

Как видно из этих данных, примерно $2/3$ всех расходов на капиталовложения поглощают промышленность, транспорт и связь, а также жилищное строительство; на все же остальные отрасли экономики приходится $1/3$. Сверх того заслуживает внимания тот факт, что отрасли, производящие товары, в совокупности поглощают лишь $1/3$ всех капиталовложений, хотя и вырабатывают поло-

Отрасли производства	Расходы в 1963 г. в млрд. крон	Процентное отношение к общей сумме капиталовложений в году			
		1938–39	1946	1955	1963
Общие расходы	28,4	100	100	100	100
Промышленность и ремёсла	6,4	19,4	19,6	20,7	22,6
Энергетика	1,4	3,4	3,9	5,7	4,9
Сельское хозяйство, лесо- водство и рыболовство	1,5	8,2	8,0	6,7	5,4
Производство товаров в целом	9,3	31,0	31,6	33,1	32,8
Жилищное строительство	5,7	30,3	32,1	20,8	20,0
Транспорт и связь	6,7	24,7	22,1	24,4	23,7
Торговля и распределение товаров	1,1	2,5	1,1	2,5	3,9
Невоенные общественные услуги (образование, здравоохранение, социа- льное обеспечение и т. п.)	3,5	7,5	6,2	10,4	11,9
Оборона	2,1	4,0	6,9	8,8	7,7

вину всей продукции. Остальные 2/3 капиталовложений приходится на всякого рода услуги. Дело в том, что именно производство услуг (жилищное строительство, транспорт и связь, здравоохранение, образование, оборона) требует наибольшего вложения капиталов. На повседневном языке это означает, что легче обеспечить общество достаточным количеством стиральных машин, телевизоров, одежды для даже автомобилей, чем достигнуть определённого качества жилищ, надлежащего уровня здравоохранения, социального обеспечения и туристского обслуживания. Учитывая эти цифры, нетрудно понять, почему даже в столь богатой стране, как Швеция, приходится годами ожидать квартиры, недостаточна опека над стариками, отстаёт от потребностей дорожная сеть (особенно на севере страны) и дорого стоит связь.

Следует также подчеркнуть быстрый рост капиталовложений в области торговли и распределения товаров. В Стокгольме и во многих крупных городах Швеции возникает в последнее время огромная сеть магазинов самообслуживания, больших универмагов, опто-

вых магазинов и административных зданий, как кооперативных, так и частных, в торговле происходит быстрая концентрация, подобная концентрации в промышленности несколькими десятилетиями раньше. Ликвидируется множество мелких магазинов, обслуживаемых хозяином и его семьёй, а также небольших самостоятельных предприятий; в особенности это наблюдается в провинции, в связи с непрерывным оттоком населения в города. Процессы ликвидации и миграции в значительной степени влияют на изменение структуры общества и его политические тенденции.

Как видно из истории индустриализации европейских стран, развитие капитализма (капиталистическое накопление) происходило обычно весьма бурно и шло за счёт тяжких страданий рабочего класса, закладывавшего основания промышленного развития в условиях эксплуатации, угрожавшей самому физическому существованию рабочих. Так обстояло дело в Англии в середине прошлого века, а несколько позже — во Франции и Германии. Аналогичной эволюции не избежала и Швеция, массовая эмиграция восьмидесятых годов, забастовки и голодные демонстрации в наступавшие затем кризисные времена, — такова цена, уплаченная трудящимися в условиях капиталистического строя за последующее благосостояние. Что касается более близкой к нам эпохи, то и после Второй мировой войны потребление росло относительно медленно; все усилия были направлены на развитие производственной базы промышленности и услуг. Конечно, на рост производственного потенциала влияли и другие факторы, о которых уже была речь (Швеция более пятидесяти лет не вела никаких войн, не участвовала в конфликтах других государств, не имела никаких материальных потерь и относительно мало тратила на оборону).

С 1938 г. до настоящего момента общий уровень потребления в Швеции вырос более чем вдвое, потребление же на одного человека, учитывая прирост населения, возросло на 75%. Следует при этом отметить, что в последние годы изменился характер потребляемых благ. Если ранее решающую роль играло повышение потребления товаров или улучшение их качества — продовольствия, одежды, предметов длительного пользования, и в особенности автомобилей — то шестидесятые годы можно охарактеризовать как период бурного развития услуг — путешествий, образования, социального обеспечения, коммунального обслуживания, организации свободного времени. Достаточно упомянуть, что в начале пятидесятых годов двухнедельный оплачиваемый отпуск, которым трудящиеся пользовались в течение десятилетий, был продлён до трёх недель, а всего

десятью годами позже — до четырёх. В 1958–1960 годах рабочая неделя была сокращена с сорока восьми до сорока пяти часов, теперь же подготавливается дальнейшее сокращение. Конечно, трудно в точности оценить выгоды, приобретённые при этом трудящимися, но они, без сомнения, весьма значительны.

Если ближе присмотреться к расходам, то оказывается, что по мере роста благосостояния меняется их процентное деление на различные группы товаров и услуг. Например, в 1946 году 34% доходов предназначалось на продовольствие, тогда как в 1960 году — лишь 29%; при этом, однако, общие затраты на продовольствие возросли на 25%. Между тем, на покупку и содержание автомобилей в 1946 г. было затрачено 2% доходов, в 1965 же — 12%, что свидетельствует о громадном росте моторизации в этой стране. Подобные примеры можно привести и для других материальных благ. Вообще можно констатировать, что на основные предметы, необходимые для жизни, расходуется всё меньшая часть семейного бюджета. На другие, такие как мебель, одежда, лечение и гигиена, предназначается, правда, та же часть доходов, что и двадцать лет назад, однако уровень удовлетворения этих потребностей значительно выше. Значительно возросли, однако, расходы на всякого рода услуги, поглощающие часть доходов, сэкономленных на других видах потребления (в особенности продовольствия).

Следует упомянуть также о сбережениях.” Это достаточно важная статья, составляющая в последние годы 6–7% полного дохода (без учёта налогов); но она не проявляет тенденции к возрастанию. Это значит, что общая сумма сбережений растёт пропорционально доходам. Одной из причин такого положения вещей является введённая несколько лет назад система пенсий для всех трудящихся. Тем самым отпала необходимость обеспечения старости (в чём состоит одна из важнейших причин сбережения). Заботу о старости приняло на себя государство. Что касается так называемых целевых сбережений, то выгоднее купить в рассрочку и оплачивать задолженность непрерывно девальвирующимися деньгами, чем отказаться от удовольствия немедленного обладания, рискуя при этом возможным повышением цен. Потребительская установка общества, усиливаемая ощущением устойчивости и мощной всесторонней рекламой, подсказывает тот взгляд, что с годами соблазны ослабевают, потребности уменьшаются, и что надо пользоваться жизнью сегодня, а не завтра. Приведённые выше данные подтверждают заключения, основанные на наблюдении людей и их образа мыслей.

Рассмотрим теперь вопрос, из каких источников шведское общество черпает свои доходы. Ответ не будет точен, поскольку статистические материалы в этой области неполны. Можно, однако, утверждать с некоторым приближением, что около 75% всех доходов составляет вознаграждение за труд (данные 1965 г.). Остальные 25% состоят из доходов предприятий (около 8%), государственных выплат (пенсии и различные пособия, около 7%), страхования (4%), доходов с капиталов (1%) и других, не поддающихся классификации в виде однородной группы (около 6%). Следует отметить, что в 1950 г. доходы от труда составляли лишь 67% общего национального дохода, и что с того времени эта доля непрерывно возрастает. Конечно, это не значит, что выравнивается имущественное неравенство. Доходы, не относящиеся к заработной плате, — главным образом, доходы от предприятий и с капитала — являются уделом горсти людей, по сравнению с массой наёмных работников.

Мы уже упоминали во введении о возрастающей роли в экономике Швеции общественного, государственно-муниципального сектора (не считая кооперативов). Конечно, наличие этого сектора не означает социализации экономики; тем не менее, деятельность государства и муниципалитетов значительно увеличивает возможности планирования хозяйства; в особенности это касается общественно-характера расходов. Поэтому следует вкратце остановиться на этой стороне дела.

Приводимая ниже таблица касается тех отраслей экономики, в которых участвуют государство и муниципальные органы; в ней указано число государственных и муниципальных работников в соответствующих отраслях (данные переписи 1960 г.).

Лишь 4,6% всех работников промышленности занято в общественном секторе. Соответствующая цифра для торговли — 1,1%. Несколько больше — 12,2% — для работников общественного сектора в строительстве. В руках государства находятся лишь рудники, значительная часть деревообрабатывающей промышленности и ряд коммунальных предприятий. По сравнению, например, с французской экономикой (где в руках государства находятся крупные автомобильные, самолётостроительные предприятия и т. д.), шведская экономика в значительно большей степени зависит от частного капитала. Значительно больше участие государства в транспорте и связи (железные дороги, автобусы), а больше всего — в услугах

Отрасли	Число работников			Процентная доля в отдельных отраслях		
	Государственные работники	Муниципальные работники	Всего	Государственные работники	Муниципальные работники	Всего
Все вместе	313 800	284 000	597 800	9,7	8,8	18,5
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство	14 700	8 100	22 800	3,3	1,8	5,1
Промышленность	34 600	19 000	53 600	3,3	1,6	4,6
Строительство жилищное и промышленное	22 500	13 500	36 000	7,6	4,6	12,2
Торговля	4 900	11 200	6 100	1,1	0,3	1,4
Транспорт и связь	117 000	5 900	122 900	48,4	2,5	50,9
Другие услуги, в том числе:						
Лечение	20 400	78 300	98 700	17,0	65,6	82,6
Образование	21 500	79 500	101 000	19,2	71,2	90,4
Администрация	71 000	38 500	109 500	64,2	35,1	99,7
Другие	7 200	40 000	47 200			

общественного характера. В совокупности государственно-муниципальный сектор производит около 15% всех товаров и услуг. Из этих 15% подавляющую часть составляют услуги, и лишь небольшую долю — сырьё и промышленные изделия. Следует, однако, иметь в виду, что эти данные не охватывают кооперативных предприятий, которые по нашим критериям — также и в шведских условиях — имеют полуобщественный характер, хотя по традиции и причисляются к частному сектору.

Государственные учреждения и предприятия, занятые производством определённых товаров и предоставлением услуг, вынуждены снабжаться в частном секторе. Например, учреждения здравоохранения, в подавляющей части общественные, должны приобретать оборудование и лекарства у частных фирм. Государственное энергетическое управление, которому подчинены электростанции разных типов, закупает генераторы у частных предприятий. Важными клиентами частного рынка являются железные дороги, почта и телефон. Участие общественного сектора в потреблении всех производимых в Швеции товаров и услуг составило в 1965 году около 29%; эта величина — наряду с числом сотрудников и объёмом продукции — является третьим показателем, характеризующим этот сектор. Следует подчеркнуть, что доля эта постоянно возрастает. В 1933 году она составляла 15%, в 1946 г. — 17%, в 1950 г. — 20%, в 1955 — 24%,

в 1960 г. — 26%; таким образом, государство и муниципалитеты, в качестве клиентов, играют всё большую роль. Закупаемые ими товары и услуги расходуются на содержание собственного аппарата, а также на производство.

Возникает вопрос, откуда берутся государственные а муниципальные доходы и как они используются. В подавляющей части — за исключением небольших прибылей собственных предприятий — эти доходы приходят от платежей населения, т. е. прямых и косвенных налогов, страховых взносов, взносов в пенсионный фонд, и т. д. В 1963 г. они составили 29 миллиардов крон; общая продукция за это же время составила 70 миллиардов крон, в то время как одни только налоги — 26,7 миллиардов крон, т. е. почти 40% национального дохода. Раз уж зашла речь о налогах, то стоит заметить, что государство собирает всё большие суммы, “выжимая” целых 10% стоимости всех продаваемых в торговле товаров и ряда услуг. Конечно, такая система обложения граждан в высшей степени недемократична, поскольку лишь нечувствительно касается состоятельных людей, в то же время заметно снижает покупательную способность людей со средними и малыми заработками. Правительство обещает вдобавок, что эти 10% будут ещё увеличены. Из общей суммы налогов около 7 миллиардов поступило в муниципальные кассы; сверх того, некоторые суммы были внесены в счёт страхования от несчастных случаев и болезней или переведены в государственный пенсионный фонд. Из остальной суммы свыше 20 миллиардов крон 10–11 миллиардов было выплачено гражданам государством и муниципалитетами в качестве семейных пособий, пенсии для престарелых, пособий на воспитание детей, жилищных пособий и т. д., и около 0,75 миллиарда — выдано в виде займов на строительство. На собственные расходы государства осталось лишь около 9 миллиардов крон; аналогично складывается и муниципальный бюджет.

Таким образом т. н. государство благосостояния пытается смягчить последствия, вытекающие из частного владения заводами, капиталами и т. п.; нивелировка острейших социальных контрастов является основой социал-демократической системы “общественного мира” между капиталом и трудом, конечно, притупляющей чувствительность к более радикальным общественным идеям.

Собственные расходы государства делятся на потребительские затраты и капиталовложения. К потребительским относятся затраты на администрации и групповые выплаты (образование, врачебная помощь, полиция, армия).

Фонд групповых выплат гражданам составил в 1963 г. свыше 12

миллиардов крон. 56% его было затрачено на образование, здравоохранение и социальное обеспечение. Характерно при этом, что свыше 75% этих сумм расходуют местные муниципальные органы.

Капиталовложения государственного сектора, как и потребительские затраты, равны 12 миллиардам крон. Доля образования, здравоохранения и социального обеспечения здесь значительно ниже — всего 15%. Важную роль играют военные капиталовложения (около 18%); немалые суммы поглощают такие капиталовложения в государственные и коммунальные предприятия (около 22%), а также в проведение дорог, водоснабжение и строительство (33%). Последние характерны для послевоенного развития; они отражают развивающиеся процессы градостроительства, а также, в особенности, усиленное распространение моторизации.

Картина шведской экономики была бы неполной, если бы мы не коснулись столь важного в жизни каждой страны фактора, как внешняя торговля. Фактор этот для Швеции особенно важен ввиду обилия некоторых видов сырья и отсутствия других, специализации лишь в определённых областях экономики при необходимости ввоза целого ряда готовых изделий и небольшого населения; по этим причинам роль Швеции в международном разделении труда осуществляемом путём торговли, значительно превышает роль других стран на подобном уровне развития.

Зависимость эта имеет свои положительные и отрицательные стороны. Прежде всего, развитая иностранная торговля позволяет удовлетворять потребности на значительно более высоком уровне, чем это было бы при ограниченных возможностях импорта. Например, лишь менее 40% автомобилей, приобретённых шведами, произведены внутри страны; свыше 60% составляют импортные машины, преимущественно западногерманские. В то же время, почти половина автомобилей, производимых в Швеции, предназначаются на экспорт. Возникает мысль, что можно было бы уменьшить импорт, покрыв его увеличением собственного производства. Однако, импорт охватывает ряд разнообразнейших товаров и видов сырья, которых Швеция почти не производит или не производит вовсе, как, например, уголь и жидкое топливо. Без них поддержание нынешнего уровня жизни было бы невозможно.

Однако, вследствие зависимости от внешней торговли всевозможные колебания конъюнктуры на мировом рынке отражаются также на шведской экономике. Спрос на шведское сырьё и товары, меняющийся в зависимости от положения потребителей, и связанные с этим колебания цен не могут не оказывать влияния на баланс

шведской внешней торговли, а тем самым и на экономику страны в целом. До сих пор Швеции удалось избежать сильных потрясений такого происхождения. Однако, консолидирующийся в последние годы Общий Рынок — мощный экономический блок наиболее развитых в промышленном отношении западноевропейских стран — не может со временем не оказать отрицательного воздействия на оставшуюся вне этого блока Швецию; с другой же стороны, вступление в этот блок было бы несовместимо с политическим нейтралитетом. Неудивительно, что на проводимую по сей день шведскую политику всё сильнее нажимают правые круги; это проявляется во всё новых проектах сближения с “шестёркой”.

Внешняя торговля Швеции принадлежит к числу наиболее интенсивно развивающихся отраслей экономики. Ежегодный прирост внешней торговли в послевоенный период составил 8% по экспорту и 7% по импорту, т.е. вдвое превысил прирост национального дохода в целом. Отсюда видно также, что роль внешней торговли в экономике постоянно возрастает, в особенности по сравнению с тридцатыми годами и военным временем. Сейчас Швеция экспортирует около 20% своей продукции, и аналогично обстоит дело с импортом. Почти половину импорта составляет сырьё для промышленности, дальнейшие 25% — готовые изделия, которых шведы не вырабатывают, или вырабатывают в недостаточном количестве или ассортименте. В экспорте же главное место занимают металлические изделия, дерево и сырьё, а также целлюлозно-бумажные продукты, железная руда и сталь. Структура импорта показывает, таким образом, что многие отрасли промышленности работают на иностранном сырьё, и что ряд готовых товаров, в особенности предметов длительного пользования, происходит из-за границы. Из структуры экспорта, в свою очередь, вытекает, что металлическая, горнодобывающая и деревообрабатывающая (в том числе бумажная) промышленность работают в огромной степени на экспорт.

Рассматривая внешнюю торговлю, следует подчеркнуть весьма важную её особенность — торговые отношения с Западной Германией. Доля этой страны во внешней торговле Швеции (экспорт + импорт) составляет почти 20%, причём баланс этой торговли для Швеции отрицателен. Ежегодный дефицит колеблется около 1,5 миллиарда крон. Из каждых ста крон, затрачиваемых шведами на сырьё и иностранные товары, почти 22 кроны получает ФРГ; в то же время, из каждых ста крон, уплачиваемых шведам за их экспорт, из ФРГ происходит несколько меньше 15%. Отсюда ясно, что давно

уже наблюдаемое снижение хозяйственной конъюнктуры в ФРГ не может не отразиться на шведской экономике, особенно на экспорте её основных отраслей.

Вообще, можно констатировать, что Швеция зависит не только от правильного функционирования собственного хозяйственного механизма, но и от стабильности в других странах. Поэтому стремление Швеции к нейтралитету — не только политическая принцип. Любые потрясения в европейских странах угрожают немедленно отразиться на экономике Швеции, связанной с экономикой её партнёров. Поэтому, когда слышишь высказывания шведов в таком роде: “Помощь развивающимся странам будет и для нас в ближайшие годы жизненной проблемой”, или: “Швеция может и должна сыграть активную роль в предотвращении или смягчении конфликтов между государствами”, — то следует иметь в виду, что в основе этой позиции лежит не только идеология, но и понимание конкретных собственных интересов. Эти интересы часто направляют шведскую политику на пути, приближающиеся к устремлениям нашей страны и других социалистических стран. Отсюда понятны благоприятные и успешно развивающиеся контакты между Польшей и Швецией, а также обмен взглядами и консультации между ведущими политическими деятелями обеих стран, о чем уже была речь выше. Из этого следует, что и в экономическом плане Швеция может содействовать смягчению напряжённости между странами с разными системами, к созданию форм соглашения и сотрудничества.

Как живут шведы?

Путешественник, впервые оказавшийся в Стокгольме после нескольких часов утомительного полёта из Варшавы, конечно, не откажет себе в удовольствии в тот же день прогуляться по улицам города. И в самом деле, больше впечатлений даёт непосредственное наблюдение людей и их окружения. Сопоставление же с действительностью услышанных или прочитанных сведений особенно глубоко запечатлевается в памяти.

В городе, расположенном 800 километрами севернее Варшавы, холода приходят скорее, чем в Польше. Но, хотя в сентябре косые лучи заходящего солнца скрываются за горизонтом раньше, чем в Варшаве, разница не так уж бросается в глаза. Город со своими островами и мостами, с пересекающимися на разных уровнях улицами, современными небоскрёбами и низенькими домиками старых участков производит яркое и необычное впечатление. Люди здесь серьёзны и молчаливы, как будто погружены в собственные дела, говорят тихо и без жестикуляции. Прохожих на улицах гораздо меньше, чем у нас; оживлённые группы взрослых или молодёжи встречаются крайне редко. Уже на первый взгляд заметно различие в темпераменте между жителями этой северной страны с нами.

Более длительное знакомство подтверждает и углубляет эти поверхностные впечатления. Некоторые картинки западают в память и рисуют внешний облик общества. В железнодорожных купе пассажиры, укрывшиеся за газетой или потихоньку дремлющие, молчат, как заколдованные, как будто боятся нарушить ход своих мыслей — даже в течение нескольких часов поездки. “Мрачно, как в шведском поезде” — это выражение стало популярным сравнением. В автобусе или трамвае не услышишь громких разговоров или перепалок, оживляющих поездку городским транспортом. Соседи, годами проживающие на одной лестничной площадке, при встрече здороваются, но редко обмениваются даже фразами вежливости. Склонность к своеобразной анонимности заходит так далеко, что на телефонный звонок отвечают здесь не общепринятым “алло”, “слушаю” или фамилией, а номером телефона.

Реакцию на окружение здесь не обнаруживают; это касается даже необычных происшествий, если только они не нарушают порядка. Люди не реагируют ни на странные костюмы, ни на экзотических иностранцев, ни даже на причудливое поведение. Если, однако,

потребуется их помощь, они оказываются деятельными и скромными. Например, водитель, не знающий города и въехавший на улицу с односторонним движением в недозволенном направлении, может быть уверен, что каждый из прохожих, любого пола и возраста, быстро на это отреагирует, показывая жестами и окриками, что надо повернуть назад. Однажды я видел, как машина, ехавшая по краю шоссе, скользнула наружной стороной в канаву, так что водитель и пассажиры, запертые в машине, не были в состоянии ни выбраться из неё, ни вывести её на дорогу. Прежде, чем я успел подойти, остановился проходивший в обратном направлении автобус. В одно мгновение из него выскочило несколько пассажиров; они подбежали к застрявшей машине и, подав знак водителю включить мотор, подтолкнули её сбоку и сзади. Как только машина пошла своим ходом, они, как по команде, вскочили в свой автобус и уехали прежде, чем “спасённые” успели их поблагодарить. Вся сцена длилась не больше трёх минут и, если не считать нескольких восклицаний и жестов, не было произнесено ни слова.

В другой раз подвыпивший пассажир городского автобуса затеял разговор или, точнее, монолог, адресованный какой-то иностранке, рассказывая ей, с пьяной откровенностью и не без добродушного юмора, всевозможные вещи, в которых обычно признаются в подобных ситуациях. Женщина, к которой он обращался, немного понимала по-шведски и пыталась в шутку поддержать разговор, рассчитывая, как видно, на участие в этом развлечении других пассажиров, но никто из них не отозвался, не изменилось даже выражение лиц. Ледяное молчание выражало презрение к пьянице, но никто не сделал какого-либо обидного замечания. Вступать в дискуссию с пьяным считается дурным тоном, точно так же, как читать мораль в неподходящем месте.

То же впечатление сдержанности и скованности складывается в общественных местах — в ресторанах, кафе, кино или на концерте. Посетитель, ищущий место, не сядет за частично занятый столик, разве в случае особой тесноты, что бывает редко; разговор между незнакомыми составляет исключение, возникает непреодолимое ощущение какой-то психической заторможенности в отношениях между людьми.

Удивительно, что эти же люди иначе ведут себя за границей — легко вступают в разговоры с иностранцами, предлагают при необходимости свою помощь, выглядят весело и непринуждённо. Но, как я заметил при переходе границы, как только они покидают паром в Треллеборге, тотчас лица их цепенеют, а слова иссякают. Как будто

некое невидимое, но непреодолимое правило напоминает им, что в окружении соотечественников и под их контролем надо вести себя “солидно”, т. е. с молчаливым достоинством.

Ещё большие трудности встречает при общении с людьми иностранец. Очень вежливые, но вместе с тем сдержанные в поведении, они не идут навстречу при попытке установить близкие, сердечные отношения, даже после долгого знакомства. Солидный Свен или Эрик, с белокурыми волосами и холодным взглядом голубых глаз, не только не расположен к признаниям, но даже обескураживает; трудно решиться по-приятельски похлопать его по плечу или приветствовать его другим жестом.

После первого знакомства с внешней жизнью страны приезжий обращается к литературе, кино, театру — в них, очевидно, должна отражаться душа среднего шведа. Дело стоящее, но чтение не настраивает оптимистически. Вы не найдёте в нём и утверждения жизни. Самая распространённая нота — это пессимизм, отчаяние, гнетущий своим реализмом образ тоски и бессилия человека.

Одним из самых выдающихся современных писателей Швеции является Пер Лагерквист, лауреат Нобелевской премии 1951 года. Уже самые ранние из его поэтических произведений и пьес, относящиеся к периоду Первой мировой войны, проникнуты убеждением, что миром правит хаос, а человеческой жизнью страх. В пьесе “Тайны неба” автор вкладывает в уста Бога следующие слова: “Всё возвращается по кругам — и в этом состоит бытие”. “Жизнь лишена смысла, а Творцу нечего сказать людям”. В повестях сороковых и пятидесятих годов он проявляет политическую заинтересованность, сводит счёты с нацизмом, осуждает расчётливость и уклонение от хода событий. Но и в этот период в его творчестве упорно возвращаются те же мотивы — чёрная, безнадежная ночь, окружающая человечество, невозможность бегства, чувство отчаяния от бездумной жестокости людей.

На поколение старше Лагерквиста Хьялмар Седерберг (умерший в 1914 г.), поэт, драматург и прозаик; он стал образцом и духовным предводителем целой группы писателей. Утонченный и рафинированный — в его творчестве заметны влияния французской культуры и литературы — Седерберг является мастером психологического анализа, моральной вивисекции человека. Он тоже не усматривает радостной стороны в человеческой жизни. “Я верю в жажду те-

ла и в неизлечимое одиночество души” — эти слова, принадлежавшие герою одной из его пьес, могут служить девизом ко всему его творчеству.

Вполне современные писатели, близкие к левым кругам, — Артур Лундквист и Сара Линдман. Лундквист, лауреат Ленинской премии, смело выражает свои радикальные взгляды, не отступает перед разоблачением несправедливости и эксплуатации. Но его героям также иногда приходится спасаться бегством от людей, искать себе убежища в пустыне и жить среди примитивной, дикой природы почти на уровне зверей. Почему же? Автор не ставит точки над *i*, но можно понять, что герой его испытывает отвращение к цивилизованной жизни и к общению с людьми. Сара Линдман (родившаяся в 1923 г.) — общественная деятельница, горячая сторонница освободительного движения чёрного населения Южной Африки — посвятила своё творчество людям шведского севера. Её повести проникнуты верой в справедливость защищаемого дела; но в них нет оптимизма и удовлетворения жизнью.

Что же в кино? Главной фигурой шведского кино является Ингмар Бергман. Этот глубоко шведский художник — в то же время один из самых противоречивых деятелей современного киноискусства. Бергман не отступает перед обнажением мрачных сторон человеческой природы. В его фильмах, символических и исполненных ужаса, часто опирающихся на мотивы средневековых легенд, человек выступает как орудие в руках судьбы или как жертва собственных инстинктов — грубости, эгоизма и жестокости, лишь изредка уступающих место благородным и прекрасным побуждениям. Кто хотел бы оценить шведское общество, опираясь на творчество Бергмана, мог бы прийти к выводу, что в нём преобладают неприспособленные к жизни личности, отчаявшиеся, одержимые сексом и страхом смерти, не умеющие найти свою моральную позицию в современном мире. Фильмы молодых шведских режиссёров — Йерна Доннера, Бо Видерберга, Вильгота Съемана и Май Зеттерлинг — шокируют зрителя, сталкивая его с самыми мрачными, часто отталкивающими сторонами человеческой природы. Складывается впечатление, что эти художники всячески стараются бежать от нормальной жизни. А между тем, почва, на которой выросло их творчество — спокойная, зажиточная страна.

Вид города подтверждает впечатление, что люди здесь одиноки. Около десяти часов вечера на больших улицах в центре Стокгольма

можно встретить лишь редких прохожих. Кафе немногочисленны, да и те отнюдь не полны посетителями. Что же касается ночных клубов и т. п. мест развлечения, то их можно сосчитать по пальцам. Андерсоны, Эриксоны, Йогансоны не стремятся в общественные места, а предпочитают проводить время в домашнем уюте. Навещаю друг друга тоже не особенно часто, если только нет специальной причины, вроде праздника или семейной годовщины.

Сами шведы отдают себе отчёт в своей необщительности, а заграничные поездки позволяют им оценить значение контактов между людьми. Эти национальные особенности чаще всего объясняют климатическими условиями; конечно, постоянная борьба с суровой, негостеприимной природой наложила стойкий отпечаток на человеческий характер. Пришельцы с материка ощущают те же условия. Сентябрь всё ещё кокетничает солнечным светом; нередки ясные, погожие дни. Но пригородные озёра и пруды принимают характерный серый колорит севера, и всё раньше наступают долгие сумерки. Трудно избежать чувства меланхолии и грусти. Своеобразное сочетание атмосферного давления с преобладающим низменным рельефом местности вызывает ощущение усталости и апатии — не случайно кофе является в Швеции чем-то вроде национального напитка, потребляемого почти каждым шведом по несколько раз в день. Зима часто приходит уже в конце октября или начале ноября — дождливая, тёмная, удручающая, вечер начинается уже вскоре после полудня, ночь отступает медленно, переходя в хмурый рассвет. А на севере, в городах и посёлках над глубоко врезавшимися в сушу фьордами и устьями рек, почти весь день воздух насыщен густой, собирающейся в капли мглой; она оседает на всё — на одежду, на машины, на тротуары и на стены домов. Таковы воспоминания о ноябрьской поездке в Умео, крупный город и порт в провинции Норрланд; город этот, имеющий университет и гордящийся своим современным строительством, вызывает в это время года столь гнетущее настроение, что приезжему трудно понять, как его жители сохраняют волю работать и учиться.

Зима эта, начинающаяся не позднее ноября, оканчивается не ранее середины апреля, а часто и в мае; даже в начале июня не обходится без зимнего плаща. С середины ноября до конца апреля бесчисленные парки и скверы Стокгольма устрашают видом обнажённых деревьев, покрытых смёрзшимся снегом или простирающих к небу свои чёрные, лишённые листьев ветви. Лишь в начале мая зима исчезает — столь же внезапно, как пришла. Деревья набухают почками, листва прибывает со дня на день, и в одну неделю оргия

зелени охватывает спавшую месяцами природу. В несколько дней голые деревья превращаются в чащу растительности, рвущейся к новой жизни. За нею не видно уже расположенных поодаль зданий; более того, даже улицы, прилегающие к зелёным участкам, становятся невидимыми и бесшумными.

Ночь и тьма отступают. День, сразу удлинившись, поглощает утро, полдень, а затем и вечер. В разгаре лета рассвет наступает внезапно после пары часов серого сумрака. Окна спален приходится завешивать чёрными шторами. На ступенях открытого, залитого солнцем портала перед филармонией, у ног стремительных каменных нимф располагаются группы ребят и девушек, обратив лица к солнцу. Весной всё больше посетителей в музеях на открытом воздухе. Один из них — дом с садом, где жил Карл Миллес (1875–1955), пожалуй, самый оригинальный из шведских скульпторов, автор статуи, находящейся перед филармонией. Здесь, в естественном окружении воды и зелени, можно увидеть оригиналы или копии всех его скульптур, которые он в таком изобилии создавал для Стокгольма и Гетеборга, Нью Йорка и Кренбука и многих других городов Швеции и Америки. Весной боковой солнечный свет придаёт особое оживление возносящимся на стройных колоннах крылатым фигурам, застывшим в момент движения, схваченный художником; кажется, они тут же готовы улететь в голубое небо.

Весна преобразует вид и психику города и всей страны. Люди, подобно природе, пробуждаются от долгого, тяжёлого зимнего сна. Но у них остаётся сдержанность перед людьми, замкнутость в кругу самих близких, внутренняя сосредоточенность. Возрождается близость с природой, но не смягчаются человеческие отношения.

За несколько лет жизни в Швеции мне случалось бывать в гостях у моих шведских друзей на семейных торжествах. Однажды это было по случаю пятидесятилетия главы семейства; другой раз — “отмечали” обручение дочери. Именинником был руководитель отдела в крупной промышленной фирме, а обручение дочери состоялось в семье врача. Однако, стиль и церемония были в обоих случаях настолько похожи, что возникало впечатление, будто праздником руководит некий невидимый дирижёр. Заметное удивление некоторых гостей при виде иностранца напоминало мне, как редко представляется возможность “вторгнуться” в шведскую семью.

После краткого представления гостей — которые при этом стояли, так как явились почти одновременно — мы сели за стол. Цен-

тральное место занял хозяин, против него села его жена. Справа и слева от них разместились гости — мужчины чередуясь с женщинами. Подали холодную закуску; затем хозяин встал и произнёс речь продолжительностью в несколько минут, в которой благодарил гостей за посещение, выразив свою радость по поводу празднуемого события. Далее следовал тост в честь хозяина (во втором случае — в честь новобрачных), после чего возникли формальные разговоры между случайными соседями; впрочем, в этих условиях и не могло быть других. Всё это происходило в сдержанном тоне; обычно в каждом разговоре участвовало два-три человека, и лишь изредка в него втягивались все сидящие за столом. Время от времени хозяин или кто-нибудь из гостей предлагал выпить соседу или сидящему напротив. Это своеобразный шведский обряд, именуемый “скол” (“желаю удачи”): предлагающий выпить поднимает бокал на высоту груди и всматривается в партнёра, который, заметив этот жест, в свою очередь схватывает бокал. Затем оба, не спуская друг с друга глаз, выпивают немного из бокалов и ставят их на стол, поздравляя друг друга торжественным кивком головы. Обычай не разрешает предлагать выпить хозяйке: инициатива должна исходить с её стороны, что считается проявлением благосклонности. По-видимому, здесь отражается недоверие к женской устойчивости по отношению к алкоголю: ей самой предоставляют решить, сколько и с кем она хочет выпить.

Незадолго до конца обеда поднимается один из гостей — либо старший по общественному положению, либо ближайший к хозяевам — и коротко выражает благодарность за приглашение, за избранное общество, за превосходную еду и т. д. Обычно пытаются сказать это с юмором, чтобы дальнейшая часть вечера проходила в более свободном настроении. По знаку хозяев гости встают из-за стола и переходят в соседнюю комнату, где продолжают разговор за чёрным кофе. Здесь уже не обязательно занимать места в строгом порядке; часто мужчины и женщины собираются порознь, а в больших квартирах даже в отдельных комнатах... Это не единственный пережиток традиционного превосходства мужчин над женщинами, несмотря на существующее здесь полное равноправие полов, юридическое и экономическое. Многие шведы объясняют это сохранившейся до сих пор патриархальной деревенской традицией — в самом деле, усиленная индустриализация страны и миграция из деревни в города произошли сравнительно недавно, в двадцатых-тридцатых годах этого века.

Приглашение на вечер воспринимается гостями как своего рода

событие; они не ограничиваются благодарностью перед уходом, но часто — звонят и на следующий день, чтобы выразить свою признательность за приятно проведённый вечер. Иностранец испытывает удивление, видя, как современная техника и внешняя американизация жизни сочетается с патриархальной строгостью обычаев и отношений между людьми. Люди, близко не знакомые, называют друг друга “господин такой-то”, не забывая при этом добавить профессиональное звание. Требуется немалое самообладание, чтобы не улыбнуться собственным словам: “Что думает господин интендант Йогансон о дальнейшем повышении налога с оборота?” Этот церемониал особенно обременителен в тех случаях, когда звание (или даже фамилия) собеседника неизвестна; тогда приходится прибегать к головоломным или, лучше сказать, языколомным фокусам, чтобы избежать прямого обращения... Но, с другой стороны, часто случается, что после нескольких часов знакомства люди переходят на “ты” а в средах, объединяемых общей профессией, учёбой или общественной деятельностью, эта форма обращения становится основной и вытесняет не только “господина такого-то”, но и беглое “Вы”, употребляемое между посторонними людьми вне светского общения — в магазине, в учреждении и т. п. В переписке между собой члены социал-демократической и коммунистической партии не применяют обращения “товарищ”, а пишут “брат”. Письмо члена партии товарищу по партии обычно начинается словом: “дорогой брат”.

Можно спросить, как обстоит дело с другими видами общения, не считая спорадических празднеств. Но дело в том, что здесь не существует общинной жизни, столь характерной для многих других стран и особенно активной в деревнях и небольших городках. Встречи с родными или друзьями вне дома, в ресторане или кафе столь редки, что расходы на эти цели в среднем бюджете не превышают 4% дохода. Сами шведы часто объясняют это “национальным характером” иногда ещё — установкой поведения, возникшей из одинокого существования в деревнях и в лесах, в тяжёлой борьбе с природой, и наконец — климатом.

Конечно, приглашение “официального” характера мало свидетельствует о повседневной жизни, точно так же как праздничная прогулка в воскресной одежде мало говорит о повседневных занятиях и заботах гуляющих. Мне было очень интересно узнать, как выглядит вблизи жизнь средней шведской семьи, и я искал случая с такой семьёй познакомиться.

Такая возможность неожиданно представилась, когда один из моих знакомых — докторант университета в Упсале — пригласил ме-

ня на уикенд к своему старшему брату в Линкёпинг, в южной части страны. Оба брата происходили из небольшого городка в средней Швеции; старший из них, квалифицированный закройщик, имел возможность получить лучшую работу в Линкёпинге, крупном промышленном центре, где находятся также известные фабрики готового платья.

Уже несколько лет господин Т. с семьёй жил в новой квартире, полученной после четырёх лет ожидания в небольшой наёмной комнате. Квартира составляла предмет законной гордости супругов; в ней было три комнаты с кухней, одна из которых служила гостиной, другая спальней, а третья была занята двумя маленькими сыновьями. Квартира помещалась в районе современной застройки; из окон пятого этажа открывался широкий, красивый вид холмистой местности, местами покрытой рощами деревьев и кустами.

Хозяева ознакомили меня со своим царством. Я охотно ко всему прислушивался: это был хороший случай уяснить себе, как живёт население этого дома. Гостиная была уютна и красиво отделана, но после краткого разговора выяснилось, что семья редко собирается здесь вместе, хозяин жаловался на дороговизну: высокая квартирная плата, постоянные затраты на предметы домашнего оборудования, стоимость содержания автомобиля. Последний, по его утверждению, облегчал семейную жизнь, что означало, как я понял, воскресные загородные поездки; дело в том, что в течение недели остаётся мало времени, которое можно было бы спокойно провести в кругу семьи. Перед каждым сезоном фабрика работает в сверхурочное время. Это обременительно, — признавал господин Т., — поскольку работа и без того оканчивается в пятом часу дня, после чего надо умыться, переодеться, вернуться домой, поесть; едва человек успевает несколько отдышаться и просмотреть газету, как уже наступает вечер. При сверхурочной же работе едва хватает времени поговорить немного с женой и поцеловать детей. С другой стороны, сверхурочная работа — это серьёзное финансовое подспорье, особенно в период, когда ещё не завершено обзаведение хозяйством. Очень многого еще не достаёт, и на все потребности обычного заработка не хватает.

Я с удовольствием рассматриваю чистую квартиру; коридоры, кухня и ванная, отделанная пластмассой, а пол в комнате лакирован, так что всё легко моется тёплой водой. Мебель скромная, но красивая: простые кресла, обтянутые искусственной кожей, стол и небольшие столики из тикового дерева со стойким покрытием, позволяющим есть без скатертей. Семья отзывается о шведской мебели

со сдержанной похвалой; впрочем, эта мебель, отличающаяся простой и прочной конструкцией, удобством и эстетическими достоинствами, заслуженно завоёвывает себе репутацию на мировом рынке. Шведские архитекторы интерьера в конструкторы приобрели репутацию своими моделями, начиная с мебели, настольных покрытий и домашнего оборудования и кончая мелкими предметами повседневного пользования. Это направление требует, однако, радикального изменения вкусов, которое не везде происходит одинаково быстро. Госпожа Т. мечтательно припоминает красивые лампы с богатыми хрустальными украшениями, считавшиеся во времена её детства символом благосостояния и вершиной хорошего тона. Чувствуется, что она напрочь была бы вернуться к этой моде. Нынешняя склонность к простоте, — замечает она, — эти нелакированные столы, крестьянские скамьи, простые кресла, картины вроде детских рисунков, — всё это граничит с суровостью и примитивностью. Ей часто кажется, что эти современные изделия, в сущности, подражают внутреннему устройству крестьянской избы, конечно, в элегантно исполнении. Между тем, разве хуже были бы вещи более утонченной формы, в которых больше заботились бы не о “функции”, а об украшении. Но что ж поделаешь, приходится следовать духу времени... Это сентиментальное влечение к мецанским вкусам прошлых десятилетий свидетельствует, что в сознания среднего человека понятие благосостояния всё ещё связывается с его былыми внешними признаками. Впрочем, г-жа Т. отдаёт себе отчёт в том, что прогресс — это не простое повышение потребительской ценности изделий, но и стремление к современным формам; к этому современному виду вещей надо привыкать, а со временем, возможно, удастся и полюбить его.

Что же касается необходимости скорейшего приобретения технически усовершенствованных изделий, то в этом отношении г-да Т. лишены всяких предубеждений или традиционной сдержанности. Здесь уже я оказываюсь консервативнее, сомневаясь, например, так ли уж плоха или устарела стиральная машина, чтобы её непременно надо было заменить новой, и не мог ли бы ещё послужить телевизор с экраном всего в девятнадцать дюймов... Но г-н Т. уверяет меня, что техника развивается быстро, что нельзя оставаться позади других, особенно, когда все вокруг — сослуживцы я знакомые — дружно идут в ногу со временем. Я робко спрашиваю, не лучше ли было бы замедлить темп, стоит ли так перерабатывать, одновременно отказываясь ради экономии почти от всех видов платного обслуживания. Ведь г-жа Т. не только готовит еду, но и стирает, чинит

одежду, вяжет, шьёт одежду для мальчиков, так что не остаётся времени ни на основательный отдых, ни на какие-либо развлечения... Теоретически г-н Т. со мной соглашается, но не скрывает, что стремление “держаться на уровне” стало уже его второй натурой. Впрочем, — говорит он не без грусти, — ведь и все другие поступают так же. Кроме того, — добавляет он с улыбкой, — в нашей текстильной отрасли ритм производства и зарплаты также определяются модой. Что бы мы стали делать, если бы клиенты наших покупателей — частных ателье, малых и больших магазинов — решились пользоваться нашими материалами и одеждой до их полного износа? Возникла бы безработица, опять повторились бы забастовки и голодные времена, которые помнил ещё с детства мой отец. И точно так же, все люди, производящие стиральные машины, телевизоры, автомобили, мебель, — все они нуждаются в работе. Таким образом, моё поведение вполне естественно и правильно также и с общественной точки зрения.

Приходит на ум, что даже в богатой Швеции нашлось бы немало ещё неудовлетворённых потребностей, более важных, чем новейшая модель телевизора, стиральной машины или автомобиля. Например, квартиры, которых в Линкёпинге ждут теперь шесть лет и даже больше, а в Стокгольме — двенадцать.

Кроме того, есть ещё много относительно отсталых районов; более энергичный темп капиталовложений в промышленность и транспорт позволил бы скорее приблизить жителей деревень и маленьких посёлков к уровню жизни больших городов. Впрочем, я приехал сюда смотреть и слушать, от полемики же отказываюсь. Дальнейшая беседа подтверждает сложившееся вначале впечатление, что почти все усилия и энергия семейства Т. затрачиваются на приобретение и умножение материальных благ. Читают ли они книги? Больше газеты и журналы, да ещё профессиональные издания, потому что фабрика периодически повышает квалификацию сотрудников, знакомит их с новейшей технологией и методами работы, требует, чтобы изделия, хотя и предназначенные в принципе для внутреннего рынка, соответствовали мировой моде и уровню высокоразвитых стран. Бывают ли они в кино, в театре или в концертах? Лишь в кино, да и то не часто. Встречается ли с людьми? Неловкое молчание. Г-н Т. и его супруга происходят из других мест, в Линкёпинге у них нет старых знакомств. На работе люди ограничиваются служебными делами или беглыми, обычно формальными разговорами. А в ближайшем окружении? Что касается г-на Т., то он скорее гость у себя дома. А супруга? Здесь сказалась болезненная проблема, в

этих местах, — говорит с горечью хозяйка, — люди ведут себя иначе, чем в маленьком городке, где я родилась и провела детство и молодость. Каждый живёт своими делами. Соседи едва здороваются... Соблюдение дистанции — это общепринятая общественная норма...

Мы входим в кухню — владение г-жи Т. Впечатляет почти аптечная чистота этого небольшого помещения, вызывает восхищение продуманное и целесообразное использование каждого уголка. Здесь всё встроено в предназначенные места и ниши — стол для приготовления еды; отлив; холодильник (г-жа Т. жалеет, что ниша слишком мала — новейшие модели холодильников стали больше, у них есть специальный “этаж” для низких температур, ниже -20° ; электрическая плита с четырьмя конфорками, каждая из которых допускает три разных температуры нагрева; просторный шкаф для продуктов, не требующих хранения в холодильнике, встроены в стену под широким подоконником и проветриваемый наружным воздухом с помощью специальной системы вентиляции. Над кухонным оборудованием, столом и отливом — двухэтажный ряд шкафчиков для сухих продуктов, тарелок, столовых приборов; ниже — ряд перегородок, между которыми, в стеклянных коробках, соль, перец, сахар и различные приправы.

Выражаю своё искреннее восхищение, к видимому удовлетворению хозяев. Оборудование, в самом деле, удобно и практично, — соглашается г-жа Т., — вот только духовка помещена слишком низко... Теперь духовки делают на высоте лица; они имеют стеклянную дверцу, снабжаются термометром и автоматически выключаются после установленного времени печения, можно положить туда тесто или мясо, а самой заняться чем-нибудь другим. Г-н Т. поддакивает. Я постепенно проникаюсь убеждением, что отсутствие такой духовки и в самом деле серьёзная проблема, и что г-да Т. не преминут внести этот предмет в свой семейный план капиталовложений.

Сегодня воскресенье, приближается первый час дня, и г-да Т. приглашают меня на ленч. Ленч — это питательная еда, нечто вроде основательного второго завтрака, поскольку обед, вопреки его названию (миддаг — еда в середине дня), бывает здесь поздно пополуночи или вечером. Ленч часто состоит из стакана молока и нескольких булочек или из какого-либо лёгкого, не мясного варёного блюда. Конечно, в воскресенье питаются лучше, тогда как в течение недели главным правилом является экономия. Едят свежий хлеб, или сушёный, прессованный из разных видов муки, так называемый *кнекербрэд*; на хлеб часто намазывают маргарин, а затем накладывают паштет, или острый сыр (вид салами), или повидло. К

этому добавляют банан или другие плоды, или же сладкое печенье. Следует упомянуть здесь особую привязанность шведской кухни к сладостям: здесь делают сладким не только хлеб, но и сельдь (в сладком маринаде), а капустные голубцы в сиропе — блюда эти, с точки зрения наших вкусов, поразительны.

Обед — самая обильная, но, во всяком случае, не роскошная еда. Начинается он привычными шведскими *смергос*, булочками с маслом или маргарином и с какой-нибудь начинкой; часто их запивают молоком, молоко не кипячёное, холодное, очищенное и пастеризованное, превосходного вкуса. Второе блюдо — довольно жидкий суп, скорее похлёбка, по нашим понятиям не особенно вкусная и не слишком разнообразная по содержанию; преобладают мучные, протёртые супы или же — в четверг — гороховый суп. Наконец, главное блюдо — колбаса, нарезанная тонкими кружками и запечённая с картофелем, или налистники, иногда мясной гуляш; в воскресенье — цыплята или другое мясное блюдо; а в конце — неизменный кофе со сладким печеньем.

Наше воскресное вторжение к г-м Т. было совершенно исключительным событием; как правило же, после рабочей недели г-да Т. стараются устроить себе отдых. Лучше всего выехать из города и провести часть субботы и воскресенье близ воды. Правда, в таком климате купаться удаётся редко, но всё же у воды сильно разряжается напряжение, да и сама по себе перемена привычной обстановки действует успокаивающе, превосходно восстанавливая организм после целой недели усилий, вдобавок Линкёпинг расположен таким образом, что отсюда можно выбраться и на озеро Боксен, и на берег Балтийского моря, к какому-нибудь из глубоко врезавшихся в суцу фьордов. Пока г-да Т. пользуются палаткой, что, естественно, ограничивает их поездки тёплыми, погожими днями, но они мечтают о собственном уикендовом домике.

Вспоминаю знакомую картину Стокгольма, в часы уикенда, то есть после полудня в субботу, а летом даже и в пятницу — многие предприятия и учреждения в субботу не работают — город пустеет на глазах: ленты автомобилей тянутся ко всем выездам с такой поспешностью, будто пассажиры их спасаются бегством от внезапной опасности. Целые семейства торопятся отдохнуть за городом, главным образом на бесчисленных островах архипелага, — прогуливаться, заниматься водным или зимним спортом, кататься на лодках, наконец, попросту работать в огороде или читать. Во всё большей степени осуществляется идеал средней шведской семьи: собственный летний домик за городом, преимущественно близ воды.

Лабиринт скалистых островов и островков — их больше 24 тысяч — простирается почти у ворот Стокгольма. Острова эти, либо каменистые, либо поросшие берёзовыми рощами или небольшими лесами, по берегам изрытые заливами, нередко разнообразные по виду местности и причудливые по форме — истинный рай для отдыхающих. Хотя погода в этих краях неустойчива и жаркие дни редки, острова обеспечивают идеальный отдых и дают возможность чудесного, постоянно возобновляемого соприкосновения с дикой и прекрасной природой. Связь с материком осуществляют регулярно курсирующие паромы, перевозящие пассажиров и машины. Но есть и такие острова, куда можно попасть лишь в собственной моторной лодке или в лодке местного рыбака; всё больше шведов придерживается мнения, что как раз эти наиболее привлекательны.

Случается, что горожане становятся собственниками целых небольших островков; конечно, это, прежде всего, люди весьма состоятельные. Нередко при поездке по водам стокгольмского архипелага глаз наталкивается на таблички с надписью: “чужая собственность — вход запрещён”; это гордые, но не особенно приятные символы исключительной привилегии собственника.

Как правило, однако, домики сдаются внаём. Муниципальные власти сдают их по относительно умеренным ценам; благодаря присутствию нанимателям чувству порядка и заботливому отношению к месту проживания или отдыха, они содержатся в исправности, а все необходимые устройства сохраняются. Большею частью эта домики не отапливаются, так что сезон ограничивается несколькими летними месяцами.

Отдых после труда рассматривается не только как физиологическая потребность; он составляет необходимое дополнение жизни. Он не только сохраняет работоспособность, но служит результатом и вознаграждением работы. Человеку из страны с лихорадочным темпом жизни, в особенности из страны, разорённой войною, такая позиция, на первый взгляд, может показаться эгоистической и мещанской. Но при более близком знакомстве с характером отдыха он должен будет признать своё суждение в значительной мере поверхностным.

Дело в том, что швед не проводит свободное время пассивно, не тратит дни уикенда, “лёжа животом вверх”. Он рассматривает свободное время как случай развить свои личные склонности, вид и уровень которых, разумеется, меняется в зависимости от ситуации. Иногда отдых заполняется преимущественно чтением, иногда каким-нибудь ручным трудом, очень часто — ремонтом или подго-

товкой к зиме дома, парусной или моторной лодки, а также работой в огороде. Когда проходишь в пригородной местности мимо разноцветных уикендовых домиков, стены которых сверкают свежими красками, цветников, гармонически сочетающих подобранные оттенки цветов, газонов, покрытых сочной, тёмной зеленью, — становится ясно, что это даже с внешней стороны поразительное благосостояние страны в огромной степени зависит от самих граждан, от их собственной заботы о ближайшем окружении а любимой среде.

Самой обычной целью отдыха является общение с природой. Немногие страны могут похвастать таким числом туристов, проходящих сухопутные и водные трассы, плавающих по заливам и озёрам на всевозможных лодках, устраивающих заплывы на длинные дистанции, а зимой — заполняющих все удобные места на лыжах. Нередко на далёких прогулках можно встретить одиноких женщин гораздо старше бальзаковского возраста, со стройной фигурой и упругим шагом. Ни туман, не снегопад не мешают им ходить.

В стокгольмском парке “Хумлегорден”, расположенном в центре города, любимое зимнее развлечение детей — скатывание с крутых склонов на так называемых тарелках — почти плоских жестяных мисочках. Более храбрые пытаются съезжать на коротеньких, широких лыжах, соединённых с ботинками гибким креплением. Маленькие спортсмены начинают тренировку в возрасте, когда ещё не вполне уверенно стоят на собственных ногах. Однако, они храбро спускаются со склонов длиной в несколько сот метров, зарываясь в снег. Матери, гордясь своими отпрысками, забывают об угрозе катаров и бронхитов. Но зато в будущем молодых людей не устрашит ни капризная погода, ни погружение в воду температурой 13–15 градусов. Летом встречаются семьи, члены которых, от самых младших до старших, наслаждаются купанием при отнюдь не жаркой погоде. Умение плавать настолько распространено, что удивляться приходится скорее, когда его не обнаруживаешь.

Длительные лыжные прогулки по ровной местности принадлежат национальной традиции. Согласно легенде, создатель независимого шведского государства Густав Ваза должен был спастись от датских преследователей в горах, на границе Норвегии. Вскоре, однако, собрались его сторонники, и из небольшого городка Мора в провинции Даларна выслали к будущему королю двух выносливых лыжников, с призывом принять на себя руководство освободительной борьбой. Борьба эта привела к изгнанию оккупантов, а год её начала (1521) считается поворотным пунктом в истории страны. И по сей день, в марте каждого года, в городе Мора собирается 1 100

лыжников, желающих испытать свои силы в “состязании Вазы”, национальном марафонском беге по трассе в 480 километров, проложенной некогда посланцами шведских патриотов. И всегда около сотни сильнейших достигает цели, при аплодисментах многотысячной толпы зрителей.

Высокий уровень физической подготовки молодёжи достигается благодаря повсеместному распространению гимнастики. Традиция различных систем физических упражнений насчитывает уже свыше ста лет, и уже в середине прошлого столетия иностранцы, посещавшие страну, описывали шведскую гимнастику. В программах шведских школ гимнастика играет более важную роль, чем в других странах, а упражнения на дому или в организованных группах относятся к повседневным обычаям. Результаты налицо. Шведы не только здоровы и выносливы, но отличаются высоким ростом и гармоническим телосложением. Средний рост юноши составляет сейчас 187 см, девушки — 168 см.

Широко популярен также спорт. Начиная с 1912 г., когда в Стокгольме впервые состоялась олимпиада, шведы, при небольшом населении, всегда отличались в международных состязаниях убедительным числом золотых медалей — в гимнастике и в плавании, в конном спорте и в теннисе, в лыжном и конькобежном спорте, но прежде всего — в современном пятиборье, это не случайно, поскольку именно в этом виде соревнований требуется наибольшая всесторонность — спортсмен должен быть бегуном и пловцом, фехтовальщиком и наездником и, наконец, стрелком. Начиная с 1912 года до олимпиад в Хельсинки и Мельбурне включительно все золотые медали по современному пятиборью доставались шведам; без сомнения, это показатель для физического развития общества, но в последние годы стремление к рекордам слабеет. Соревнования чемпионов теряют в Швеции свою ведущую роль; зато всё больше людей добивается очень хороших результатов. 600 тысяч человек — почти 8% населения — является так называемыми зарегистрированными спортсменами, объединёнными в клубы, в гимнастические и спортивные общества. Наряду с действующими круглый год катками, бассейнами и стадионами, для упражнений и спортивных игр используется каждая сколько-нибудь значительная площадка или озеро.

Следует, впрочем, заметить, что по мере распространения автомобиля “туристика” вдоль шоссе составляет опасную конкуренцию спорту и подлинному общению с природой. Это явление, общее для всех богатых стран, не могло, конечно, миновать и Швецию. В осо-

бенности заметно оно при отпускных поездках за границу; короткий отдых внутри страны протекает скорее в активной форме. При далёких путешествиях, в отрыве от нормальной среды, в другом климате и условиях жизни должен измениться и способ проведения времени. Автомобиль, поезд, а в особенности самолёт не только позволяет легче преодолевать расстояния, но и создаёт возможность провести отпуск более увлекательно, чем в кемпинговом домике или в палатке.

Ещё десять — двадцать лет назад семейное и индивидуальное проведение отпусков близ воды или в деревне принадлежало к шведской традиции. Отпуска были относительно коротки (две, затем три недели), а стоимость выезда в более тёплые места слишком высока. Однако по мере роста благосостояния функции кемпингового домика ограничились обеспечением еженедельного отдыха. Волна шведских отпускников разлилась по всей южной Европе, вначале в поисках туристических впечатлений, а затем уже — только солнца и морских купаний. Жадный до впечатлений турист сменялся отпускником, лениво ищущим отдыха. Нередки случаи, когда проводят несколько недель в Остии, в нескольких десятках километров от Рима, не задержавшись в Вечном Городе. Шведское бюро путешествий организует проживание в Италии, Югославии, на Канарских Островах, в Греции и на Майорке. Это дешёвое коллективное содержание в центрах, предназначенных исключительно для шведских туристов, где устройство повседневной жизни, кухня, и даже коммюнике о погоде на шведском языке создают для приносящих валюту гостей с севера как можно более привычные им условия. На Балеарских Островах гетеборгская пивная фабрика построила филиал, поставлявший шведским отпускникам их излюбленный напиток. Всюду, где находятся крупные группы отдыхающих, организуется врачебное и санитарное обслуживание шведским персоналом. Свыше 80% всех шведов выезжают на летние каникулы, в том числе три миллиона за границу; два миллиона путешествует по соседним скандинавским странам, миллион же ищет солнца на юге Европы. Если раньше путешествовали в машинах, то теперь преобладает чартерный (специально нанятый) самолёт. Он перевозит группу отдыхающих непосредственно к месту пребывания, а на обратном пути забирает группу, возвращающуюся домой. Цены весьма доступны: за несколько сот крон можно провести две недели на Канарских Островах, причём эта сумма покрывает стоимость поездки, жилья и полного содержания. При более длительном пребывании тарифы соответственно снижаются. Некоторые крупные промышленные пред-

приятия, например, сталелитейный завод в Окселлезунде, предлагают своим сотрудникам частичное покрытие расходов по отпуску при условии, что поездки состоятся в мае или сентябре — таким образом избегают трудностей, связанных с нехваткой рабочей силы в разгар летнего сезона. Благодаря этому сотрудники могут провести две недели на Балеарских Островах за плату, соответствующую обычной недельной. Для семей с маленькими детьми устроена сеть яслей и детских садов, где ребят оставляют под бдительным надзором квалифицированных воспитательниц.

Таким образом, влечение к более приятной жизни всё сильнее проявляется в поведении и устремлениях среднего шведского гражданина. Достаточно пройтись по большим оживлённым улицам столицы или другого крупного города, чтобы почувствовать себя ошеломлённым размерами и красочностью витрин, навязчивостью рекламы, предлагающей... нет, прямо внушающей новейшие и, следовательно, всё лучшие товары. Магазины, торгующие всевозможным готовым платьем, главным образом, дамским, расхваливают принципиально новые модели и кройки одежды и белья, ещё более практичные материалы, наилучшие сорта мыла, пудры, крема, губной помады, пластинки с самыми модными мелодиями и песнями, разумеется, в исполнении наилучших артистов. Рядом — огромные плакаты, объявляющие о распродаже не менее современных товаров со скидкой от 20 до 40%. В некоторые времена года, после зимних и весенних праздников, весь город буквально испещрён надписями подписями “Rea” (сокращение от “Реализация” — распродажа); публика набрасывается на самые привлекательные товары — по существу сомнительного качества — и лихорадочно сравнивает старые и новые цены. Как всегда в этой области, тон задают женщины. Вследствие непрерывного изменения моды, покупка новых вещей потеряла какую-либо связь с физическим использованием старых. На чердаках домов наполняются кладовки, где хранится старая одежда — всё-таки жаль выбрасывать совсем ещё не изношенный плащ или платье, а носить их уже не полагается, потому что они не модны или попросту были уже в употреблении в прошлом сезоне.

Это сравнительно новое здесь проявление благосостояния приводит ко всё возрастающей затрате времени и энергии на покупки и, конечно, к увеличению расходов. Было бы, однако, чрезмерным упрощением приписывать это стремление модно одеваться одному только тщеславию или желанию отличиться. Напротив, шведские женщины одеваются, как правило, со вкусом и скромным изяществом. Огромная потребность в одежде не связана с экстравагант-

ностью нарядов, а является своеобразной формой эмансипации женщины. Сотрудницы магазинов и контор, фабричные работницы, медицинские сёстры и учительницы приобрели ощущение независимости и справедливое убеждение в своей общественной роли. И в работе, и вне работы они стремятся доказать, что в профессиональном отношении не уступают мужчинам, что по окончании домашних занятий становятся равноправными членами деятельного общества. А это требует тщательности и в одежде, и в уходе за собой; очевидно, что внешний вид свидетельствует о профессиональной состоятельности, придаёт уверенность и хотя бы частично устраняет признаки старости и утомления. Не случайно в Швеции ежегодно расходуется на косметику и уход за внешностью огромная сумма в 300 миллионов крон.

Особая группа потребителей, также недавно сложившаяся, — это юноши и девушки. По мере роста благосостояния и эта группа располагает всё большими доходами, происходящими либо от собственного труда, либо от помощи родителей. Поэтому всё большую долю предлагаемых товаров составляет специфически молодёжный ассортимент: переносные приёмники, фото- и киноаппараты, а прежде всего проигрыватели, магнитофоны и пластинки. Конечно, молодёжь не только покупает товары — она заполняет места в самолётах, перевозящих туристов на юг, составляет значительную часть кинематографов и клиентов не очень многочисленных ночных клубов, стимулирует рынок подержанных автомобилей, из которых, кстати, не всегда делает наилучшее употребление.

Часто можно услышать, что шведская молодёжь легко поддаётся американскому влиянию и стремится подражать своим заокеанским ровесникам не только в одежде и внешнем образе жизни, но и в жизненных идеалах и ценностях. Бесспорно, в этом есть известная доля истины. Государство общественного благосостояния устраняет нужду, но придерживается принципа личной свободы, в либеральном смысле этого слова, и не способно создать идейный образец личной жизни. Родители этих молодых людей были поглощены трудной борьбой за существование. Дети же их не довольствуются более лёгкими, чем прежде, условиями быта, и очень часто превращают материальные достижения в главную цель жизни. Их образцом в этом отношении, понятно, служит Америка, где материальное благосостояние выше, чем где бы то ни было. Точно так же, как в Америке, в Швеции начинает преобладать стремление приспособиться к требованиям среды, «не отставать от соседа». Что хуже, процесс американизации начинает охватывать также извра-

щения: выходки битников, пьянство и наркоманию, половую распущенность, насилия.

В разговорах с предпринимателями, с учёными, с воспитателями часто остаётся нотка беспокойства. Молодёжь сторонится длительных, тяжёлых усилий, лишь со временем гарантирующих получение специальности или успех в исследованиях; она предпочитает лёгкую и быстро окупающуюся работу в промышленности или в сфере услуг. Там можно скорее достигнуть материального успеха, а вместе с тем определённых преимуществ и статуса.

Трудно предвидеть, удалится ли — и в какой мере — будущее поколение шведов от традиции, в которой оно воспитано; несмотря на длительную изоляцию страны, традиция эта в значительно большей степени европейская, чем американская. Молодые шведы и шведки подчёркивают свой новый стиль и новые потребности, всё раньше и всё энергичнее выдвигаясь в качестве самостоятельных партнёров в труде и развлечениях, навязывая солидному, как будто ошеломлённому обществу беспокойные, несколько космополитические обычаи и нравы.

Кооператива Фербундет

Вернёмся теперь в 1928 год. Единственная в Стокгольме фабрика электрических лампочек принадлежала немецкому картелю “Осрам” полностью подчинённому гигантскому американскому тресту “Дженерал Электрик Компани”. “Осрам” в полной мере пользовался привилегиями монополиста не только на шведском рынке, но и во многих других европейских странах; цены устанавливались таким образом, на уровне, имевшем мало общего со стоимостью производства — торговая политика стремилась просто-напросто к извлечению наибольшего возможного дохода. Если снижение цен приводило к увеличению продаж, но не настолько, однако, чтобы это вызвало возрастание общего дохода, то картель предпочитал сохранить меньшее производство, в согласии с классическими принципами функционирования монополии. Поэтому цены в разных странах были различны, в зависимости от покупательной способности общества: 25-ватная лампочка, стоившая в Швеции в то время 37 центов, в Англии продавалась за 52 цента, в Дании за 27, а в Венгрии за 18, всегда с “приличным” доходом.

Шведские кооператоры всегда отдавали себе отчёт в положении вещей. Строительство кооперативной фабрики не выходило за рамки их финансовых возможностей; однако, с технической стороны производство лампочек было сложно, расходы потребителей на лампочки относительно невелики и, соответственно, возможная экономия не очень существенна. Но как раз в то время представился удобный случай: дирекция картеля решила отозвать в Берлин технического директора стокгольмской фабрики, Г. Шлотта. Однако, этот директор, привыкший к самостоятельности и сжившийся со шведскими условиями, отказался переехать, что означало уход с работы в картеле. Союз шведских кооперативов (кооператива Фербундет, сокращённо — КФ) тут же принял решение: наняли Шлотта и поручили ему построить кооперативную фабрику и организовать на ней производство лампочек.

Конечно, не обошлось без нажима и угроз со стороны картеля. Представители “Осрама” недвусмысленно давали понять, что вынудят кооператоров отступить, установив цены ниже уровня себестоимости. Один из директоров треста в Женеве, в драматическом разговоре с делегатами шведского кооператива, пытался во что бы

то ни стало убедить представителя КФ, что кооператорам выгоднее и безопаснее пойти на некоторое сотрудничество с “Осрамом”, чем предпринимать безнадежную борьбу с ним. Но экономисты из КФ не поддались. У них был уже немалый опыт борьбы со своими предпринимателями, и они знали, что могут в случае надобности рассчитывать на поддержку членов кооператива, и даже широкой общественности. Для усиления своей финансовой позиции они решали войти в соглашение с кооперативными организациями других скандинавских стран. По мере строительства фабрики была разработана система сотрудничества, и летом 1931 года Северо-европейский Союз Кооператоров “Люма” принял фабрику и начал производство. Уже во время строительства фабрики картель снизил цены лампочек с 37 до 27 центов. Вскоре, однако, на рынке появились лампочки новой фабрики по 22 цента – производство их за первый год достигло 3 миллионов штук, которые и были проданы в Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии. В следующие годы производство значительно возросло, так что можно было приступить к вывозу на иностранные рынки в обмен на товары, ввозимые в Швецию. Борьба с “Дженерал Электрик” на скандинавских рынках была выиграна. Сейчас “Люма” вырабатывает ежегодно 18 миллионов лампочек, удовлетворяя на 40% потребности шведского рынка, а также является серьёзным экспортёром в страны Латинской Америки. Шведские потребители не только добились экономии от снижения цен и улучшения качества лампочек, но получают также нормальный членский дивиденд в размере 3% цены покупок.

Можно спросить себя, что же внушило шведским кооператорам столь глубокое убеждение в справедливости их борьбы и в реальной возможности победы. Огромную роль сыграл здесь опыт и успех подобного достижения в братской Дании, где развитие кооперативного движения восходит к концу восьмидесятых годов прошлого века. Там дело началось с закупки молока у крестьян; через некоторое время кооперация организовала доставку молока, розничную продажу в собственных магазинах, переработку на собственных молочных заводах и, наконец, экспорт молочных продуктов. Намного труднее было справиться с мясными продуктами. В то время как торговля молоком не была под контролем частного сектора, попытки проникновения в мясное хозяйство натолкнулись на сильное организованное сопротивление владельцев боен и мясоторговцев. Разгорелась настоящая борьба. Капиталисты предлагали крестьянам особые премии за отказ продавать мясо кооператорам; пытались откупить некоторые кооперативы; вынуждали банки отказывать им в

кредитах. В одном посёлке местный отдел здравоохранения заявил, что кооперативная фабрика бекона угрожает здоровью населения, и приостановил её производство.

Но датские крестьяне не отступили. Они организовали через кооперативные организации закупку семян, кормов, искусственных удобрений, сельскохозяйственных орудий и т. п., устранили посредников и разделили между членами кооператива полученные доходы. Они во всё большей степени овладевали рынками, что содействовало стандартизации и улучшению качества продуктов. Наконец, вводя лучшие методы работы, они освобождались от ряда излишних операций, сосредоточиваясь на животноводстве и кормовом хозяйстве.

Уже первые годы этих усилий доказали внимательным шведским наблюдателям, что в развитии кооперации кроются не меньшие возможности экономического роста, чем в квалифицированном труде и в современной технике. Развитие кооперации в Швеции относится к началу нынешнего столетия. Оно сопутствовало развитию промышленности, миграции из деревни в город, численному росту рабочего класса и возрастанию его политического влияния. Сторонники кооперации, в большинстве своём, — члены правящей социал-демократической партии. Таким образом, кооперация, наряду с профсоюзами, является главной опорой этой партии, особенно в городах, — хотя формально кооперативное движение стоит вне политики, а членство в кооперативе не связано с принадлежностью к какой-либо партии. Часто говорят, что между кооперацией и социал-демократией существует лишь некий моральный союз. На практике, однако, они связаны очень тесно, что проявляется, между прочим, во взаимных консультациях по поводу важных экономических мероприятий.

Очень старые люди здесь помнят еще бурные дискуссии и общее возбуждение, которыми сопровождалось начало кооперативного движения. Как чаще всего бывает в Швеции, при этом не было речи о воплощении в жизнь какой-либо умозрительной теории или о революционном преобразовании всей экономики страны. Кооперация действует на основании существующего строя, частной собственности на средства производства, частной торговли и услуг. Руководящей идеей была охрана потребителя как в городе, так и в деревне. Поэтому идея кооперации не вызвала массированной атаки всего капиталистического класса и не привела к административным мерам со стороны государства в защиту частных предприятий. С другой стороны, атаки кооперации были в основном направлены

против национальных картелей (многие из которых, впрочем, были связаны с международными картелями и трестами), а это не могло не обеспечить движению широкую общественную базу и всеобщую поддержку. Тем более, что в начале деятельность кооперации касалась предметов, наиболее важных для среднего потребителя: продовольствия и товаров первой необходимости.

В 1910 г. Союз Кооператоров закупил небольшую фабрику маргарина, объявив тем самым открытую войну мощному картелю, решившему за год до этого не снижать установленную им чрезмерную цену на этот продукт. Узнав о намерениях СК, две фабрики, входившие в картель, значительно снизили цену. Союз Кооператоров не дал себя запугать.

Умелая пропаганда побудила большую часть кооператоров бойкотировать маргарин, вырабатываемый картелем. Для увеличения капитала СК выпустил облигации, и вскоре была собрана значительная для того времени сумма в 15 тысяч долларов. Начали строить большую современную фабрику. В итоге битва с картелем была решительно выиграна. Цена маргарина была снижена на 40%, а спрос на этот товар увеличился настолько, что производство возросло вчетверо. Вслед за маргарином, в ведение КФ перешли и другие основные продукты — сахар, мыло, мука, шоколад.

В 1922 г. Союзу Кооператоров удалось приобрести одну из крупнейших в Швеции мельниц под названием “Три Короны”, расположенную у входа в стокгольмский порт. Это означало атаку на одну из сильнейших монополий, действовавшую в сговоре с оптовыми торговцами и с железной последовательностью контролировавшую квоты помола и его стоимость. Достаточно сказать, что доходы, составлявшие до образования картеля 8–9% вложенного капитала, через год возросли до 23%. Мельница была основательно переоборудована и модернизирована, а в 1924 г. приступила к работе. Когда картель опустил цену ниже себестоимости, КФ сумел через свои магазины пойти чуть ли не до каждого покупателя, разъясняя смысл этого шага. Опыт с маргариновым картелем не был забыт. Потребители остались верны своим магазинам, и вскоре Союз сумел закупить другую большую мельницу (“Три Льва”) в Гетеборге, на юге страны. В итоге значительно снизились цены на муку, и к кооперативу перешло свыше 25% её производства.

Примеры этого рода нетрудно было бы умножить. В настоящее время СК является собственником или совладельцем около ста тридцати фабрик; некоторые из них относятся к наибольшим в стране. Кооперативное производство охватывает прежде всего продо-

вольственные товары: маргарин, пищевые жиры, муку и мучные изделия, хлеб, консервы, шоколад, мясные продукты, но также и ряд промышленных товаров, как, например, сельскохозяйственные орудия, искусственные удобрения, резиновые изделия (в том числе боты, галоши и шины), электрические лампочки, изоляционные материалы, обои, весы, кассовые аппараты, мебель, химические товары и т. п.

Эти успехи сделали кооперацию столь популярной, что теперь каждый второй гражданин Швеции является членом кооператива. Этому способствовали, впрочем, не только результаты деятельности КФ, но также умелая пропаганда и отсутствие каких-либо формальностей при вступлении в кооператив. В принципе кандидат в члены кооператива должен лишь внести некоторый небольшой вклад. Эти вклады, подобно банковским, приносят процентный доход; но, кроме того, каждый член кооператива ежегодно получает льготу в размере 3% от суммы его покупок. Впрочем, эту льготу могут получить и не состоящие в кооперативе: для этого достаточно сдать в конце года в ближайший кооперативный магазин кассовые чеки сделанных покупок; из полагающейся льготы половина выдаётся наличными, вторая же зачисляется в сумму вклада и вносится в членскую книжку. Таким образом, можно оплатить свой вклад постепенно, с первого же момента участвуя в членских доходах. Практически членом кооператива может стать каждый желающий.

Организация кооперативов также проста и рассчитана на возможно большую эффективность при минимальной бюрократии. На местном уровне в настоящее время существует около 700 кооперативных союзов, которым принадлежит в целом по стране около 8 500 магазинов. Местные союзы охватывают посёлки, участки городов или городские районы. Задача их состоит в снабжении магазинов, ведении бухгалтерии и отчётности, а также в квалифицированной торговой и экономической консультации. Эта последняя функция особенно важна: случается, что магазин несёт потери или имеет недостаточные обороты, и в ряде таких случаев, как видно из опыта, помощь Союза позволяет быстро оздоровить дефицитные предприятия. Впрочем, дефицитный магазин и не мог бы существовать слишком долго: нормальный кредит, предоставляемый местным союзом, даётся на срок не более тридцати дней; в виде исключения этот срок удлинняется, если речь идёт о «раскачке» нового предприятия. Центральное же правление Союза Кооператоров, наряду с общей политикой движения, консультированием и помощью местным

союзам, занимается оптовыми закупками и руководит через производственные союзы предприятиями, главным образом кооперативными фабриками.

Следует, однако, заметить, что местные союзы не обязаны снабжаться исключительно через КФ. Например, стокгольмские кооперативные магазины имеют собственную пекарню и собственное производство минеральных вод. С другой стороны, кооперативная торговля охватывает ряд товаров, не вырабатываемых на кооперативных фабриках. Так, большой универсальный магазин в Стокгольме имеет миллионные обороты, главным образом за счёт готового платья, не производимого кооперацией.

Этот популярный во всей Швеции “ПУБ” (по инициалам его бывшего владельца Пауля У. Бергсгрема) превосходит обычную кооперативную продукцию качеством товаров (и ценами), успешно конкурируя с крупнейшим и самым дорогим универсальным магазином Швеции, принадлежащим акционерному обществу “Нордиска Компаниет” (сокращённо: “ЭНКО”). Насколько далеко простирается инициатива кооперации, видно из того факта, что имеются даже союзы, занимающиеся кремацией трупов. После войны стоимость кремации возросла в такой мере, что вопрос этот обсуждался парламентом. Предпринимателей обвиняли в чрезмерной эксплуатации людей, постигнутых несчастьем, в доставке слишком дорогих урн и в устройстве ненужных церемоний. В 1948 году возникло двенадцать союзов, и теперь каждая третья кремация производится в кооперативном крематории. Как и во всех случаях, вмешательство кооперации вызвало снижение цен, для похорон самой дешёвой категории достигшее 40%.

Об экономическом могуществе кооперации свидетельствует тот факт, что она не остановилась перед вторжением в область страхования, где требуются, как известно, значительные капиталы и высокая степень специализации. Кооперативные страховые общества “Фольксам” (полное название: “Общественное Сотрудничество”) специализируется на страховании от пожара, несчастных случаев (особенно на производстве) и на страховании жизни, охватывая, тем самым, важнейшие отрасли страховой деятельности. Поскольку здесь существует всеобщее страхование от болезней и несчастных случаев и всеобщая система трудовых пенсий, взносы по этим видам страхования относительно низки и относятся к предметам, не покрываемым государственным страхованием, или же имеют целью более высокие страховые премии, чем предусматривают государственные правила. Доходы вкладываются преимущественно в строительство

и предназначаются для расширения и модернизации кооперативных магазинов и предприятий, либо для постройки коммунальных учреждений, обслуживающих отдельные группы трудящихся. “Фольксам” придерживается того принципа, что средства, происходящие преимущественно от страхования рабочих и других наёмных работников, должны возвращаться тем же слоям населения посредством улучшения жилищных условий в кооперативных домах, строительства клубов, спортивных залов и т. п. Таким образом, доходы страховой организации не подлежат разделу между отдельными членами кооператива, а служат коллективному потреблению трудящихся.

Следует подчеркнуть, что центральное правление Союза Кооператоров проводит также широкую деятельность, выходящую за пределы повседневных потребностей членов кооператива. Всё больше средств затрачивается на исследования и разработки, применение которых в кооперации должно привести к общему повышению уровня торговли и услуг на всей территории страны. Группа архитекторов при КФ вырабатывает типовые проекты магазинов различной специализации и их оборудования, а также постоянно пополняет и совершенствует уже имеющиеся проекты, чтобы держаться на уровне развивающейся техники и методов обслуживания и показывать пример частному сектору. Поэтому кооперативные магазины обычно образцово устроены, расположены в современных помещениях и отличаются солидной подготовкой и эффективностью персонала.

Для привлечения лучших сотрудников КФ организует курсы повышения квалификации – в разных отраслях и на разном уровне. Имеется центральная кооперативная школа в Сальтсйебадене, красивой курортной местности на берегу моря, близ Стокгольма; курсанты этой школы живут в интернате, получая денежную компенсацию в размере своего обычного заработка. Окончание курса с хорошими результатами почти наверняка обеспечивает продвижение, создавая тем самым добавочную связь между сотрудником и кооперативной организацией. Обучение не ограничивается предметами, непосредственно полезными в профессиональной работе; слушателей вводят также в более общие аспекты экономики. В группах часто проводятся дискуссии на различные темы, под руководством специалиста в соответствующей области. Издательский отдел КФ, выпускающий ежегодно свыше ста пятидесяти книг, обеспечивает курсантов брошюрами и методическими разработками, популярно излагающими экономические и политические вопросы. Для широкого круга читателей издаётся популярный еженедельник “Ви” —

нечто вроде журнала, печатающего наряду с репортажами, информацией и развлекательными статьями также экономические материалы и пропагандирующего кооперацию, рекламируя её новейшие достижения. В журнале чувствуется забота о доступности изложения и о широком охвате информации, представляющей интерес для среднего читателя. Время от времени кооперация устраивает различные кампании, например, “неделю вежливости”, “месяц эстетики интерьера” и т. п. Всё это укрепляет в обществе убеждение, что кооперация является не только источником повседневных материальных преимуществ, но создаёт также своеобразную общественно-экономическую модель, защищающую от хищнических тенденций капиталистического строя, сохраняя в то же время эффективность и целесообразность в работе. Ясно, что этой роли — противовеса капитализму и двигателя истинной социализации страны — кооперация исполнить не может. Несмотря на всё, капиталы и возможности отдельных лиц и частных компаний по-прежнему огромны; нередко частные предприятия даже успешно конкурируют с кооперацией, организуя современные и хорошо снабжаемые магазины самообслуживания; но прежде всего они господствуют в основных отраслях промышленности, к которым по природе вещей кооперация не имеет доступа. Однако, остаётся тот факт, — таким же образом расцениваемый шведской коммунистической партией, — что кооперация стала в шведской жизни важным экономическим, организационным и воспитательным элементом, и что теперь уже невозможно отстранить её от роли защитницы интересов потребителя, понимаемых в самом широком смысле.

Конечно, столь широкая деятельность требует умелого профессионального руководства. Этим занимается платный персонал правления, состоящий из директоров отделов, выполняющих различные функции, и из квалифицированных сотрудников. Правление решает все важные текущие дела, принимает решения по финансовым вопросам, нанимает и увольняет служащих. Исполнительная деятельность возложена на директоров; основное же направление политики устанавливает Общее Собрание, утверждающее также отчёты Правления. Оно состоит из делегатов, избираемых членами кооперации на уровне местных союзов. Местные союзы высказываются также по поводу работы магазинов в их районе, уровне обслуживания, снабжения, — словом, обо всех вопросах, интересующих их в качестве потребителей, начиная с цены и сорта упакованного сушёного хлеба вплоть до квалификации заведующего магазином, вежливости в быстроте работы продавцов. Эта система связывает кооператоров с

их организацией, способствуя развитию хозяйственного инстинкта, столь характерного для среднего шведа. На таких собраниях редко услышишь выступления, касающейся общих целей кооперации или каких-либо общественных проблем. Стороннему наблюдателю эти обсуждения, с мелочным в прозаическим улаживавшем маловажных деталей, должны показаться невыносимо скучными

Картина шведской кооперации была бы неполной, если не упомянуть её деятельность в деревне. Там она играет огромную роль, составляя основной элемент в жизни и в труде шведского крестьянина.

Главной целью, преследуемой кооперативными организациями крестьян, является устранение посредничества, в ряде стран (например, во Франции), присваивающего часть дохода от продажи сельскохозяйственных продуктов. Местные сельскохозяйственные кооперативы, которые начали возникать в разных посёлках в первые годы столетия, не могли развить сколько-нибудь широко деятельности из-за недостатка средств. Лишь в 1930 году был создан Союз Шведских Кооперативных Объединений в деревне, и вскоре после этого кооперация стала решающим фактором в сельском хозяйстве. В настоящее время имеется двенадцать отраслевых кооперативных союзов, соответствующих различным видам производства. Крупнейший из них — Молочный Союз, продающий почти 100% товарного молока и масла, а также организующий транспорт; большие бидоны с молоком, выстроенные вдоль дороги на специальных подставках, укрытые от дождя и света и готовые к погрузке, являются неотделимой чертой шведской деревни. Около 80% всей мясной продукции распределяется через второй по величине оборотов Союз Мясной Торговли. Такое же положение в торговле яйцами, зерном и т. д. Кооперативные транспортные предприятия занимаются перевозкой продуктов из сельскохозяйственных районов в города; более тяжёлые товары, например, картофель и зерно, доставляются водным транспортом. Стоимость перевозок благодаря этому удалось значительно снизить. Кооперативные организации берут на себя также закупки для крестьян, снабжая их тракторами и машинами, искусственными удобрениями, высокосортным посевным зерном. Имеется даже кооперативный строительный союз, инструктирующий крестьян при постройке новых домов и хозяйственных помещений или при перестройке старых. Конечно, как и в городе, дело не обошлось здесь без ожесточённой борьбы с частными предпринимателями. Проблема стыковки кооперативной деятельности в деревне и в городе уже неоднократно рассматривалась, не раз уже заключались соглашения, устанавливавшие такую систему работы,

при которой оба гиганта не мешали бы друг другу. Но удачное решение не найдено и по сей день.

Заслуги сельской кооперации не сводятся лишь к снижению цен за услуги и товары. Благодаря всесторонней, достигающей любого уголка страны кооперативной сети, шведскому крестьянину не приходится затрачивать время и усилия на перевозку и сбыт продуктов; он может полностью сосредоточиться на своей работе. Цены продуктов устанавливаются правительством по соглашению с крестьянскими организациями; при этом придерживаются принципа: одинаковые цены за продукты одинакового качества, без всяких исключений. Здесь следует отметить, что шведские хозяйства в своём большинстве относятся к категории средних — около 20 гектаров; тем важнее для их владельцев освобождение от всяческих забот, кроме производства в собственном смысле.

Я имел случай ознакомиться с рядом хозяйств; в особенности запомнилось мне посещение одного из них, близ столицы, устроенное при любезном содействии Шведского Института в Стокгольме. Хозяйство насчитывало около 25 гектаров пахотной земли и пастбищ, а также 20 гектаров леса; его специальностью было разведение коров. Собственники, супруги Г., были единственными работниками в хозяйстве; лишь в самое напряжённое время они пользовались сезонной помощью сельскохозяйственного практиканта. Хозяйева приняла нас в просторном одноэтажном доме типа бунгало, состоявшем из трёх больших комнат и кухни, с двумя маленькими комнатками на чердаке. Дом был оборудован электричеством и канализацией, лакированные полы сияли чистотой. По другую сторону небольшого лужайки находились хозяйственные постройки — амбар, гумно, специальные помещения для машин, двигателей и инвентаря. Предметом нескрываемой гордости хозяев был, однако, коровник — огромный зал с каменными стенами, с канализацией и механической аппаратурой для мойки, а также полуавтоматическим оборудованием для доения коров. Меньше чем за час один человек — скорее управляющий машинами, чем работающий физически — сумел выдоить всех коров, произвести анализы качества удоя с каждой коровы (содержание жира, чистота и т. п.), а затем вымыть пол, сточные каналы и стены. Вся эта операция больше напоминала работу в хорошо оборудованной лаборатории, нежели уход за скотом.

Наряду с основным занятием — разведением коров — супруги занимались земледелием, производя пшеницу, картофель и овощи, а также держали изрядное количество птицы, как для собственного потребления, так и на продажу.

Доходы супругов Г. были значительны — свыше 5 160 крон в месяц, что соответствует в промышленности заработку менеджера высокой ступени. Но, конечно, хозяйство их нельзя считать типичным ни в отношении специализации и вложенного капитала, ни по современности и полноте оборудования. Сверх того, работа по хозяйству поглощает всё их время, от рассвета до позднего вечера. Несмотря на близость столицы, они бывают в Стокгольме не чаще двух-трёх раз в год. Болезнь или какая-либо необходимость выехать за пределы деревни оказывается для них серьёзной проблемой. Понятно, что молодые люди неохотно остаются в деревне. Их не радует перспектива провести всю жизнь на безлюдье — деревни часто невелики и рассеяны на больших пространствах. Более привлекает их жизнь в городе; устроиться там нетрудно, благодаря развитию промышленности, торговли и услуг. По этой причине число хозяйств постоянно уменьшается, и резкая убыль населения в деревне ставит перед государством общественные проблемы. Тем больше заслуга кооперативного движения, стремящегося, насколько возможно, сгладить различия в условиях жизни и работы между городом и деревней.

Без сомнения, развитие кооперации в деревне было мощным стимулом, способствовавшим подъёму уровня шведского сельского хозяйства. Развитие это было прямо поразительным, поскольку в течение восьмидесяти лет оно выдвинулось на одно из ведущих мест в мире. Ещё в 1880 году почти 3/4 населения занималась сельским хозяйством. В 1960 году лишь каждый десятый швед был крестьянином. За это время население выросло с 4,5 до 7,5 миллионов, и несмотря на это снабжение продовольствием несравненно улучшилось. В течение десятилетия 1953–1963 годов средние урожаи с гектара составили (в центнерах):

Пшеница озимая	26
Пшеница яровая	21
Рожь	21
Ячмень	23
Овёс	18
Среднее для четырёх видов зерна	22
Картофель	13

Следует, однако, иметь в виду, что сельскохозяйственное производство ныне совсем не похоже на “сельскую” работу крестьянина восемьдесят лет назад; оно превратилось в специализирован-

ную область экономики, всецело зависящую от различных отраслей промышленности. На каждый гектар земли шведский крестьянин расходует 23 килограмма азота, 29 килограмм фосфорной кислоты, 24 килограмма калия! Легко себе представить, какие производственные мощности потребовалось создать в промышленности, чтобы обеспечить подобные результаты в сельском хозяйстве.

Как же удалось этого достигнуть при одновременном уменьшении числа людей, занятых в сельском хозяйстве? Изображённое выше хозяйство супругов Г. предположительно отвечает на этот вопрос. Укажем здесь на одну характерную черту: в 1930 году шведская деревня располагала более чем 600 тысячами лошадей и всего несколькими тысячами двигателей. В 1962 году число лошадей упало ниже 180 тысяч, число же двигателей возросло до 160 тысяч. Такие же данные можно было бы привести для целого ряда сельскохозяйственных машин, для оборудования животноводства, не говоря уже об огромных затратах на исследовательские и опытные работы, в особенности на введение всё лучших, более производительных и приспособленных к местным условиям сортов зерна, кормовых культур, овощей и фруктов, а также пород скота. На одни только машины и оборудование для своих хозяйств шведские крестьяне расходовали свыше 5 миллионов крон в год.

Читатель, конечно, задаётся вопросом, какова структура собственности в сельском хозяйстве? Оказала ли и здесь кооперация своё благотворное влияние?

Ответ на этот вопрос не столь утешителен, как оценка экономических результатов. Не следует забывать, что Швеция — капиталистическая страна, и что, несмотря на государственную помощь беднейшим крестьянам, структура собственности и по сей день несёт на себе заметные черты помещичьего землевладения.

Число хозяйств		Размеры	Площадь обрабатываемой земли	
Количество	в %	в гектарах	в гектарах	в %
141 652	61	2–10	823 700	25
53 456	23	10–20	789 800	24
18 256	8	20–30	456 700	14
17 409	7	30–100	836 800	25
2 186	1	свыше 100	389 600	12

Благодаря бурному развитию промышленности, в Швеции не произошло дробление земельной собственности, столь характерное

для бедных стран Европы, — здесь весь избыток деревенского населения, при относительно низком приросте населения, поглощался городами и посёлками. Однако, несмотря на это, хозяйства, оптимальные в экономическом отношении, — примем с некоторым упрощением, что это хозяйства от 10 до 30 гектаров — занимают не более 38% всей обрабатываемой земли и находятся в собственности 71 тысяч владельцев, составляющих 31% всех собственников хозяйств. Таким образом, почти 2/3 обрабатываемых площадей используется не наилучшим в экономическом смысле способом — и прежде всего это относится к малым хозяйствам, от 2 до 10 гектаров.

61% хозяйств принадлежит семьям, работающим на малых или даже карликовых участках; в их распоряжении находится лишь 25% сельскохозяйственных угодий. Неудивительно, что бегство из этих хозяйств в города происходит чаще всего, и что они чаще всего ликвидируются: ежедневно исчезает от 10 до 20 хозяйств этой категории. С другой стороны, тем же количеством земли располагает 7% хозяйств, с угодьями от 30 до 100 гектаров, и целых 12% обрабатываемой земли составляют латифундии свыше 100 гектаров. Не случайно кооперация остановилась у рубежа, за которым лежит земельная собственность. Переход этого рубежа означал бы изменение самого строя, основанного на частной собственности. Так далеко не простирались намерения ни одного шведского правительства, ни одной общественной организации, даже столь влиятельной и популярной, как кооперация. Об этом следует напомнить и по той причине, что, по широко распространённому взгляду, кооперация в скандинавских странах считается полугосударственным учреждением, созданным и поддерживаемым правительством. В действительности же кооперация возникла в период укрепления классового сознания рабочих и работников умственного труда и была движением, направленным против существовавшего порядка, на защиту от чрезмерной эксплуатации предпринимателями и на борьбу с поддерживавшей такое положение вещей государственной властью. Кооперативное движение одержало успехи благодаря своей собственной боевой силе и благодаря реально существовавшим общественным потребностям, вызвавшим его к жизни. Оно не пользовалось привилегиями со стороны государства, а расширило свой размах и значение в нелёгкой конкурентной борьбе. Такое развитие событий отвечало взглядам социал-демократии, в течение десятилетий правившей или участвовавшей в управлении страной и избравшей реформизм своим главным политическим принципом. На практике

это значило: поддерживать общественную инициативу, вступать в торг с буржуазией за большой кусок “общественного пирога”, но в то же время постоянно стремиться к компромиссу, избегая всего, что могло бы ослабить общественный строй, в котором — согласно официальной программе партии — важна не форма собственности, а эффективность экономической деятельности.

Какого же типа люди стояли во главе шведской кооперации в период её бурного развития? Каким образом и под какими лозунгами они действовали? Это тем более интересно, что в период возникновения движения его возглавляли не профессиональные экономисты или технократы, а люди без подготовки и образования, сумевшие благодаря своему энтузиазму и способностям выдвинуться на руководящие посты а придавшие своей личностью направление рождавшемуся движению.

Практически руководство КФ находится в руках правления, состоящего из директоров его отделов. Директора эти выбираются номинально на два года; фактически же они несменяемы и работают до ухода на пенсию. Однако, назначает их Национальный конгресс, выбираемый, в свою очередь, Общим Собранием делегатов округов. Выбор падает обычно на людей со всесторонним опытом, честных и идейных, вполне преданных кооперативному делу. Характерно, что часто это бывают люди без нормального образования; они соединяют в себе черты твёрдых и практичных бизнесменов с глубокой верой в общественные потребности и в будущее кооперативного движения.

Типичным руководителем этого рода был Альбин Иоганссон, проработавший в кооперации свыше полувека, а с 1924 года до выхода в отставку в 1957 году бывший одним из директоров и одновременно председателем правления. Иоганссон, сын стокгольмского каменщика, начал свою трудовую жизнь в качестве рассыльного в универсальном магазине. Семнадцати лет он имел уже на своём счету, сверх двухлетней работы рассыльным, различные временные занятия; вскоре он получил место продавца в кооперативном магазине, основанном рабочими сахарного завода. Труд его был нелёгким, потому что клиенты являлись за покупками уже в половине пятого утра — до начала работы. Через два года он стал заведующим магазином, и в качестве делегата этого магазина сблизился с тогдашними руководителями кооперативного движения, особенно с Мартином Сунделлом. Вскоре он подружился с ними, и с этого времени началась его карьера. В 1907 г. Иоганссон возглавил бухгалтерско-ревизионный отдел СК — капитал СК составлял в то время 150

тысяч крон. Через пятьдесят лет, когда Иоганссон уходил на пенсию, этот капитал достиг 30 миллионов крон. В качестве заведующего бухгалтерией Иоганссон объезжал страну, основательно знакомясь с финансовым положением местных союзов, давая им советы и указания. В 1910 г., после смерти Сунделла, которым он глубоко восхищался, Иоганссон начал постепенно выдвигаться в руководители движения, выступив инициатором промышленной деятельности кооперации. Его точка зрения состояла в том, что кооперация должна превзойти частое предпринимательство в организации производства и уровне обслуживания. Отсюда чрезвычайное внимание к развитию, к применению новейших достижений и изобретений, к расширению кооперативного движения за пределы Швеции, одним словом — к будущему. Здесь играли свою роль и мечты, под влиянием утопистов, что кооперация способна перестроить экономическую структуру мира, ввести лучшее разделение труда между странами, обеспечить равномерное распределение сырья, более того! — даже постепенно содействовать устранению причин конфликтов и войн. Но Иоганссон был слишком практичен, чтобы пытаться воплотить в действительность такие мечты, нереальность которых должен был видеть.

Другим выдающимся кооперативным деятелем — на этот раз в сельской кооперации — был Эйнар Сьегрен. Родился он в том же году, что и Иоганссон, и уже семилетним мальчиком помогал работать на поле. Окончив сельскохозяйственную школу, он служил инспектором сельского хозяйства, объезжая крупные хозяйства. После шестнадцати лет этой работы он вернулся в ту же школу в качестве директора. В 1937 году он был избран депутатом парламента, а вскоре стал председателем Шведского Крестьянского Союза. Следует иметь в виду, что сельская кооперация менее централизована, чем городская. Крестьянский Союз главным образом координирует работу отраслевых союзов, помогая решению общих задач. Сьегрен вёл переговоры с правительством о ценах на сельскохозяйственные продукты и, конечно, имел контакты с Иоганссоном. Этот последний, представлявший СК, стремился установить как можно более низкие цены, в то время как Сьегрен, борющийся за интересы земледельцев и животноводов, хотел выдать цены на уровне, обеспечивающем им приемлемые доходы. Трудно было достигнуть общего соглашения. Шведские хозяйства по большей части средние, так что несмотря на машины и высокую культуру производства себестоимость довольно велика. Цены, уплачиваемые крестьянам, превосходят цены на мировом рынке. Конечно, это влияет на заработки

в городе и косвенным образом является субсидией сельскому хозяйству со стороны промышленности.

У Йоганссона и Сьегрена было разное прошлое и разные замыслы, они представляли различные слои кооператоров, интересы которых часто были противоположны. Но их общими чертами были убеждение в правильности кооперативной идеи и увлечённость работой. Сьегрен вывесил над своим рабочим столом следующее поучение: «На дубе жила старая, мудрая сова. Чем больше она знала, тем меньше говорила. Чем меньше говорила, тем больше слышала. Почему бы нам не следовать примеру этой старой, мудрой совы?»

Нейтралитет

В новейшей истории европейских стран Швеция упоминается редко. Наряду с великими державами, постоянно формирующими экономику и определяющими поля сражений на старом континенте, т. е. Россией, Францией, Англией, Польшей, Пруссией и Германией, в истории выступают на некоторое время и меньшие государства, чтобы после периода расцвета ограничиться, в конечном счёте, той ролью, которую предназначают им численность населения, величина территории, естественные ресурсы и богатства. Мы встречаем в их числе последовательно Испанию, Нидерланды, Данию... О Швеции же ничего, или почти ничего не слышно уже больше ста пятидесяти лет.

А между тем некогда и Швеция была великой державой. В XVII веке она владела всем Скандинавским полуостровом, захватив, кроме Норвегии и Финляндии, Эстонию и Литву. Войска её маршировали через Саксонию и Баварию, оккупировали северную часть Германии, а во время пресловутого “нашествия” прошли, неся с собой грабёж и разрушение, до самого Ченстохова, осада которого вошла в историю и в легенды нашей страны. Мечты шведских аристократов и помещиков, стремящихся сделать Балтику шведским морем, казались близкими к осуществлению.

Король Густав Адольф, в победоносных сражениях прошедший Германию до Баварии, строил планы великой коалиции протестантских держав под шведской гегемонией. Религиозная и политическая раздробленность Европы во время тридцатилетней войны и после неё весьма содействовали такому предприятию.

Юный, овеянный легендами король Карл XII, после блистательных побед над коалицией, включавшей Россию, Польшу, Саксонию в Данию, разгромил своих главных врагов — русских и поляков. Однако, уже в следующем походе на Россию он потерпел поражение. В конце концов, после капитуляции армии Швеция вынуждена была отказаться от своих завоеваний. Она сохранила всё же южные провинции, значительную часть Финляндии и небольшие прибалтийские территории в северной Германии. В то же время проигранная война и финансовый кризис подорвали абсолютную монархию. Новая конституция поставила на первое место в государстве парламент, который постепенно, представляя всё более широкие слои

общества, сумел подчинить себе короля и коронный совет. Родовая аристократия и помещики, хотя и сохранившие силу, постепенно потеряли влияние на государственные дела. Решающая роль перешла к буржуазии, делившейся на два политических течения. Одно из них, “меркантилистское”, выражало интересы купцов, видевших источник богатства в торговле и искавших в союзе с Францией возможности возвращения утраченных завоеваний; другое же, объединявшее более демократические элементы — мелких собственников, ремесленников и молодую буржуазию, — добивалось мира, нейтрализации морей и добрососедских отношений с Россией. Эти люди уже тогда осознали, что эпоха королей-героев, Густава Адольфа и Карла XII, ушла в прошлое; что в Европе возникли великие державы, и прежде всего Россия, с которыми Швеции не справиться; что торговля не нуждается в армии, а может одерживать победы качеством своих товаров; а это, в свою очередь, требует таких общественных условий, которые обеспечивали бы ремесленникам и организаторам мануфактур возможность работы и гражданские права. Ясно, что надо было оставить мечты о реванше. Не случайно уже в конце XVIII века Швеция дважды входила в Лигу вооружённого нейтралитета, созданную Россией. Швеция не приняла также участия в больших колониальных войнах, начатых европейскими странами в конце XVIII века.

Краткий антифранцузский эпизод в период наполеоновских войн (шведы поддержали англичан, рассчитывая, что т. н. континентальная блокада против Франции откроет им беспрепятственную торговлю с европейскими странами) дорого обошёлся Швеции: она потеряла Финляндию, занятую Россией с согласия Наполеона, после недолговечного соглашения двух императоров. Франция, поддержав Россию за счёт проанглийской Швеции, рассчитывала открыть себе путь в балтийские порты, ослабив таким образом английскую морскую блокаду.

В результате этого поражения король Густав IV Адольф был низложен и изгнан из страны. Новый король, Карл XIII, уступил Дании часть немецкой Померании, ещё находившейся во власти шведов, получив в обмен признание его прав на Норвегию. Это вызвало, в свою очередь, небольшие стычки с норвежцами летом 1814 года — последние, по сей день, военные действия в истории Швеции. Когда Карл XIII умер, не оставив наследника, на трон вступил усыновлённый им за несколько лет до того Карл Иоганн, бывший наполеоновский маршал, до революции — сержант по фамилии Бернадот; он имел уже на своём счету участие в коалиции

против Наполеона в 1813 году, когда, вопреки надеждам шведской аристократии, не встал на сторону французского императора во время московского похода, но даже содействовал перевозкам русских войск. Благодаря этому Швеция смогла после поражения Наполеона присоединить Норвегию, о чём уже была речь выше. Династия же Бернадотов удержалась на шведском троне и по сей день.

Шведы ограничили своё политическое честолюбие территорией Скандинавии, окончательно отбросив мысль о захвате чужих земель. С тех пор все их усилия были сосредоточены на поддержании внутреннего мира в стране; идея нейтралитета, возникшая и оформившаяся в XIX веке, нашла в Швеции, наряду со Швейцарией наиболее последовательных и твёрдых сторонников. Оставаться вне всевозможных конфликтов, развивать торговлю со всеми странами, независимо от направления их политики, по возможности играть роль посредников в урегулировании межнациональных споров, а всё это ради собственной безопасности и беспрепятственного экономического развития — таковы принципы, почти в неизменном виде соблюдавшиеся в течение ста пятидесяти лет.

Нейтралитет стал политическим фундаментом последующего расцвета и обогащения Швеции, когда же время подтвердило правильность такого выбора, нейтралитет стал идейным достоянием всей нации, краеугольным камнем не только политической деятельности, но жизненной установки и мышления среднего гражданина, независимо от профессии, образования и общественного ранга.

Постепенно сформировался и характер этого нейтралитета, менявшийся в зависимости от условий. В 1834 году, когда вырисовалась угроза войны за обладание Балтикой между Россией и Англией, Швеция провозгласила декларацию о нейтралитете. Непосредственно перед началом крымской войны (1855) Швеция, вместе с Норвегией и Данией, объявила декларацию о нейтралитете на случай конфликта между Россией и коалицией Англии и Франции. В датско-германской войне из-за Шлезвиг-Гольштейна (1864) Швеция — несмотря на симпатии к братской Дании — осталась нейтральной. В следующие годы шведский нейтралитет имел скорее пронемецкую окраску, главным образом вследствие опасений перед Россией, соседство которой после присоединения Финляндии составляло, по мнению шведов, угрозу их независимости и побуждало их искать союзников.

В 1905 году Норвегия, после навязанной ей девятидесятилетней унии со Швецией, добилась расторжения унии и полной независимости; тем самым в Скандинавии прибавился новый партнёр, посте-

пенно начавший играть всё бóльшую роль в политике этого района. Россия, стремясь преодолеть недоверие скандинавов, предложила обоим королевствам гарантию неприкосновенности их территории. Швеция отказалась от этого предложения, опасаясь впасть в зависимость от России, но отвергла также и гарантию западных держав. Это означало дальнейший шаг в направлении строгого нейтралитета, поскольку наряду с принципом невмешательства в конфликты других держав возник ещё тезис о незаключении союзов в мирное время. Эти тенденции шведской политики нашли поддержку со стороны России, в отличие от западных держав стремившейся к добрососедским отношениям со скандинавскими странами. В 1908 году Россия добилась подписания конвенции, с участием Германии, Дании и Швеции, о сохранении существующего политического уклада на Балтике и о взаимных консультациях в случае необходимости. Подтверждением и углублением этого акта перед лицом приближавшегося мирового конфликта была шведско-норвежско-датская декларация от 21 декабря 1912 года, вновь провозгласившая нейтралитет скандинавских стран, опираясь на принципы международного права, в особенности на т. н. Лондонскую декларацию о морской войне (1909). Согласно атому заявлению, в случае морской войны — в котором только и могла иметь практическое значение нейтральность скандинавских стран — суда воюющих держав, заходящие в территориальные воды этих стран, должны были соблюдать различные ограничения. Они имели, однако, право свободного прохода через датские проливы, что, разумеется, не было в интересах Германии.

Когда разразилась Первая мировая война, убеждение в выгодности нейтралитета было уже столь сильно, что консервативные прусские круги Швеции, хотя и располагавшие большинством в парламенте, не решились выступить на стороне центральных держав. Швеция провозгласила нейтралитет, который сразу же был подтверждён державами Антанты, торжественно обязавшимися не нарушать его. В этих условиях выступили с аналогичными заявлениями Германия и Австро-Венгрия, предпочитавшие иметь дело с нейтральной и расположенной к ним Швецией, не толкая ее в сторону сближения с противником.

По существу, однако, шведский нейтралитет оказался прусским. Шведы развернули поставки в Германию стратегического сырья, в особенности железной руды и стали, а также продовольствия. Они занимались также перепродажей, закупая товары в Англии, Франции и Соединённых Штатах, чтобы затем с прибылью про-

дать их немцам. Несколько возросла также торговля с Россией и Финляндией. Шведы, пользуясь железнодорожным сообщением через свои территории, поставляли России ряд товаров, в том числе немецких. Швеция играла также важную посредническую роль в обмене информацией — достаточно отметить, что телеграфное сообщение между Англией и Россией проходило через Швецию. Немцы, в свою очередь, общались со своими учреждениями в заморских колониях, пользуясь шведской дипломатической почтой. Следует напомнить, что в апреле 1917 года Ленин, возвращаясь из Швейцарии в Россию, прибыл в Стокгольм, а оттуда уже, через Финляндию, в Петербург. Оказывая услуги как Германии, так и союзникам, шведы рассчитывали обезопасить себя от обеих воюющих сторон; по существу же они хотели угодить Германии, с которой были связаны старыми торговыми отношениями, а также — если говорить о находившихся у власти консерваторов — политическими симпатиями. Достаточно сказать, что в первый период войны из 3 640 судов, пересекавших под шведским конвоем территориальные воды Швеции, 3 161 шли под немецким флагом. Поэтому морская блокада Германии, установленная Англией и другими державами Антанты, неизбежно всё теснее сжималась и вокруг шведских судов.

Усилившаяся английская блокада, при сильных пронемецких тенденциях в обществе, вызвала оживление деятельности “активистов” стремившихся к вступлению в войну на стороне Германии. Однако, общество было против войны. Правительство ограничилось репрессиями в отношении союзников, задерживая доставки в Англию целлюлозы и транспорт военных материалов в Россию, а также заминировав шведскую часть Сундского пролива, что воспрепятствовало английским судам выйти из Балтики. Нейтралистским настроениям способствовала политика России, старавшейся избежать каких-либо осложнений. Однако, к середине 1916 года шведская торговля была настолько подорвана блокадой, что страна оказалась перед лицом продовольственного и экономического кризиса. В 1917 году Швеция была блокирована так же строго, как Германия. Впрочем, это было не только результатом деятельности союзного флота. С февраля этого года Германия начала войну подводными лодками, топившими все суда, направлявшиеся в союзные порты, — в том числе и нейтральные. Вследствие упорной пронемецкой позиции шведского правительства, не удалось прийти к соглашению с англичанами, поставившими условием полное подчинение контролю британского флота и прекращение торговли с Германией. Шведские суда совсем перестали выходить в море; вес-

ной 1917 года нехватка продовольствия вызвала в нескольких местах беспорядки. Лишь летом этого года, после прихода к власти умеренно-консервативного правительства, под влиянием вступления в войну Соединённых Штатов и перед лицом вырисовывающейся перспективы поражения Германии, было достигнуто соглашение с англичанами. Наконец, после дальнейшей смены правительства на либерально-социалдемократическое (октябрь 1917 года), начало подготавливаться радикальное изменение прежней политики; в конце мая 1916 года в Лондоне было подписано «большое соглашение». Англичане практически сняли блокаду со Швеции, взамен на аренду значительной части тоннажа шведского торгового флота и прекращение экспорта в Германию руды и целлюлозы. На изменение политического курса Швеции повлияла, без сомнения, усиливавшаяся радикализация шведского общества и распространение критического отношения к юнкерско-империалистической Германии. Однако, война приближалась к легко предсказуемому концу, и в этих условиях принять требуемые решения было не так уж трудно.

Послевоенные годы изменили лицо Европы; но основная линия шведской политики осталась прежней. Возникновение Советского Союза подвергло политику нейтралитета особому испытанию. Рабочий класс и прогрессивная буржуазия последовательно противодействовали всевозможным антисоветским союзам. Швеция начала постепенно развивать торговлю с революционным правительством России.

Одним из первых актов советской власти было провозглашение независимости Финляндии. Это вызвало доверие к ленинской политике уважения прав малых народов. Особенно болезненный для Швеции вопрос об Аландских островах был разрешён в 1918 году: острова эти остались за Финляндией, но были демилитаризованы, и шведское население их получило широкую автономию.

В 1924 году Швеция одной из первых капиталистических стран признала Советский Союз. Новым элементом её политики была активная деятельность в новой международной организации — Лиге Наций. Шведское правительство неоднократно выступало с инициативами, направленными на сохранение мира. Оно поддержало идею разрешения международных споров путём арбитража, через Международный Трибунал в Гааге; высказалось за исключение из жизни народов войны как орудия политики, за соглашение о всеобщем разоружении. В период усиливавшейся реакции в Европе, в

конце двадцатых годов, Швеция не дала вовлечь себя в соглашения, затевавшиеся под разными названиями Англией и Францией и имеющие видимой целью гарантировать нейтрализацию Балтики и безопасность северных стран. Шведы руководствовались при этом правильно понятыми собственными интересами: они понимали, учитывая опыт Первой мировой войны, что любая война угрожает их независимости и экономике, опирающейся на экспорт и импорт и зависящей, тем самым, от свободы морских путей и от возможностей партнёров. В своём стремлении к сохранению равновесия сил в Европе шведы зашли так далеко, что вопреки принципу невмешательства в 1935 году приняли участие в санкциях против фашистской Италии; санкции эти, как известно, были приняты Лигой Наций в связи с нападением итальянских фашистов на Абиссинию. Видя, однако, неэффективность санкций и нежелание т. н. западных демократий сопротивляться фашизму, шведы отказались участвовать в решениях Лиги Наций и вернулись к политике строгого нейтралитета. Они также не приняли участия в защите демократической Испании. Резко обострившийся кризис в Европе побудил шведов модернизировать и укрепить свои вооружённые силы, а также заключить соглашение с Финляндией о совместной защите нейтралитета Аландских островов.

Тень приближавшейся европейской катастрофы легла и на северные страны. Несмотря на отвращение к методам и политическим целям Третьей империи, шведы вели себя по отношению и гитлеровской Германии сдержанно, тем более при отсутствии какого-либо сопротивления ей со стороны западных держав. Постепенно, но последовательно они вышли также из системы коллективной безопасности, составлявшей основу существования Лиги Наций. Предчувствуя приближение бури, Швеция замкнулась в своём нейтралитете, как улитка в раковине. Она рассчитывала, что скандинавским странам удастся, как в Первую мировую войну, остаться вне схватки. В мае 1938 года на конференции в Осло аналогичную позицию заняли Дания, Норвегия и Финляндия; они образовали вместе со Швецией “группу Осло”, под девизом: “мы никогда не вмешиваемся в споры великих держав и рассчитываем, что и они нас оставят в покое”. К этой по меньшей мере оппортунистической позиции толкали и промышленные круги, видевшие в Германии растущие возможности сбыта стратегических материалов. Но в то же время Швеция — в отличие от Дании и Норвегии — энергично готовилась к защите страны в случае агрессии. Она не согласилась и на предложенный Гитлером пакт о ненападении, не желая какой-либо формой сою-

за поставить себя в зависимость от фашистского движения, явно готовившегося развязать войну.

В годы Второй мировой войны шведы, не исключая и членов правительства, не надеялись, что им удастся сохранить нейтралитет. Но это удалось им. Наряду с их собственной политикой здесь сыграли свою роль многие другие, чисто внешние причины; впрочем, и сам нейтралитет в этой войне временами приобретал более конъюнктурный характер, чем когда-либо. Правда, это происходило вопреки желаниям и намерениям большей части правительства и общества; но, с другой стороны, уступки часто заходили слишком далеко. Здесь нашла своё полное применение доктрина, сформулированная в минуту откровенности шведским министром иностранных дел военного времени Христианом Гюнтером: «Нейтралитет состоял в таких действиях, которые были полезны для Швеции». Таким образом, правильно было всё, что было необходимо или что казалось таковым. Когда, после нападения гитлеровских войск на Польшу, Англия и Франция объявили Германии войну, Швеция тотчас же провозгласила нейтралитет, а воюющие стороны обещали его уважать. Разумеется, сразу же возник вопрос, как должна протекать торговля Швеции с Германией и её союзниками, чтобы не повторились трудности Первой мировой войны. Надо было опережая события, искать возможность договориться с обеими сторонами. Шведы сумели достигнуть соглашения и с Германией, и с Англией. В декабре 1939 года было установлено, что шведские товары должны доставляться в Англию на шведских судах и оплачиваться товарами и сырьём. Взамен на это англичане соглашались на экспорт шведской руды в Германию, за что Швеция должна была получать уголь и другие необходимые её экономике товары; при этом размеры поставок не должны были превышать уровня 1938 года. Английские власти получили право контролировать шведские грузы. Таким образом шведы, пользуясь зависимостью обеих сторон от их поставок, сумели выторговать себе наилучшие условия.

Положение осложнилось, когда возникла советско-финская «зимняя война». Шведы не скрывали своих симпатий к Финляндии, вытекавших из скандинавской солидарности. Они оказали финнам серьёзную помощь деньгами, военными материалами (включая самолёты) и добровольцами, не говоря уже об одежде, продовольствии и медикаментах. Однако, на непосредственном участии в войне они

не решились; они отказались также пропустить через свою территорию франко-английский экспедиционный корпус, понимая, что это означало бы активное вступление в конфликт с Советским Союзом, а также неизбежно поставило бы территорию Швеции под фактический контроль западных союзников. Дав заверения в этом смысле советскому правительству, шведы пытались одновременно повлиять на финнов, склоняя их принять предложенные им условия. В итоге, война завершилась в марте 1940 года подписанием соглашения в Москве; советское правительство поблагодарило шведов за содействие в переговорах, а шведское общество вздохнуло с облегчением, избежав прямой угрозы перенесения военных действий на территорию своей страны. Идея компромисса ещё раз восторжествовала.

Но мир длился недолго. Не прошло и месяца после окончания советско-финской “зимней войны”, как Гитлер напал на Данию и Норвегию, одновременно потребовав от Швеции воздержаться от всякой помощи этим странам. Это поставило шведов перед чрезвычайно мучительной дилеммой: помочь скандинавским братьям или спасти собственную шкуру? Помощь Дании, захваченной в течение нескольких часов, всё равно запоздала. Но можно ли было предоставить собственной судьбе Норвегию, решившую сопротивляться захватчикам и некогда связанную со Швецией почти столетней унией?

В действительности эта дилемма была скорее морально-теоретической, поскольку от политических деятелей типа Гюнтера нельзя было ожидать вступления в конфликт по идейным мотивам. Положение было трудным. Шведские запасы оружия были исчерпаны помощью Финляндии. Молниеносная оккупация Дании и норвежских портов в значительной мере отрезала Швецию от Англии. Тем самым поставки из Германии стали в экономическом смысле делом жизни и смерти. Поэтому 9 апреля 1940 года, когда произошло немецкое нападение, шведское правительство согласилось на требование Германии, а король Густав V написал Гитлеру личное письмо, заверявшее его в нейтральности Швеции. Шведские власти прервали не только все поставки оружия и бензина в Норвегию, но даже вывоз нестратегических товаров; прессе было запрещено выражать антинемецкие чувства; не разрешили выехать на норвежский фронт многочисленным добровольцам; “нейтралитет” был доведён до того, что норвежских беженцев выгоняли через границу в оккупированную немцами страну. Более того, уже 17 апреля шведы пропустили через свою территорию транспорт медикаментов и товаров для немецких войск в Норвегии, что позволило немцам безопасно обойти блокаду английского флота. В мае, когда германский экспе-

диционный корпус вёл тяжёлые бои с окружившими его новежско-франко-английскими войсками, шведы, после длительных переговоров, поддались нажиму и угрозам немцев, пропустив через свою территорию транзит бензина, одежды и медицинского персонала; в июле же англо-французские десантные части покинули Норвегию, торопясь на главный театр военных действий, где немцы в молниеносном броске заняли Бельгию и Голландию и продвинулись вглубь Франции. В это время транзит через территорию Швеции включал уже в себя также вооружение в объёме, не превосходящем использованного материала, и солдат в числе, необходимом для замены раненых и отпускников. Сверх того, шведские электростанции продолжали доставлять энергию в Норвегию, как и до войны. Таким образом шведы практически дали немцам возможность удержаться в Норвегии; достаточно сказать, что в течение первых шести месяцев действия договора о транзите было перевезено в обоих направлениях 140 тысяч немецких солдат, не считая военных материалов. Шведские железные дороги заработали на этом транзите 22 миллиона долларов... Пресса называла эти транзитные выплаты «кровавыми деньгами». Лишь в 1943 году, когда судьба Германии была предрешена, шведы осмелились расторгнуть это соглашение.

Покорность шведов перед Германией объяснялась, без сомнения, тем фактом, что во второй половине 1940 года гитлеровская военная машина достигла своего наивысшего успеха. Немцы владели Европой до Пиренеев, были в союзе с Италией и Испанией, поддерживали регулярные отношения с Советским Союзом. В этой ситуации противодействовать было бы, без сомнения, рискованно. Но впоследствии, даже много времени после войны, в Швеции продолжались дискуссии, действительно ли это был единственный выход; многие политические деятели придерживались мнения, что немецкое нападение было крайне маловероятно. К числу их принадлежал профессор Герберт Тингстен – выдающийся политик и публицист, до 1960 года бывший главным редактором «Дагенс Нюхетер», самой распространённой столичной газеты.

Следующие годы войны поставили Швецию перед новой трудной ситуацией. Финляндия присоединилась к гитлеровцам в их походе против Советского Союза.

Через три дня после немецкого нападения на Советский Союз шведы пропустили через свою территорию из Норвегии в северную Финляндию немецкую дивизию в полном вооружении. Помимо того, шведское правительство помогало немцам, предоставив в их распоряжение свои железные дороги, прибрежные воды и воздушное

пространство. Всё, чего не удалось добиться западным соперникам зимой 1939–1940 года, немцы годом позже получили с лихвой. Впрочем, шведы действовали в убеждении, что победа Гитлера над Советским Союзом является лишь делом времени.

Титаническая борьба на восточном фронте зимой 1941–1942 года постепенно начала изменять мнение шведов об исходе войны, весной же 1943 года — после поражения гитлеровцев под Сталинградом и перед лицом растущего вмешательства в войну Соединённых Штатов — шведское правительство пришло к выводу, что настало, наконец, время оказать немцам сопротивление. Высказывания печати по поводу Германии приобретали всё более острый характер. В марте, вследствие слухов о близком немецком нападении, была проведена всеобщая мобилизация. В то же время, под нажимом Советского Союза, шведы уменьшили торговлю с гитлеровским рейхом. Во второй половине 1943 года шведское правительство расторгло с немцами соглашение о транзите, значительно уменьшило поставки товаров, признало представителя эмиграционного правительства Норвегии. Всё большие размеры принимала денежная и военная помощь датскому и норвежскому движению сопротивления. Не прекращая поставок сражавшейся на стороне немцев Финляндии, шведы не жалели усилий, чтобы склонить финнов к соглашению с Советским Союзом, обещая даже кредиты для оплаты репараций. Когда, в конце концов, в сентябре 1944 года было заключено советско-финское перемирие, то ясно было, что не последнюю роль в этом сыграло посредничество Швеции, и что не без участия шведов финны сумели добиться от Советского Союза столь благоприятных условий соглашения.

Разумеется, нажим западных союзников в направлении дальнейшего ограничения шведско-германской торговли всё время усиливался. Война близилась к концу, а экономика рейха — к неизбежному хаосу и краху. Судорожно цепляться за торгового партнёра, недавно ещё необходимого для существования Швеции, уже не имело не только политического, но и экономического смысла.

Швеция вышла из войны уцелевшей, и даже политически более сильной, чем прежде. Неоднократно испытав угрозу нашествия, она всё же сумела уберечься от судьбы, постигшей всю Европу. Сыграла ли в этом решающую роль её нейтралитет? В значительной степени это справедливо, поскольку политика невмешательства в конфликты великих держав проводилась в течение ряда десятилетий столь последовательно, что не могла не внушать доверия. Однако, главным девизом были национальные интересы — когда они оказались

под угрозой. Шведы не останавливались перед неприятным оппортунизмом, стремясь любой ценой остаться в стороне от конфликта.

Но и это им не помогло бы, если бы не специфическое геополитическое положение страны. Швеция, лежащая на границе сфер заинтересованности двух крупнейших европейских держав военного времени — Советского Союза и Германии — могла искусно использовать это обстоятельство. Что касается немцев, в первые годы войны заинтересованных в первую очередь в сохранении регулярных отношений с могущественной страной социализма, то они предпочитали уважать нейтралитет Швеции, в особенности имея возможность без войны пользоваться её экономическими ресурсами. После же нападения на СССР война со Швецией обошлась бы слишком дорого не только в военном отношении (шведская армия всегда была сильнее датской и норвежской, вместе взятых), но в экономическом: выгоднее было получать организованные, хотя и оплачиваемые поставки из нейтральной страны, чем завладеть разрушенными заводами и шахтами. Выгоднее было также пользоваться безопасным транзитом по “нейтральным” шведским железным дорогам, чем подвергаться воздушным атакам союзников. Когда же Швеция начала сопротивляться требованиям немецких фашистов, вооружённая интервенция уже была вне их возможностей.

Особое значение для поддержания шведского нейтралитета имела позиция Советского Союза. Не стремясь ни к аннексиям, ни к капиталистической экспансии, Советский Союз по природе вещей был заинтересован лишь в том, чтобы Швеция не превратилась в базу направленной против него агрессии. Швеция всегда давала гарантии этого рода, хотя в её обществе были сильные антисоветские настроения. В конечном счёте, однако, одерживали верх рассудительность и политический здравый смысл, что в свою очередь позволяло могущественному соседу сохранять со шведами добрососедские отношения и защищать их независимость, невзирая на случившиеся, часто, впрочем под действием внешних обстоятельств, “зигзаги” шведской политики.

Таким образом, нейтралитет а геополитическое положение спасли Швецию от второго на протяжении жизни одного поколения мирового пожара. Идея нейтралитета стала чертой национального характера. Укоренилось также представление, что всё служащее этой идее целесообразно и справедливо.

Однако, соседи-скандинавы держались иного мнения. Ещё долго после войны датчане припоминали шведам их небезвыгодные деловые отношения с немецкой армией. В подавленной, истекавшей

кровью Норвегии распространилось граничащее с ненавистью раздражение против “южных братьев”, которые страдали не от террора Квислингов Тербовенов, но... от рационирования кофе и от неудобств отопления дровами... Прогрессивные круги Финляндии не забыли, что в 1941 году союз их собственной реакции с гитлеровским фашизмом в борьбе против Советского Союза нашёл поддержку со стороны шведов.

Шведы отдавали себе отчёт, что для восстановления утраченного доверия потребуются немалые усилия. Для этой цели она предприняла широко задуманную кампанию помощи пострадавшим от войны государствам. Размах этой кампании был поистине внушителен. Её моральным вознаграждением было заявление норвежского премьера, уже в 1945 году признавшего в парламенте, что нейтралитет Швеции оказался благословением для его страны. Действия шведского Красного Креста, организовавшего помощь узникам немецких лагерей (главным образом норвежцам и датчанам, а также голландцам и грекам), включая обеспечение им отдыха в Швеции, принесли шведам благодарность и симпатию всего цивилизованного мира. В конце 1944 года, т. е. менее чем за полгода до окончания войны, в Швеции находилось 300 тысяч бывших заключённых и бежавших из немецких лагерей, в том числе 80 тысяч детей, и сверх того 100 тысяч финских детей, нашедших приют в шведских семьях. Многие тысячи датских евреев была переправлены в Швецию и благодаря этому пережили войну. Мы в Польше тоже помним построенный шведами под Варшавой санаторий для больных и детей, а узники Освенцима и Равенсбрюка вспоминают заботу и сердечность, с которой их приняли на шведской земле.

После войны произошёл случай, представляющий в характерном свете политическое умонстроение среднего шведа. После реорганизации правительства пост министра иностранных дел занял Эстен Унден¹, ранее бывший делегатом Швеции в Лиге Наций, прямолинейный и решительный представитель “старой гвардии” социал-демократов. Он сменил Христиана Гюнтера, который – как уже упоминалось – по меньшей мере своеобразно интерпретировал шведский нейтралитет, никогда не сознаваясь в его нарушении. Гюнтер был назначен шведским послом в Копенгагене. Но датчане не забыли бывшему министру его сотрудничества с немцами. Общество возмутилось, печать наполнилась обличениями. Настроение было

¹Эстен Унден, политический деятель и учёный (профессор международного права, ректор университета) занимал эту должность бессменно до 1962 года, когда ушёл в отставку по возрасту.

таково, что Гюнтер счёл за благо отказаться от новой должности. Всем этим шведы были крайне поражены; в некоторых кругах негодование было столь сильным, что в знак уважения к бывшему министру устроили денежный сбор в его пользу. Получалась сумма в 54 тысячи долларов (Нобелевская премия составляет около 40 тысяч!), и Гюнтер её принял. Деньги эти были свидетельством уважения к человеку, хорошо послужившему своей стране в самые тяжёлые дни войны. И когда через пятнадцать лет в беседах с представителями младшего и среднего поколения касаются вопроса об уступках Германии, то обычно слышат в ответ: «Ну что ж, в течение всей войны средний человек в Швеции не видел немецкого мундира. Транспорты? Поставки руды и других материалов? Мы давали только то, что немцы всё равно взяли бы у нас, но с большим для нас вредом?».

Сразу же после войны внешняя политика отошла на второй план. Надо было реконструировать экономику, и прежде всего ликвидировать бюджетный дефицит и укрепить валюту. Следует напомнить, что ещё в 1947 году шведский экспорт в количественном отношении составлял едва 67% экспорта 1937 года и превысил его лишь в 1950 году. В 1948 году Швеция присоединилась к плану Маршалла, который заключался в предоставлении американских займов и поставок шестнадцати странам Европы; разумеется, эта помощь была связана с экономической зависимостью от Соединённых Штатов и распатывала отношения с социалистическими странами, подготавливая почву для присоединения к группировке капиталистических стран в так называемой холодной войне. Но здесь Швеция остановилась. Это был период, когда американцы лихорадочно сооружали пресловутый пакт НАТО. На рубеже 1947–1948 годов нажим на Скандинавию усилился — речь шла о вовлечении в антисоветскую коалицию также и северной Европы. Шведы быстро сориентировались в ситуации и в мае 1948 года предложили датчанам и норвежцам заключить оборонительный пакт нейтралов на основе неприсоединения ни к какой из великих держав. Этому воспротивились американцы, которым удалось не только мобилизовать сторонников холодной войны в Дании и Норвегии, но и привлечь на свою сторону высшее командование шведской армии. Однако, шведское правительство согласилось лишь, что в рамках будущего скандинавского союза станет закупать часть вооружения у Соединённых Штатов, — на большую зависимость от НАТО шведы не пошли. В конце концов, главным образом вследствие прозападной позиции,

норвежцев, союз нейтралов не состоялся. Дания и Норвегия вошли в НАТО, Швеция же осталась нейтральной, а в 1951 году отказалась от дальнейшей помощи по плану Маршалла. С этого времени политика скандинавских стран пошла другими путями; экономические, социальные и культурные связи между ними поддерживались через Северный Совет. Этот Совет, состоявший из внешних представителей парламентов и правительств, был создан в 1952 году и имеет на своём счету огромные достижения. Достаточно отметить свободное перемещение населения по всей территории Скандинавии, право каждого гражданина на работу в любой скандинавской стране, однотипное социальное законодательство, общие культурные мероприятия и т. п.

Политика неприсоединения стала основой деятельности шведов в Организации Объединённых Наций. В ряде вопросов их позиция приближалась к намерениям западных держав, но всё же шведы никогда не были послушным орудием капиталистических стран. В виде примеров можно отметить, что уже в 1950 году Швеция признала народный Китай и по сей день добивается предоставления ему надлежащего места в ООН; что она не приняла участия в корейской войне, проведённой Соединёнными Штатами под эгидой ООН, но по окончании войны сотрудничала в комиссии по соблюдению перемирия; что она воспротивилась созданию т. н. европейской армии, которую предполагалось нацелить на социалистический лагерь; что она во всё более резких выражениях осуждает американскую агрессию во Вьетнаме. В то же время шведское правительство поддерживало развитие нормальных торговых отношений с Советским Союзом и со странами народной демократии, в том числе с ГДР, хотя с этой страной Швеция и не поддерживает дипломатических отношений. Шведские выступления в ООН за последнее десятилетие по большей части имели целью облегчение компромисса между великими державами и смягчение международной напряжённости.

Следует отметить три проблемы, в течение ряда лет привлекающие внимание общественности Швеции и определяющие направление её нейтралитета.

Первая из них — принятие решения, должна ли шведская армия получить ядерное оружие. Шведская промышленность была в состоянии произвести это оружие уже в конце пятидесятых годов. Ядерного оружия требовали как военные круги, так и правые группировки, считая, что эвентуальный конфликт может угрожать лишь со стороны Советского Союза и что армия без ядерного оружия не может достаточно устроить “потенциального агрессора”. Начав-

шись во второй половине пятидесятых годов, дискуссия на эту тему не сходит со страниц печати, возобновляясь по разным поводам.

Шведское правительство сумело, однако, противостоять сторонникам ядерного оружия. Правящая социал-демократическая партия понимала, что в случае конфликта Швеция сразу же стала бы мишенью ядерной атаки со стороны державы, считающей её потенциальным противником. Сверх того, пример Швеции не мог бы не повлиять на другие малые страны. Между тем, в течение всего послевоенного периода Швеция поддерживала всевозможные инициативы, направленные на разоружение или на ограничение вооружений. Шведы полагали, что провозглашённый ООН план Рапацкого, предусматривающий создание безатомной зоны в центральной Европе, заслуживает тщательного обсуждения. С именем шведского министра иностранных дел связан т. н. план Ундена, предложенный в 1961 году и предусматривающий, что возможно большее число стран обяжется не производить ядерного оружия, не покупать его у держав-представителей и не размещать его на своей территории.

Идея безатомных зон в Швеции популярна; по этому вопросу уже неоднократно проводились консультации с нашим правительством. Выражением этого были визит в Швецию летом 1966 года польского министра иностранных дел Адама Рапацкого и пребывание в Польше премьера Швеции в ноябре 1967 года.

Чтобы защититься от обвинения в пренебрежении обороноспособностью страны, социалистическая партия прибегла к компромиссу. В 1958 году была создана специальная комиссия для изучения, с одной стороны, возможностей производства ядерного оружия, с другой же стороны — военной и политической целесообразности обладания им. Решение должно было быть принято в 1963–1965 годах, но этот срок не был соблюден. Швеция по-прежнему стремится к тому, чтобы атомные державы согласились прекратить всевозможные испытания (в том числе и подземные) и обязались не передавать этого оружия своим союзникам.

Вторая проблема имела экономический характер, но была тесно связана с проблемой нейтралитета. Как известно, в 1958 году шесть европейских стран начали осуществлять соглашение о Европейском Экономическом Сообществе, в обиходе называемом Общим рынком. Целью Сообщества было образование таможенного союза посредством постепенного снижения пошлин в оборотах между членами Сообщества при одновременном повышении внешних пошлин, т. е. таможенного обложения оборотов со странами — не членами Сообщества. На дальнейших этапах предусматривалась отме-

на ограничений на передвижение людей и капиталов, унификация социального законодательства, согласование, что и в каких количествах должны производить члены Сообщества, по каким ценам продавать, и даже с кем и какими товарами вести торговлю. Столь далеко идущее вмешательство в хозяйственные дела возможно было лишь при почти однотипном составе членов. И в самом деле, страны, образовавшие Общий Рынок, все принадлежали НАТО и были более или менее связаны с Соединёнными Штатами. Вступление Швеции в Общий Рынок, безусловно выгодное для неё в экономическом отношении, означало бы не только конец её нейтралитета, но и политической самостоятельности, поскольку устав Сообщества предусматривал, что в будущем важнейшие дела будут решаться большинством голосов и, тем самым, правительства стран Общего Рынка, даже не соглашаясь с принятым решением, должны будут ему подчиняться. С другой же стороны, торговля со странами Общего Рынка, и прежде всего с ФРГ, была для шведов жизненной необходимостью. В 1959 году обороты с ФРГ (экспорт и импорт) составили 600 миллионов долларов, т. е. почти 13,5% всей внешней торговли Швеции.

Но шведы не поддались, вопреки натиску правых, рисовавших перед обществом мрачный образ Швеции, изолированной от главных рынков и обречённой на застой. Пользуясь тем, что в Общий Рынок не вошла Англия, они подхватили инициативу “Европейского Объединения Торговли” (английское сокращение — ЮФТА). Это Объединение, созданное в 1960 году, состоит, кроме Англии, из скандинавских стран, Австрии, Швейцарии и Португалии. Оно ставит себе целью лишь расширение взаимных торговых оборотов путём постепенного снижения пошлин — однако, без повышения пошлин для других стран и без каких-либо иных решений, ограничивавших самостоятельность членов Объединения. Возникшая таким образом “семёрка” служит противовесом “шестёрке” и является экономически организмом, способным стать её партнёром в возможных будущих переговорах, хотя и уступает ей в силе и размерах.

Как показало время, шведы поступили правильно. Они справедливо расценили Общий Рынок, изолировавшийся от не входящих в него стран, как организацию с выраженным политическим характером, преследовавшую цель создать в Европе противовес Советскому Союзу. Ясно, что по мере смягчения “холодной войны” и уменьшения чувства угрозы солидарность стран “шестёрки” неизбежно должна была ослабевать; впрочем, на самое возникновение “шестёрки” существенно повлияли Соединённые Штаты, стремив-

шиеся создать этим обширный рынок для своих капиталов и мощный антисоветский бастион. Со временем обнаружилось, что подобным образом подходила к вопросу не одна только нейтральная Швеция. Как известно, Франция не только вышла в 1966 году из военной организации НАТО, но и решительно противится всем попыткам органов Сообщества ограничить независимость его членов, укрепляя в то же время политические и экономические отношения с социалистическими странами. С другой стороны, взаимные обороты между странами “семёрки” значительно возросли, так что Швеция не слишком ощутила повышение пошлин со стороны ФРГ. Впрочем, ФРГ была настолько заинтересована в экспорте собственных товаров в Швецию, что в свою очередь шла по мере надобности на различные льготы для шведского экспорта. Один шведский промышленник объяснил ситуацию следующим образом: “Мы — слишком важный хозяйственный партнёр, чтобы можно было с нами не считаться. Мы этим пользуемся для сохранения независимой позиции, в убеждении, что это полезно не только для нас, но и для той части Европы, где лежит наша страна”. Конечно, трудно предсказать, как пойдут дела в будущем. Но представляется очевидным, что Швеция войдёт в Общий Рынок лишь в том случае, если эта организация приобретёт более универсальный характер, отказавшись от политического подчинения своих членов.

Третья проблема — это помощь развивающимся странам. В Швеции всё шире пробивает себе дорогу взгляд, согласно которому экономическое развитие этих стран не сводится к аспекту социальной справедливости; эти страны — будущие партнёры промышленных стран в международном обмене товаров и услуг. Без их участия невозможно дальнейшее развитие мировой экономики, потому что не может постоянно сохраняться положение вещей, при котором “богатые становятся всё богаче, а бедные всё беднее”. При оказании помощи важно, однако, чтобы она не превратилась в орудие эксплуатации и неокOLONиализма. Поэтому шведы поддерживают экономическую помощь через международные организации: техническую помощь ООН, организацию по вопросам сельского хозяйства и т. п. Ассигнования на такую помощь постоянно возрастают, а Коммунистическая партия Швеции и профсоюзы требуют отвести для этой цели 1% национального дохода

Несмотря на связи с Западом, Швеция благодаря своей политике нейтралитета в значительной мере препятствовала обострению международных противоречий. Шведские политические деятели полагают, что такая позиция их страны служит не только швед-

скому обществу, но и всем государствам, искренне стремящимся к миру. Шведский нейтралитет часто изображают как своеобразную идеологию. “Такие малые страны, как наша, — связал в своё время министр Унден, — редко способны влиять на течение событий. Эти страны ничем не могут помочь другом в случае войны. Мы считали, что Швеция лучше послужит делу мира, исключив свою территорию из каких-либо военных обязательств, чем вступив даже в оборонительный союз с одним или несколькими могущественными защитниками... Мы не верим, что лучший путь к миру — это сплочение народов по обе стороны баррикады. В нынешнем мире есть место и для нейтральных стран”.

Эти слова, сохраняющие и до сих пор своё значение для шведской политики, напоминают мнение, некогда высказанное одним из моих случайных собеседников: “Мы, шведы, всегда чувствуем, что любой союз — это не только связь с кем-то, но ... и против кого-то. Мы не хотим быть против, и потому остаёмся нейтральными. Этим мы помогаем не только себе, но и другим”.

От колыбели до гроба

Однажды в кругу студентов шла речь о повседневной жизни шведов. Мои собеседники остроумно насмеялись над пороками своих соотечественников, особенно над их скупостью.

— Швед, — сказал один из них, — это нечто вроде хорошо отрегулированной машины, в которой смазкой являются деньги. Важно, конечно, чтобы смазки уходило не слишком много. Поэтому наша печать ежедневно помещает рекомендуемое меню обеда — прежде всего с целью неперевышения семейного бюджета. Потребление мяса на голову населения у нас значительно ниже, чем в гораздо более бедной Финляндия, а в магазинах продаются “нормализованные” котлеты — обжорство не только вредит здоровью, но и дорого стоит. Поэтому люди не встречаются в городе и редко выходят из дому. Ведь приходится экономить... Я не сумел скрыть удивление.

— Вы, наверное, не можете этого понять, — добавил другой молодой человек, — но ведь это очень просто: средний швед, стремящийся к достатку, должен как можно скорее накопить несколько тысяч на машину. Когда он ею обзаводится, ему надо приобрести более удобную квартиру или построить себе домик. Наконец, разве не приятно иметь хотя бы скромный загородный участок с дачей, а ведь ещё надо выплачивать заём за квартиру или дом. К тому же, дача обычно бывает у воды; как же тут не подтянуть потуже пояс, чтобы купить себе моторную лодку для уикендовых и праздничных прогулок? Всё это длится годами.

— Но ведь по мере повышения благосостояния, — ответил я, — цели эти, вероятно, достигаются скорее, чем лет десять назад.

— Конечно! — воскликнули студенты. — Но Вы забываете, что после завершения цикла машину надо сменить... И потом, не верьте цифрам заработков, печатаемым в статистических отчётах, — почти наполовину их забирает государство. Отдаёте ли вы себе отчёт в уровне налогов? Нашу страну называют государством общественной опеки, во ведь это не даётся даром!

И в самом деле, государство общественной опеки — это не пустая фраза. На эту опеку предназначаются наибольшие суммы в государственном бюджете. Популярное в Швеции представление, что государство опекает гражданина от колыбели до гроба, становится всё ближе в действительности, а развитая система медицинского обслу-

живания и социального обеспечения является предметом законной гордости граждан.

Опека над больными и увечными имеет в Швеции традицию, уходящую корнями в средневековье. Уже тогда из заработков тружеников удерживались небольшие суммы, хранившиеся в деревянных шкатулках для расходов местных властей. Множество таких шкатулок, с широкой прорезью для монет, и по сей день сохранилось в шведских семьях. Позже опеку приняли на себя католические приходы и монастыри. В середине XVII-го века возникли первые госпитали; в это же время во всех провинциях были учреждены должности врачей, в обязанности которых входила медицинская помощь бедным и наблюдение за общей гигиеной. Это соединение врачебных и санитарных функций сохранилось до нашего времени. Каждый гражданин может обратиться к районному врачу либо бесплатно (если он пользуется системой социального обеспечения), либо за официально установленную плату, 3/4 которой возвращает ему по предъявлении счёта касса страхования от болезней. Разрешается также свободный выбор врача или больницы. Если консультация врача получается в рамках частной практики, то возвращению подлежат лишь 3/4 официального тарифа, остальное же оплачивает пациент. Больничное лечение бесплатно, но больной может находиться в больнице не больше двух лет. Если он после этого не излечивается, то может получить пенсию по инвалидности. Пенсионер, в свою очередь, может находиться в больнице лишь до трёх месяцев, а затем его помещают в дом престарелых с бесплатной медицинской помощью. Эти правила обеспечивают пропускную способность больниц. Бесплатны также основные лекарства (преимущественно те, которые необходимы для спасения жизни), остальные частично подлежат оплате. Всевозможные амбулаторные процедуры и исследования также оплачиваются в пределах 25% их стоимости. Со страхованием от болезней связано право на пособие по нетрудоспособности, которое полагается только работающим. Величина пособия колеблется в зависимости от заработка и составляет в среднем половину заработной платы. После трёх месяцев болезни величина пособия снижается. Несчастные случаи на производстве рассматриваются как болезнь. Пострадавший в течение трёх месяцев получает пособие по нетрудоспособности, а после этого — если несчастный случай вызвал длительные последствия — может получить пенсию по инвалидности. Зубоврачебная помощь охватывается социальным обеспечением пока в небольшой, но возрастающей степени; особенно заботятся о детях и школьниках.

Следует заметить, что описанная выше система введена лишь в 1955 году. До этого существовало добровольное социальное страхование, в котором участвовало 65–70% населения, причем часть расходов по больничному лечению покрывалась самим пациентом. Пособия по нетрудоспособности были в то время минимальными. Возникает вопрос, почему Швеция, уже в междувоенный период бывшая богатой страной, не могла позволить себе такую реформу раньше; ведь, например, в Польше трудящиеся уже в конце двадцатых годов были охвачены всеобщим страхованием, в некоторых областях заходившим дальше — например, бесплатной медицинской помощью для работающих и полным вознаграждением в течение трёх месяцев болезни для работников умственного труда. Здесь, пожалуй, сыграла свою роль характерная для шведов склонность к общественным компромиссам; приходилось считаться с сопротивлением буржуазии, на которую падало основное бремя этих реформ, и действительно, социал-демократические правительства с этими интересами считались. Но и рабочий класс за последние десятилетия, вследствие постоянного и значительного улучшения условий жизни, стал более склонным к уступкам и компромиссам, чем если бы условия были хуже, а классовые конфликты острее. Таким образом, социальное обеспечение формировалось постепенно, по мере роста промышленности и обогащения господствующих классов, которым пришлось взять на себя соответствующие финансовые тяготы.

Служба здравоохранения организована в Швеции иначе, чем у нас, поскольку лечение здесь происходит главным образом в больницах. Больничные врачи и вспомогательный персонал заняты на службе полный рабочий день, что не мешает большинству из них, за исключением молодых врачей, заниматься также и частной практикой, приносящей наибольший доход. Часть врачей ограничивается одной лишь частной практикой — в тех специальностях, где это возможно. Существуют также частные больницы и лечебные учреждения, предназначенные исключительно для пациентов, не пользующихся общественной службой здравоохранения.

Государство затрачивает огромные суммы на постройку больниц, стремясь оборудовать их по последнему слову техники; результаты весьма внушительны. Южный Госпиталь в Стокгольме, названный по своему расположению в южной, беднейшей части города, может служить в этом смысле образцом, и не только для Швеции. Строительство его продолжалось семнадцать лет и обошлось в 37 миллионов крон. Это огромное восьмизэтажное здание длиной свыше 400 метров, возведённое на высокой скале, господствующей

над городом. Комнаты в нём просторны, светлы и приятны. Входы расположены на двух уровнях, причём каждое отделение имеет свой собственный лифт; два этажа, высеченные в гранитной скале, находятся ниже уровня города и могут в случае надобности служить убежищем для двух тысяч человек. Там помещаются семьдесят коек, два операционных зала и рентгеновская лаборатория. Эта часть больницы соединена тоннелем с железнодорожной веткой, так что раненые могут доставляться в операционный зал прямо из поезда. Госпиталь имеет собственную систему водоснабжения, которая может быть приведена в действие в случае повреждения городской, и собственную электростанцию. В нём тысяча двести коек, плюс триста добавочных в крыле для выздоравливающих. За год госпиталь обслуживает 30 тысяч лежачих больных и 380 тысяч амбулаторных.

И всё же, госпиталь хронически переполнен, и больные нередко должны месяцами ждать очереди. Врачей недостаёт — иногда приходится ждать визита по две недели. Должны пройти годы, прежде чем положение существенно улучшится. Далее, ограничение срока лечения в больнице двумя годами часто приводит к ситуации, когда пациент лишён врачебного ухода, хотя его состояние здоровья неудовлетворительно. Однако, система всеобщего медицинского обслуживания существует лишь десять лет, и терпеливые шведы полагают, что расширение медицинских учреждений и усовершенствование имеющихся — только дело времени.

Медицинское обслуживание — это всего лишь часть общей системы социального обеспечения, охватывающей в принципе всё общество. Помощь начинается ещё до рождения ребёнка, когда его будущая мать начинает ею пользоваться, и длится до смерти, когда государство в случае надобности участвует в похоронных расходах. Всё шведское общество охвачено опекой, касающейся важнейших вопросов жизни. Конечно, это не означает имущественного равенства граждан: разница между материальным положением богатой элиты и людей труда резко бросается в глаза, хотя эта элита и составляет здесь меньшую часть общества, чем в других капиталистических странах.

В организации социального обеспечения поражает его гибкость, способность учитывать меняющиеся условия и даже растущий уровень благосостояния. Когда так называемый общественный опекун отправился в один из стоковых универсальных магазинов, чтобы купить плащи для двух пожилых женщин, его подопечных, он позаботился о том, чтобы плащи не были одинаковыми. Это могло бы плохо сказаться на самочувствии пациенток: они не должны

были знать, что после долговременного больничного лечения получили “обмундирование” за счёт социального обеспечения...

Финансовое хозяйство общин опирается на обложение предпринимателей и населения, прибегая к государственным субсидиям лишь в случае непосильных расходов. Такой порядок не всегда оказывается наилучшим, поскольку небольшие промышленные городки энергично противятся включению в большие общины (как это, например, происходило в некоторых посёлках под Стокгольмом, ставших в ходе развития столицы её предместьями). Но в то же время эта система развивает активность и инициативу на местах. В принципе комитет социального обеспечения организует помощь лицам, которые не могут содержать себя либо по возрасту, либо вследствие уменьшения физических или духовных сил и в то же время не имеют ни имущества, ни иных средств к существованию, как, например, пособие по болезни или пенсия. Однако, община должна оказывать помощь и в других случаях. Эти другие случаи бывают столь же разнообразны, как сама жизнь.

Мне довелось несколько раз посетить семью, вынужденную по не зависевшим от неё обстоятельствам пользоваться общественной опекой. Студент Высшей Торговой Школы в Стокгольме Стиг Б. пригласил меня к себе в гости, познакомил со своей матерью и рассказал историю своей жизни.

В 1954 году муж Инги Б., тридцатисемилетний строительный рабочий, бросил её и уехал на юг Швеции. В течение нескольких месяцев он нерегулярно высылал ей небольшие суммы, лишь отчасти покрывавшие расходы по содержанию семьи; затем он выехал за границу, и слух о нём пропал.

Инга Б. осталась с тремя детьми. У неё не было никакой профессии; она пыталась заработать на жизнь мелкими услугами. Однако, когда муж окончательно исчез, а младшая дочь, болезненная и анемичная, требовала особого ухода, стало ясно, что существование семьи Б. должно будет зависеть от общественной помощи.

Когда я впервые посетил семью Б. на рождество 1959 года, в рабочем районе Сольна в южной части Стокгольма, положение её было почти таким же, как в 1955 году, когда ею занялась общественная опека. Маленькая двухкомнатная квартира с кухонной нишей, чистая и опрятная, была скупо обставлена простой мебелью.

Квартирная плата составляла 90 крон в месяц (что соответствует 420 злотым, по несколько заниженному туристскому курсу); однако, Инга Б. не платила за квартиру ничего: ведь она была без работы, не имела доходов и должна была содержать троих детей.

Сверх того, дети пользовались бесплатным обучением и бесплатными учебными пособиями в начальной школе, а также бесплатным лечением, — впрочем, как и все дети, независимо от материального положения родителей. Летом они выезжали в бесплатные летние лагеря, с проездом за государственный счёт. Инга Б. также получала бесплатное направление на летний отдых, с оплатой проезда. Вся семья пользовалась бесплатной медицинской помощью. В случае болезни Инги Б. о детях и доме заботилась квалифицированная помощница, направляемая пунктом домашней помощи. В Швеции имеется свыше тысячи таких пунктов, где работает около 3 400 специально подготовленных сотрудниц на полной ставке и около 300 на половине ставки. Задача их состоит в помощи родителям, когда хозяйка дома больна (что относится и к родам), находится в отпуске, имеет ребёнка, требующего особого ухода и т. д.

Инга Б. получала также от государства и общины около 300 крон в месяц, что при очень бережливом ведении хозяйства было достаточно для скромного содержания семьи.

Стиг Б. продолжал учиться в средней школе, используя зимние и летние каникулы для временных заработков. В дни рождества он работал на почте временным почтальоном, в летние каникулы занимался мойкой автомобилей в гараже. Таким образом ему удалось получить аттестат зрелости, а затем поступить в Высшую Торговую Школу. Поскольку он хорошо сдал экзамен на аттестат зрелости, а проживал в плохих условиях на периферии города, он получил комнату в студенческом общежитии. Когда я встретил его в 1960 году, он получал, как и многие другие студенты, заёмную стипендию в размере двух тысяч крон в год, которую должен будет выплатить по окончании обучения в течение двадцати лет. В связи с этим пособие матери было несколько снижено; общее положение семьи, однако, несколько улучшилось.

Когда я в последний раз виделся со Стигом Б. летом 1962 года и спросил его о семье, молодой человек нахмурился. Состояние здоровья и самочувствие матери, хотя ещё и не старой, заметно ухудшилось — бывали периоды полной апатии и слабости, головные боли; всё это происходило не столько от определённого недомогания, сколько от многолетнего напряжения и отсутствия личных стимулов к жизни. Стиг был явно раздражён и не проявлял никакого энтузиазма к системе, уберёгшей его и его близких от нужды и позволившей ему “выйти в люди”.

В ряде других случаев, в разговорах с людьми разного общественного положения я также сталкивался с поразительно резкой

критикой системы общественной опеки. Упрёки преуспевающих людей были, как правило, одного типа: опека слишком дорого обходится, ложится тяжким бременем на плечи всего общества, в том числе и трудящихся, приводит к чрезмерной прогрессии налогообложения с ростом дохода, что подрывает усилия и инициативу более способных, наконец, отупляет самих подопечных, легко привыкающих к государственной кормушке. Более примечательной была критика со стороны социал-демократических и коммунистических деятелей. Они ссылались на недовольство рабочих тем фактом, что средняя семья, в которой работает лишь один человек, живёт на уровне несколько не высшем, чем неработающая Инга Б. с её детьми; что никто не заботится о том, как найти для людей, пользующихся опекой и не способных к нормальному труду, возможность какого-нибудь занятия и заработка, чтобы они не жили на отшибе общества и не считались паразитами. Следует прибавить, что в течение последнего десятилетия, при почти непрерывной высокой конъюнктуре, повысились также и наиболее скромные заработки рабочих, и теперь они значительно превышают то, что может дать общественная опека. Однако, социологическая и психологическая проблема, без сомнения, существует: «скучный рай», как шведы называют свою страну, весьма даёт себя чувствовать.

Особой отраслью описываемой системы является опека над детьми и молодёжью. Точно так же, как дела материальной помощи, эти вопросы решает комитет, существующий в каждой общине; он набирается общинным советом на четыре года и состоит не менее чем из пяти человек. По мере необходимости комитет прибегает к сотрудничеству специалистов: юриста, учителя, врача. Комитет обязан использовать все средства, чтобы обеспечить детям и молодёжи наилучшие условия жизни и развития, если этого не могут сделать родители или опекуны. При этом он имеет весьма широкую свободу действий, ограниченную лишь общими законами, гарантирующими права личности. Например, решение о задержании малолетнего с целью проведения необходимых исследований должно быть утверждено советом провинции (орган самоуправления), в случае возражений родителей малолетнего или его самого (если он старше пятнадцати лет). Комитеты пользуются этой свободой всесторонне, охватывая своей деятельностью детей и молодёжь от новорождённых до двадцати одного года.

Однажды в гостях я познакомился с Эрикой Э., девушкой двадцати с лишним лет. В то время я ещё не особенно хорошо говорил по-шведски и обратил внимание на то, что Эрика свободно говорила

по-английски. Она рассказала мне, что провела год в Англии, куда её отправили родители для изучения языка; благодаря этому она может теперь работать в иностранном отделе большой книготорговой фирмы. Живёт она с родителями, отпуска же проводит преимущественно за границей и думает о смене работы — ей хотелось бы, пока она не замужем, воспользоваться возможностью бесплатно путешествовать, которую предоставляет должность проводника в крупных туристических учреждениях.

Через несколько месяцев я вновь побывал в семье, где познакомился с Эрикой Э.: разговор коснулся нравственных и семейных вопросов. Мои знакомые находились под впечатлением учащающихся проявлений хулиганства и разнузданности молодёжи. Они полагали, что эти явления неизбежны в начальном периоде быстро растущего благосостояния и что противодействовать им должны в первую очередь школа и старшее поколение общества. И если даже молодой человек совершает ошибку, то нельзя допустить, чтобы он всю жизнь должен был искупать её: здесь должно вмешаться государство, протянув ему руку помощи, поскольку жизненную ошибку, не вытекающую из низменных побуждений, следует рассматривать как болезнь или несчастный случай. Когда я попросил привести конкретный пример, то с изумлением узнал, что Эрика Э. три года назад впуталась в роман с женатым мужчиной, отцом двух детей, и родила девочку. Перед нею возник выбор: воспитывать ребёнка без отца, что при всей хвалёной терпимости общества не оградило бы её от житейских трудностей и унижений, или же обратиться к помощи комитета опеки. Она избрала второй путь. Ребёнок был помещён в детский дом, а затем усыновлён бездетной семьёй. Постепенно жизнь её сложилась так, как будто злополучного приключения и вовсе не было.

Конечно, было бы лучше, если бы нежелательные дети вовсе не являлись на свет. Этому содействует лёгкость получения врачебной консультации, доступность противозачаточных средств, сексуальное просвещение молодёжи. Если при всём этом случается нежелательная беременность, то имеется возможность законным образом прервать её, если есть для этого медицинские или социальные причины. Особый комитет при центральном управлении здравоохранения рассматривает каждый такой случай, принимая во внимание не только состояние здоровья обратившейся за разрешением женщины, но также материальные условия и обстоятельства возникновения беременности. Аборт разрешается в тех случаях, когда женщина больна физически или психически, так что роды могут

представать опасность для её жизни, или когда ребёнок может унаследовать болезнь матери; в последние годы особенно часто разрешают аборт из опасения, что ребёнок родится с физическим недостатком (под влиянием известных последствий употребления транквилизаторов). Конечно, допускается аборт, если беременность связана с моральным давлением со стороны учителя, опекуна, врача и т. п., или если она является следствием преступления. Разрешение получает каждая женщина моложе восемнадцати лет, если виновник беременности злоупотребил своим положением начальника, и, наконец, каждая женщина моложе пятнадцати лет — при любых обстоятельствах. Таким образом, шведские законы о прерывании беременности принадлежат к самым либеральным в мире. Политика подобного рода в государстве с чрезвычайно низким приростом населения может показаться нелогичной. Но, согласно общепринятому в Швеции взгляду, либеральное законодательство о прерывании беременности не способствует легкомысленному подходу к абортам, а всего лишь уменьшает число нелегальных операций, вероятно, и без того превышающее число законных абортов не менее чем вдвое. Здесь сказывается также типичное для Швеции неверие в действенность административных запретов. Фактически число женщин, обращающихся за разрешением на аборт, из года в год уменьшается. В 1951 году в стране было произведено 6 328 таких операций, а в 1960 — лишь 2 410. В то же время не возрастает число нелегальных операций.

Особое внимание комитеты посвящают внебрачным детям. Таких детей относительно много — каждый десятый ребёнок рождается вне брака. Надо, однако, иметь в виду, что значительная часть этих детей получает впоследствии семейный статус в результате брака родителей. Шведское законодательство требует, чтобы отцовство по мере возможности устанавливалось, хотя мать и не обязана указать отца, доводы о материальной ответственности за содержание ребёнка обычно производят своё действие. Отцовство устанавливается в девяноста случаях из ста. Для каждого внебрачного ребёнка назначается опекун, первой обязанностью которого является помощь матери в официальном установлении отцовства; это происходит обычно путём признания отца, в спорных же случаях вопрос решается судом.

Дальнейший шаг — получение обязательства о выплате алиментов; это достигается либо соглашением (всегда с помощью опекуна), либо постановлением суда, причём алименты составляют в среднем 10% заработков отца, обязанного выплачивать их до достижения

ребёнком шестнадцати лет, а иногда и дольше. Если отец не работает или уклоняется от постоянного труда, он может быть направлен на работу принудительно, и алименты взимаются с заработка. Бегство на территории Скандинавии невозможно, поскольку Швеция заключила соглашения о взыскании алиментов с Данией, Норвегией и Финляндией, а в последние годы — также с рядом других стран. Внебрачные дети пользуются равными правам с брачными.

Специальную проблему составляют в шведском обществе так называемые “трудные дети”. Как только у ребёнка обнаруживается недоразвитость, чрезмерная возбудимость, затруднения в учёбе, комитеты вправе приступить к профилактическим мерам, иногда даже без согласия родителей. Вначале ребёнка помещают в психиатрическую клинику или в специальное учреждение — с целью наблюдения. Дети, которым обучение даётся трудно, учатся в специальных классах, но по окончании школы получают обычные аттестаты, без упоминания о том, что программа была облегчена и специально приспособлена к их возможностям. Такие классы посещала известная шведская киноактриса Анита Экберг. Если трудные дети остаются в родительском доме, родителями помогает в их воспитании общественный опекун или получивший специальную подготовку социальный работник. Помощь состоит в консультировании родителей, в изучении среды ребёнка и устранении вредных влияний, в воздействии на самого подопечного, особенно после восемнадцати лет (опеке подлежит молодёжь до двадцати одного года).

В 1954 году 15,4% населения Швеции было старше шестидесяти лет, а 9% — старше шестидесяти семи. В 1963 году соответствующие цифры составляли 17% и 10,3%. С каждым годом растёт число лиц, требующих материальной помощи или специальной опеки. Это естественный результат развития медицины и стабилизации на высоком жизненном уровне. Продолжительность жизни в Швеции принадлежит к наивысшим в мире — семьдесят пять лет для мужчин и семьдесят семь для женщин, что приближается к принятой при современном состоянии медицины биологической границе. Поэтому забота о престарелых — одна из важнейших экономических и социальных проблем.

По древнему обычаю, стариков, не способных работать и ставших бременем для семьи, сбрасывали в озеро с отвесной скалы или убивали деревянным молотком. Такая казнь считалась не убийством, а религиозным обрядом, и в ней принимали участие все члены

семьи. Как утверждает известный социолог и общественный деятель Ивар Ло Йоханссон, последняя казнь этого рода была в начале XIX века.

В настоящее время основой обеспечения престарелых является пенсионная система, введённая в 1946 году. Каждый человек, которому исполнилось шестьдесят семь лет, получает пенсию по старости, независимо от состояния здоровья и материального положения, а также независимо от того, чем он занимается или занимался в прошлом. У лиц, обладающих состоянием или иными доходами, пенсия облагается налогами вместе с ними, что при значительной налоговой прогрессии весьма уменьшает её размеры и в некоторой степени смягчает несправедливое уравнивание людей с различным материальным положением. В случае надобности, к пенсии прибавляется пособие на жилище, отопление и другие основные потребности; пенсия автоматически повышается с возрастанием индекса стоимости жизни. Одинокий пенсионер получает 25–30% среднего дохода рабочего, супруги-пенсионеры (если оба они достигли шестидесяти семи лет) — 30–40%. Это даёт возможность весьма скромно и экономно прожить собственным хозяйством, либо обеспечивает содержание в государственном или коммунальном доме престарелых.

Первые дома престарелых возникли в конце XIX и начале XX века. Теперь таких домов около 1 400, и они могут вместить свыше 40 тысяч человек.

Несколько лет назад был открыт дом престарелых на Саббатсберг в Стокгольме, строительство которого обошлось в 1,5 миллиона крон; он вмещает сто человек. Хотя дом расположен на территории больницы и составляет, собственно, её часть, внешне он ничем не отличается от обычного жилого дома. Каждый жилец имеет в нём комнату с ванной, уборной и кухонной нишей. Комнаты выходят на улицу и снабжены застеклёнными со всех сторон балконами. Они невелики, но обставлены современно и со вкусом; в каждой имеется радио и звонок для срочного вызова, соединённый с комнатой медицинского персонала. На каждом этаже есть небольшой салон и столовая для тех, кто не может или не хочет сам себе готовить. Квартиранты производят впечатление стариков с пропагандистских открыток: седовласые старушки в фартуках, шьющие или вяжущие на спицах; старики в сюртуках с высокими воротничками, занятые какой-нибудь канителью и с детской гордостью показывающие результаты своей работы. Некоторые слушают радио или попросту смотрят в окно. Всё это бывшие рабочие, главным образом одинокие и неспособные жить без опеки в возрасте семидесяти—восемидесяти

лет. В этот дом принимают стариков, не имеющих никаких других доходов, кроме пенсии; число желающих вчетверо превышает его вместимость.

Половина жильцов дома на Саббатсберг — хронические больные. Они помещаются в больничной секции, от двух до шести человек в комнате, в зависимости от состояния здоровья. Часто, однако, больница оказывается переполненной; не всегда удаётся также отделить психических больных.

Новый дом на Саббатсберг принадлежит к немногим образцовым убежищам для престарелых. Другие примеры увидеть нетрудно — достаточно сходить в Розенлунд, расположенный почти напротив ультрасовременного Южного Госпиталя. Постройки напоминают здесь бараки, окружающие четырёхугольную площадь; этот самый большой в Швеции дом для престарелых насчитывает восемьсот человек.

Розенлундское убежище, основанное в 1887 году, состоит из трёх отделений: для здоровых, для хронических больных и для лежачих больных. В отделении для здоровых, где живут преимущественно супружеские пары, комнаты большие и высокие, но без туалетов и кухонь. Здесь образцовая чистота, но переполнение сразу бросается в глаза. В часы приёма пищи можно увидеть длинную очередь стариков с тарелками у кухонного окошка. Некоторые перемещаются с палкой или поддерживают друг друга; встречаются полуслепые или совсем слепые. По большей части люди стоят молча, не улыбаясь, с застывшими лицами.

Ещё более угнетающее впечатление производят отделения для хронических больных и госпитальное отделение. В Розенлунде умирает свыше трёхсот пациентов в год. Угасает воля к жизни, и обитатели убежища меняются с устрашающей скоростью.

Проблема домов для престарелых уже обратила на себя внимание общественного мнения. Всё сильнее преобладает убеждение, что дома эти должны быть чем-то вроде госпиталей и принимать лишь неизлечимо больных, не могущих жить без постоянной опеки. Стариков не следует вырывать из их среды и помещать в полутюремные условия, в атмосферу подавленности, скуки и несчастья, где единственным занятием остаётся ожидание смерти. Это не только жестоко, но и расточительно, поскольку обеспечение опеки по мере надобности, на дому обойдётся дешевле, чем содержание в госпитале или приюте. Правда состоит в том, что даже в самых современных домах для престарелых нет и не может быть человеческой теплоты. Даже образцовая чистота, длинные, светлые, безмолвные

коридоры, покой и точно отрегулированное препровождение времени — лишь слабая замена нормальной жизни, и многие обитатели такого дома предпочли бы худшие условия, но в окружении, к которому привыкли за долгие годы.

Дальнейшее расширение армии социальных работников становится всё труднее. Опекун над стариками осуществляют сотрудники пунктов домашней помощи или же специально для этого нанятые и подготовленные женщины. Но они не в состоянии справиться со всеми потребностями. Население деревни, где совместное проживание разных поколений вызывает меньше трудностей, убывает из года в год; а в городе молодёжь обоего пола работает или учится, не имея возможности ухаживать за стариками.

Лучшее материальное обеспечение стариков приведёт, без сомнения, к уменьшению клиентуры убежищ для престарелых, поскольку в этом случае пенсионеры смогут сами организовать для себя уход, какого им пока не может дать государство. Далеко идущим шагом в этом направлении является принятый в 1959 году закон о пенсионном обеспечении. Закон этот является развитием пенсионной системы, поскольку гарантирует каждому работающему доплату к пенсии с тем, чтобы общая сумма, получаемая пенсионером, составляла $2/3$ его наивысшего заработка. Выход на пенсию происходит по достижении шестидесяти семи лет; однако, по желанию заинтересованного лица это может быть сделано раньше или позже, с соответствующим понижением или повышением доплаты. Закон о доплатах к пенсиям был принят после продолжавшейся несколько лет кампании, развёрнутой профсоюзами, печатью и руководством правящей социал-демократической партии. Положение затруднялось тем фактом, что в палате депутатов социал-демократы вместе с поддерживавшими их коммунистами имели ровно столько голосов, сколько блок оппозиционных партий. В конце концов закон удалось провести, благодаря тому, что один из депутатов от либеральной партии (впрочем, рабочий) нарушил партийную дисциплину, воздержавшись от голосования. Первые доплаты были выданы в 1963 году. Возможно, этот закон замедлит возрастание клиентуры приютов.

После введения пенсионных доплат было проведено дальнейшее расширение объёма социального обеспечения; в виде примера можно привести добавочное страхование на случай смерти главы семейства, состоящее в высокой единовременной компенсации для жены и несовершеннолетних детей, а также в пенсии для этих детей. Улучшились и возможности образования, поскольку студентам начали выплачивать ежемесячную безвозвратную стипендию. В настоящее

время Швеция идёт во главе немногочисленной группы капиталистических стран, успешно осуществляющих программу обеспечения гражданина “от колыбели до гроба”. Во всех трудных жизненных ситуациях гражданин может рассчитывать на помощь, действующую, как правило, без бюрократических препятствий в эффективно. В Швеции нет гниющих и разваливающихся трущоб. Здесь не увидишь нищих, нет людей, спящих под мостами или в парках. Безработица, если вообще существует, ничтожна. Трудящиеся завоевали для себя скромный, но достойный уровень жизни. С другой же стороны, смягчение социальных конфликтов позволило имущим классам сохранить их прежние позиции.

Шведское социальное обеспечение не ограничивается заботой о стариках, больных и нетрудоспособных. Дальнейшим его развитием является борьба с общественными болезнями — преступностью, пороками и, прежде всего, пьянством. Можно ли отнести эту деятельность к социальному обеспечению? Полагаю, что можно — просто по той причине, что по убеждению большинства шведов любое антиобщественное поведение вызывается болезнью, чаще всего психической, или свидетельствует о ненормальности.

Остановимся подробнее на трудной проблеме пьянства. Потребление алкоголя в Швеции было и остаётся весьма значительным — это неоспоримый факт. Сто лет назад, когда в глухих уголках страны жизнь текла монотонно и бедно, опьянение было единственной возможностью перенестись в мир воображения. Потребление крепкой водки, перегнанной из зерна и картофеля, составляло тогда невероятную величину — почти сорок литров в год на голову населения, включая мужчин, женщин и детей. Сейчас оно снизилось в семь раз, но зато повысилось потребление вина и крепкого пива.

По мере роста городского населения всё более четко проявлялась связь алкоголизма с преступностью. Включившись в борьбу с алкоголизмом, государство ввело в 1865 году так называемую гетеборгскую систему: были закрыты трактиры, и потребление алкоголя в общественных местах разрешено было лишь в ресторанах. Эта система, применявшаяся в течение ряда лет в сочетании с пропагандой трезвости, принесла серьёзные результаты. К 1910 году потребление алкоголя упало в пять раз. После первой мировой войны было введено законодательное запрещение алкоголя в Соединённых

Штатах, Норвегии и Финляндии. Сторонники такого решения были и в Швеции. Однако, на специально проведенном всенародном референдуме это предложение не прошло: противники суровых мер одержали верх, хотя и небольшим числом голосов.

Вероятно, поражению “прогибиционистов” содействовал тот факт, что за три года до референдума прежняя система контроля была значительно расширена. Каждый покупатель алкоголя должен был предъявлять особую контрольную книжечку. Получение её было не просто — оно зависело от репутация человека, от его семейных отношений, от количества потребляемого им алкоголя и т. п. Книжечка давала право покупать три литра водки в месяц. Сверх того, была установлена предельная норма напитков, подаваемых в ресторанах вместе с едой. В двадцатые и тридцатые годы казалось, что новая система идеально решает проблему алкоголизма. Её создатель и теоретик, д-р Иван Братт, прославился на весь мир. Однако, со временем участились злоупотребления, возросло нелегальное потребление и контрабанда. Социал-демократическое правительство всё более неприязненно относилось к надзору над личными делами граждан и массовому применению административных запретов. Осенью 1954 года система контроля была отменена. Производство и продажа водки остались государственной монополией, и единственным ограничителем осталась её цена. В настоящее время налог с алкоголя приносит около миллиарда крон в год, а цена водки более чем в десять раз превышает стоимость её производства. Таким образом, административный “прогибиционизм” был заменён экономическим. Кое-кто считал новую систему не слишком демократической. Но социал-демократическое руководство полагает, что как раз в этой области требование “равного старта” было бы неосновательным.

Борьба с алкоголизмом не ограничивается высокими ценами на водку. Существуют различные противоалкогольные общества, поддерживаемые профсоюзами и имеющие сотни клубов на всей территории страны. Они располагают немалыми средствами и тесно сотрудничают с властями, помогая в случае надобности лечению и ресоциализация алкоголиков.

Что же происходит, если не помогает ни высокая цена, ни пропаганда, давление среды и меры общественного убеждения? Тогда вмешивается Комитет трезвости, один из немногочисленных государственных органов, не останавливающихся перед детальным наблюдением областей жизни, обычно рассматриваемых как сугубо личные. Комитет изучает семейные условия субъекта, его заработ-

ки, профессиональную репутацию, образ жизни, прошлые правонарушения, он просматривает даже заявления на водительские права, чтобы проверить, нет ли среди заявителей его “подопечных”. Для Комитета не существует “табу”; уже самый факт расследования является своего рода наказанием. И почти каждый пьяница имеет шансы ему подвергнуться. В этой стране, столь чувствительной к любому посягательству на гражданские права, поводы для вмешательства Комитетов трезвости не определены сколько-нибудь точно. Комитеты занимаются не только пьяницами, вызывающими драки или иным образом нарушающими законы. Достаточно того, что субъект, постоянно злоупотребляющий алкоголем, может стать опасным для других или для самого себя, пренебрегает своими близкими, становится бременем для окружающих или не может о себе позаботиться... Точно так же, как критерии вмешательства, гибки и методы работы: это может быть, например, надзор за поведением пьяницы в частной жизни, в сочетании с обязательным пребыванием в специальной гостинице или опекой назначенной Комитетом семьи. Такой надзор может продолжаться до года. Если всё это не приводит к цели, Комитет принимает более суровые меры — направляет алкоголика в специальную лечебницу на срок до двух лет; такое решение может быть обжаловано в судебном порядке. Общее число расследований, проводимых Комитетами трезвости, составляет 80 тысяч в год. В большинстве случаев расследование сопровождается лишь простыми предупредительными мерами; однако, до 25% остаётся под длительной опекой Комитета в различных формах. Суды ежегодно выносят около 65 тысяч приговоров пьяницам за нарушение общественного порядка, и сверх того — около 10 тысяч приговоров водителям, правившим машиной после приёма алкоголя, даже если это не привело к какому-либо происшествию и никак не проявилось в их поведении. После приёма или визита к знакомым каждый выпивший хотя бы две рюмки спиртного оставляет обычно свою машину у дома гостеприимного хозяина и возвращается к себе трамваем или такси. Никому не хочется рисковать полугодовым тюремным заключением и потерей водительских прав на долгое время.

Строгость наказаний свидетельствует о серьёзности положения. Как показывает статистика, алкоголизм продолжает оставаться глущей проблемой, вызывающей напряжение в этом обществе, столь терпимом и мягком в своей карательной системе.

В Швеции, как и в большинстве цивилизованных стран, общественная опека распространяется также на преступников. В течение десятилетий шведское законодательство подвергалось ряду изменений, и прежде всего расширялись полномочия опекающих учреждений. Воспитательное воздействие на преступников является в нынешней Швеции краеугольным камнем пенитенциарной системы, которая справедливо считается одной из наиболее современных и передовых в мире.

Дело в том, что самая концепция тюремного заключения здесь не та, к которой мы привыкли. Заключение не рассматривается как система возмездия; оно должно перевоспитать осуждённого и дать ему возможность вернуться к нормальной жизни. Поэтому обращение с заключённым, а в значительной степени и фактический срок заключения, зависит не столько от тяжести преступления, сколько от ожидаемого поведения после выхода на свободу. Тем самым приговор теряет смысл расплаты за причинённый обществу вред. В разговорах чаще всего можно услышать такую аргументацию: Преступник — это человек, не ужившийся с обществом. Надо найти путь к изменению его психики, характера или моральных понятий. Но тогда какой смысл обращаться с ним сурово, вызывая в нём лишь чувства мятежа и ненависти? Таким образом, мягкость и человечность в обращении с заключёнными не выводятся из милосердия и не означают недооценки правонарушений; по мнению шведов, в большинстве случаев они попросту являются наилучшим методом воспитания.

Основа системы — работа заключённых в условиях, максимально приближающихся к условиям, существующим на свободе. Программа, ставящая себе целью перевоспитание преступников, формулируется так: сначала возведём фабрику, а потом пристроим тюрьму. Заключённые работают в разных областях производства и услуг — в механических и ремонтных мастерских, в деревообделочном производстве и т. п. Назначение в тюрьму с определённым профилем производства зависит от решения центрального управления тюрем, принимаемого по предложению Комитета обращения с заключёнными; этот комитет учитывает профессиональную подготовку осуждённого и его пожелания. Заключённые получают за работу вознаграждение, за которое могут покупать определённые виды продовольствия, остаток же они переводят на свой текущий счёт или пересылают семье. При выходе на свободу заключённый должен располагать некоторыми сбережениями, что даёт ему возможность прожить до устройства. Как и свободные граждане, заключённые

работают пять дней в неделю — остальные два дня предназначаются для личных дел.

Они могут отправлять и получать письма, а также видятся с ближайшими им лицами. Время от времени они пользуются кратким отпуском, когда могут выходить за пределы тюрьмы. Им доступны газеты, журналы и книги. Наконец, в большей части тюрем, называемых открытыми, они находятся лишь под надзором, но не запираются. Объём всех этих привилегий в разных тюрьмах не одинаков; есть закрытые учреждения с более строгим регламентом. Но условия заключения зависят прежде всего от поведения заключённого и успешности его ресоциализации. Даже приговорённый к содержанию в закрытой тюрьме может относительно скоро перейти в открытую и добиться условий, близких к жизни на свободе.

Если совершённый проступок влечёт за собой не слишком высокое наказание, то суд чаще всего оставляет виновного на попечении органов опеки. В таком случае приговор состоит в установлении вины без наказания, или же в наказании, например, двумя годами заключения, но с одновременной отсрочкой его исполнения. Это так называемый условный приговор. В течение отсрочки, длящейся обычно три года, надзор за преступником может быть соединён с ограничением передвижения, смены работы и т. п. Если в указанный период осуждённый ведёт себя ненадлежащим образом, суд может распорядиться о его кратковременном аресте — на неделю-две; и лишь в случае безуспешности такого предупреждения назначается мера наказания, если это не было сделано раньше, или предписывается исполнение имеющегося приговора.

Преступник, осуждённый безусловно на заключение свыше шести месяцев, выходит на свободу, отбыв 5/6 срока наказания. Заключённый, поведение которого позволяет рассчитывать, что он пригоден для нормальной жизни, может быть освобождён после отбытия 2/3 срока по решению правления тюрьмы. В обоих случаях органы опеки наблюдают за бывшим заключённым до истечения полного срока наказания.

Иногда преступник ещё до освобождения получает право работать вне тюрьмы. В таком случае он выходит из тюрьмы с утра и возвращается на ночь, и коллеги по работе даже не знают, что он отбывает наказание. Многие тюрьмы находятся за городом; заключённые трудятся в лесу или на поле, свободно перемещаясь по местности без всякого присмотра. В последнее время были проведены опыты поселения заключённых вместе с семьёй в назначенной для этого квартире или домике — обычно в малых селениях, жите-

ли которых не знают, кто такой приезжий. Заключённый получает при этом работу на месте поселения и отличается от свободных людей только тем, что находится под надзором местных властей и не имеет права покидать без разрешения назначенный ему посёлок.

Особую роль в пенитенциарной системе играет врач. Каждый преступник подвергается детальному медицинскому обследованию, причём обращают особое внимание на его психическое состояние. Направление преступника в лечебное учреждение или перевод туда заключённого зависит исключительно от врачебного диагноза. Всё чаще случается, что преступников в ходе судебного разбирательства признают больными, направляют на лечение и довольно скоро освобождают. То же происходит и с преступниками уже осуждёнными. Отбыв некоторую часть наказания, они могут оказаться в больнице, а потом уже не вернуться в тюрьму.

Органы опеки располагают особой свободой действий в отношении малолетних преступников, от пятнадцати до восемнадцати лет (до исполнения пятнадцати лет уголовная наказуемость не существует). Формально такие молодые люди подлежат суду, но на практике приговоры к тюремному заключению им не выносятся. Ими занимается общественная опека, в частности, профилактикой — управление по вопросам молодёжи. В задачи органов общественной опеки входит не только исправление преступников. Как только обнаруживается угроза физическому или психическому здоровью молодого человека или его дальнейшему развитию, или же антиобщественный образ жизни, эти органы тотчас же начинают сотрудничать с родителями или опекунами малолетнего, помогая организовать его время. С этой целью управление по делам молодёжи открывает клубы и читальни, поддерживая со своими подопечными постоянный контакт. Если эти средства оказываются безрезультатными, парня или девушку помещают в какую-нибудь семью, школу-интернат или дом молодёжи, где они получают общее, а часто и профессиональное образование в избранной области. По достижении восемнадцати лет малолетнего правонарушителя освобождают — окончательно или условно, в зависимости от его поведения.

С преступниками в возрасте восемнадцати-двадцати одного года также обращаются иначе, чем со зрелыми людьми. В менее важных случаях ими занимается общественная опека. Серьёзные же преступления наказываются заключением в так называемой тюрьме для малолетних на срок от года до трёх, в зависимости от успехов ресоциализации, но не дольше, чем до исполнения двадцати одного года. С точки зрения закона тюрьма для малолетних является

наказанием, поскольку её назначает суд. Но в действительности это общественно-воспитательное мероприятие, и притом по меньшей мере нелёгкое. Большинство молодых людей этого рода происходит из среды алкоголиков или преступников и проявляет какие-либо психические или интеллектуальные недостатки; почти все они уже раньше вступали в конфликт с законом и как правило не имеют никакой специальности. Осуждённые в подавляющем большинстве — мужчины; в Швеции имеется лишь одна тюрьма для женщин, а отделение для малолетних этой тюрьмы редко насчитывает больше трёх молодых особ.

Перевоспитание молодых преступников производится подобным же образом, как и воспитание трудной молодёжи. В зависимости от характера, интеллигентности, вида психических отклонений и т. п. молодых людей направляют в различные учреждения, где ими занимаются общественные опекуны. В небольших коллективах легче возникает атмосфера солидарности и доверия между заключёнными и руководящим персоналом. Главной частью воспитания является вовлечение в трудовую деятельность. Оставшееся время посвящается повышению общего уровня воспитанников — курсам, на которых молодые люди получают основные сведения об истории и политике, праве, социологии, литературе, основах половой жизни и т. д. Воспитанникам внушают — простейшими и доступными способами — обязательные нормы общественной жизни. Воспитатели и опекуны следят за успехами каждого воспитанника, беседуют с ним, помогают ему советами и заботой. Время, свободное от труда и образования, отводится для развития индивидуальных вкусов, таких, как техническое конструирование, рукоделие, резьба по дереву; сверх того, для спорта и всех видов отдыха — включая даже обучение танцам. Особо заботятся о контактах воспитанников с внешним миром — о встречах с окрестной молодёжью, спортивных состязаниях, личных знакомствах. Поощряется соревнование в учёбе и поведении. Вознаграждением являются отпуска, работа на свободе и высшая оплата — точно так же, как и у взрослых заключённых.

Образцовым учреждением для воспитания малолетних преступников является Рокстуна, расположенная над озером Рокстен в нескольких километрах от крупного промышленного города Линкепинга. Эта “уголовная лаборатория”, возникшая в 1955 году после нелёгкой борьбы в парламенте, наиболее последовательно осуществляет новую систему перевоспитания преступников. Среди зелени на пространстве в тридцать гектаров разбросаны небольшие домики на шесть-семь человек. Каждый заключённый подвергает-

ся индивидуальному “лечению”. Учреждение возглавляется врачом-психиатром, с которым сотрудничают врач, психолог, два тюремных ассистента и медицинская сестра. Остальной персонал состоит из двадцати восьми человек, не считая восьми учителей профессиональных предметов. Вместе с администрацией персонал насчитывает пятьдесят пять человек — при равном числе воспитанников, принадлежащих к самым трудным и требующих особого попечения. Годовое содержание одного заключённого обходится здесь в среднем в 130 тысяч крон. Даже в богатой Швеции такие тюрьмы нелегко себе позволить.

Противники нынешней пенитенциарной системы утверждают, что забота о сбившихся с пути и чрезмерная снисходительность часто одерживают верх над долгом защиты общества, что преступность среди молодёжи возрастает, а мягкие приговоры и отсрочка наказания лишь поощряют разнузданность неисправимых. Напротив, деятели Национального союза гуманизации тюрем, опираясь на социологические и психологические данные, доказывают, что число закрытых тюрем слишком велико, и что из нескольких тысяч сидящих в них заключённых достаточно было бы оставить там несколько сот. Если бы подобные взгляды взяли верх, это практически означало бы упразднение тюрем — что, насколько можно судить, не предвидится. Однако и общественные деятели, и представители властей — министр юстиции Герман Клинг и генеральный директор тюрем Торстен Эрикссон — считают, что в зажиточной стране, заботящейся о гражданине, в стране высокой солидарности и личной честности преступление может быть лишь исключительным явлением. Оно возникает на фоне особенно плохих условий, за которые общество должно нести ответственность, или в результате врождённого предрасположения, что вряд ли подлежит наказанию... В обоих случаях воспитателю и врачу должна принадлежать не меньшая роль, чем судье и тюремному надзирателю.

Шведский бюджет 1967–1968 года предусматривает закрытие некоторых устаревших тюрем, что приведёт к уменьшению числа заключённых в учреждениях закрытого типа. Взамен их предполагается расширить учреждения общественной опеки. В 1968 году для них будет построено два интерната типа гостиниц. Одновременно строятся и новые тюрьмы с меньшим числом мест, но с более многочисленным персоналом, чем прежде. Недавно введена в действие такая тюрьма в местности Кумла, стоившая 45 миллионов крон. Построенная по последнему слову техники, психологии и медицины, она представляет собой символ шведской концепции тюремного

заклучения. Здесь последовательно осуществляется принцип, применяемый уже много лет и актуальный по сей день: индивидуальная, почти личная забота о каждом заблудшем человеке и лишение свободы только в случае крайней необходимости.

Стокгольм

Когда в середине XIII века военачальник и основатель династии Биргер Ярл выбирал место для крепости, легко защищаемое со стороны моря, он остановился на скалистом выступе земли, где множество ручьёв, вытекающих из озера Моларен, сливается в стремительный поток, впадающий в Балтику. Здесь было четыре островка, окружённых защитными цепями; цепи крепились к столбам, вбитым в морское дно (сток — столб, гольм — остров). Конечно, Ярл не предвидел, что вокруг этих островков разрастутся поселения вдоль озера и вглубь суши и из них возникнет столица Швеции. На месте средневековой цитадели теперь высится королевский замок; немного дальше, на выдвигающемся в море островке Риддаргольм (Остров Рыцарей) стоит церковь, приземистая колокольня которой считается старейшей сохранившейся постройкой города. Отсюда исходят неровные, узкие и крутые улицы старого города — “города между мостами”; сейчас это скопление антикварных лавок и магазинов готового платья, а также, разумеется, привлекательное место для туристов. Ещё в первой половине XVI века, когда король Густав Ваза победоносно вошёл в город, освободив его от датских захватчиков, Стокгольм насчитывал едва три тысячи жителей. Столицей сделал его Густав Адольф, герой тридцатилетней войны. С 1523 года Стокгольм ни разу не был добычей врага; мало есть городов в Европе, могущих похвалиться таким рекордом!

Биргер Ярл наверняка не задумывался над эстетическими достоинствами заложенного им города; но с этой точки зрения трудно было сделать лучший выбор. С западной стороны вьются извилистые берега озера Моларен; на востоке и на юге над морем поднимаются островки, покрытые буйной зеленью, изрезанные укромными заливами и каналами. К северу и юго-западу простирается суша. Разнообразие ландшафта, обилие зелени, оригинальность планировки улиц — некоторые из них, высеченные в скалах, проходят под мостами, соединяющими улицы обычного уровня — всё это позволяет Стокгольму заслуженно считаться одним из прекраснейших городов Европы; часто его называют “Венецией Севера” или “городом света и воды”. Только крупных мостов здесь насчитывается сорок четыре. Если спросить, в чём больше всего нуждался бы Стокгольм в случае вражеского нашествия, — в оружии, продовольствии, автомобилях или железной дороге — то истинный житель Стокгольма

ответит Вам: в лодках! В самом деле, прежде всего были бы уничтожены мосты, а тогда единственным средством сообщения оказались бы лодки. Следует, впрочем, прибавить, что водные прогулки в Стокгольме весьма популярны, а частных лодок насчитываются десятки тысяч. Лодки, от байдарок до парусных, моторных и, наконец, до роскошных яхт, составляют характерную черту города. Летом можно увидеть их неумоимо снующими по главным водным путям и каналам, вперемежку с судами регулярного сообщения, проскальзывающими вдоль пришвартованных грузовых пароходов или грозных истребителей и крейсеров иностранного флота, оказавшихся на стокгольмском рейде, вследствие какого-то визита вежливости. Виды эти, всегда яркие и привлекающие глаз, меняются с минуты на минуту.

Вода и вправду окружает город, вторгаясь самым неожиданным образом в его улицы и закоулки. Она сверкает под мостами, соединяющими в одно целое двенадцать гранитных островов, на которых раскинулся Стокгольм. Ровное место здесь встречается редко. Ещё и в наши дни можно увидеть в самом центре столицы холмы и широкие откосы, покрытые лесом или кустарником. Можно представив себе, как трудно приходилось строителям этого города.

Вскоре по приезде в Стокгольм мне пришлось посетить Польско-Шведскую торговую палату, расположенную на Регерингсгатан. Эта улица лежит в торговом центре и, как видно из плана города, пересекает Кунгсгатан. Дойдя до указанного на плане места, я с удивлением убедился, что Кунгсгатан тянется без всякого перерыва, так что искомой поперечной улицы не существует. Спрошенный мною прохожий указал мне сверху мост, соединяющий над крышами невысоких домов обе стороны улицы. — Это часть Регерингсгатан, — объяснил он мне с улыбкой, — которая проходит по обе стороны моста. Таким образом, она пересекает Кунгсгатан, но на другом уровне. Вы найдёте в Стокгольме даже улицы на трёх уровнях.

Вскоре я увидел, как в южной части города, в месте, где шлюзы отделяют море от озера, так называемый “лифт Екатерины” поднимает пешеходов на высоту в несколько десятков метров, где на большой гранитной плите располагается целый жилой район. Кстати сказать, с моста, соединяющего верхнюю платформу лифта с основанием этой плиты, открывается один из прекраснейших видов Стокгольма. Наряду с обширной панорамой зданий и улиц, с ратушей и маяком на заднем плане, отсюда можно любоваться беско-

нечными рядами машин, спускающихся или поднимающихся в гору по скрепляющимся в трёх плоскостях дорогам и высеченным в скалах туннелям.

Шведы приобрели уже немалый опыт строительства на граните, с применением мощных буров и динамита. Некоторые участки Стокгольма выросли за несколько лет причём в скалах были высечены также подъездные пути, гаражи, складские помещения магазинов. Особое внимание обращено на возможности, предоставляемые этой местностью в случае войны. Не только предприятия военной промышленности, но также электростанции, больницы, пожарные депо, авиационные ангары и склады боеприпасов высечены в гранитных буграх или в сплошной скале вдоль берега моря. На островах помещаются базы военного флота; все устройства, в том числе доки и ремонтные мастерские высечены в скалах на глубине, предохраняющей от воздушных атак, даже при использовании атомного оружия. Кроме обычных убежищ, после войны построенные подземные помещения высотой в пятьдесят метров, прикрытые гранитными плитами и способные вместить много десятков тысяч людей. Одно из таких гигантских убежищ может принять 20 тысяч человек, что соответствует населению целого городка, обеспечив им питание, электрический свет и отопление, медицинскую помощь, вплоть до больницы, и обучение детей в школах. В настоящее время это помещение используется в качестве гаража на пятьсот пятьдесят машин, с ремонтными мастерскими, заправочными станциями, магазинами и рестораном. Поскольку страна не имеет залежей нефти, накопление её на случай войны является делом жизни и смерти. Подземные хранилища в бывшем руднике под Стокгольмом могут вместить свыше двухсот миллионов литров топлива и принадлежат, без сомнения, к числу крупнейших в мире. Наконец, некоторые предприятия, производящие оружие или связанные с этим производством — например, стокгольмский завод точных инструментов “Ага” — помещаются под землёй, где работают сотни людей. Как уверяют врачи и психологи, ссылаясь на анкеты и проведённые исследования, работа в этих условиях не вреднее, чем в обычных заводских цехах.

В прошлых столетиях Стокгольм и другие шведские города развивались чрезвычайно медленно. Индустриализация пришла в Швецию позже, чем в другие европейские страны; ещё в 1880 году лишь 10% населения жило в городах. Городская застройка имела вид

квадратных или прямоугольных блоков, иногда с флигелями во дворах. Это были мрачные четырёх-шести этажные дома-колодцы, заселённые невероятно плотно. Зажиточные люди занимали более просторные квартиры на главных улицах или набережных, бедные же проживали главным образом в двухкомнатных помещениях, часто без уборных, окнами во двор. Лишь после 1920 года начали возникать посёлки среди зелени. После второй мировой войны было прекращено строительство предместий-спутников, примыкающих к городу и всецело от него зависящих в хозяйственном и бытовом отношении. Развитие привело к новой концепции градостроительства — к посёлкам, расположенным в нескольких километрах от города или дальше, с собственными магазинами, необходимыми коммунальными учреждениями и даже промышленными предприятиями. Их связывают с городом железные дороги, отчасти подземные.

В настоящее время Стокгольм радикально меняет своё лицо. Трущобы, простоявшие десятилетия и не тронутые войной, идут на снос и уступают место современным зданиям, резко нарушающим традиционный облик города. Несколько лет назад было окончено строительство современного центра для торговли и бизнеса. Вокруг пяти стройных небоскрёбов обходит улица, закрытая для движения транспорта и служащая сборным пунктом любителей новостей всякого рода: в первых этажах домов красуются витрины больших магазинов.

Жители столицы нередко смотрят с романтической тоской на закрытые брезентом леса, за которыми грохочут строительные машины, на бульдозеры, выравнивающие почву. Возникает совсем новый мир, с современным темпом и размахом, устроенный для пользования плодами благополучной жизни; он непривычен даже в своих архитектурных формах.

Тем больше чувств вызывают старые части столицы, особенно старый город за королевским дворцом, с его узкими, спадающими к набережной улицами, с невысокими домиками и оригинальными лавками сувениров. Там, на Большом Рынке, можно увидеть здание Биржи, где в 1520 году датский король Христиан II перебил шведскую знать, приказав сложить головы убитых посреди рынка. Теперь здесь заседает Шведская Академия. Неподалёку возвышается ветхий стокгольмский собор, со своей знаменитой деревянной статуей святого Георгия, поражающего дракона.

Процесс модернизации города продлится, впрочем, ещё долго. Всё ещё очень много типичных домов конца XIX и начала XX века, вполне пригодных для жизни. Однако, молодые люди неохотно

поселяются в самом городе, используя любую возможность получить квартиру в новых районах, пусть даже отдалённых. И хотя возможностей не так уж много, влечение к простору и свету приводит к тому, что население Стокгольма в его традиционных границах убывает. В этом нет ничего удивительного. Вряд ли кто-нибудь назовёт этот город “Венецией Севера”, проходя среди скучных домов по старым улицам центра, особенно осенью или зимой, под вечер, когда здесь так холодно, влажно и темно. Даже местные жители, не говоря уже об иностранцах, с каждым годом становятся чувствительнее к влиянию климата и среды. Отсюда естественно возникает стремление к солнцу и общению с природой, к светлым и красивым жилищам.

Здесь сосредоточена политическая, научная и художественная жизнь страны, многие имена приобрели здесь мировую славу: это считается естественным и не привлекает внимания. Но здесь же в некоторых районах сосредоточены проявления разнузданности и хулиганства, часто приписываемые большинству шведских городов, хотя в этом отношении столица не может служить типичным примером. Преувеличенное внимание к преступности и порокам поддерживает сенсационной печатью, выходящей большими тиражами. Подробные описания убийств, насилий, кражи автомобилей, подделок — всё это самый лёгкий и распространённый предмет сенсации; поверхностному читателю могло бы показаться, что это нормальные, повседневные явления в жизни столицы. Однако, факты никоим образом не подтверждают такое впечатление: Стокгольм, вообще говоря, более спокойный город, чем другие столицы. Здесь нет ночной жизни, не видно публичных женщин, столь характерных для западных столиц. Оказывается, в южной части города всё ещё имеется небольшое число семей, занимающихся земледелием — это пережиток патриархально-крестьянской Швеции. А в северной части города, на обширных холмистых лугах (гордет), не застроенных и пересекаемых лишь узкими лентами автомобильных дорог, и по сей день проводятся первомайские митинги, по традиции, идущей из прошлого века; с той лишь разницей, что день первого мая теперь государственный праздник, а ораторы на трибуне — руководящие деятели партии и правительства.

Стокгольму не привычны торжества, празднества, народные гуляния. Время от времени на главных улицах можно увидеть флаги — обычно по случаю визита главы иностранного государства. Иногда по дороге, ведущей в замок движется живописная процессия — карета с упряжкой из рослых коней, эскорт, гофмаршал в экзоти-

ческом мундире — это вновь прибывший посол едет на аудиенцию к королю, чтобы вручить ему свои верительные грамоты. Время от времени по направлению к стадиону тянутся со всех сторон толпы болельщиков, чтобы посмотреть хоккейный матч или соревнование боксёров. Но обычная жизнь протекает спокойно, даже монотонно, и ритм стокгольмских будней меняется медленнее, чем в других европейских столицах — особенно зимой.

Тем не менее, город является столицей страны не только в политическом и административном отношении. Он служит также местопребыванием крупных промышленных и торговых корпораций, правлений важнейших банков, а также руководящих органов профсоюзов и коопераций, на которые опирается правящая партия. При отсутствии внешнего блеска и скромных размерах, Стокгольм не раз встречается в анналах истории как место важных встреч и начинаний. Весной 1917 года здесь задержался на несколько дней Ленин, по пути из Швейцарии в Россию: его дискуссии с деятелями социал-демократии послужили началом дальнейших контактов, в течение ряда лет влиявших на политическую линию шведских левых. В конце Второй мировой войны здесь началась кампания помощи узникам гитлеровских концентрационных лагерей. Это мероприятие проходило под покровительством Шведского Красного Креста, руководимого тогда членом королевской семьи Фольке Бернадоттом; результатом её был, между прочим, вывоз в Швецию нескольких тысяч польских женщин, так называемых “подопытных кроликов”. В Стокгольме в 1948 году состоялся первый Конгресс Мира, положивший начало движению, охватившему весь мир. В течение послевоенного двадцатилетия из столицы Швеции неоднократно доносились голоса, призывавшие к умеренности и благоразумию в спорных международных вопросах — к отказу от ядерного оружия, мирному урегулированию конфликтов, увеличению помощи развивающимся странам.

Стокгольм является также научным и культурным центром, сильнейшим образом влияющим на всю страну. Правда, подобную же роль играет в большей или меньшей степени каждая столица; но в Швеции нет больших городов, способных выполнять аналогичные функции: в Гетеборге сосредоточены промышленность и торговля, особенно заморская, Мальме — типичный главный город провинции, остальные же города насчитывают не более ста тысяч населения. В столице выходит подавляющее большинство издаваемых в Швеции книг, газет и журналов. На высоком уровне стоят здешние театры. В виде примера можно привести Королевский Драматический театр.

ческий Театр, руководимый в течение ряда лет режиссёром Альбом Сьебергом, известным также своими превосходными фильмами (“Мадемуазель Юлия”, по пьесе Я. А. Стриндберга). В 1963 году на должность директора этого театра был приглашён Ингмар Бергман, перешедший в Стокгольм из Городского Театра в Мальме. Королевская опера в Стокгольме переживает в последние годы период расцвета: из плеяды выдающихся певцов приобрёл мировую славу недавно умерший баритон Юсси Бьёрлинг, а певица Биргит Нильссон считается наравне с Ренатой Тибальди и Марией Каллас. Ее выступления в Стокгольме — большое событие, чаще её можно услышать на сценах других больших городов обоих полушарий. На протяжении ряда лет хореографической частью Оперы руководит знаменитая Биргит Кульберг, которой шведский балет обязан своим высоким уровнем. Наконец, важную роль в художественной жизни столицы играет Филармония, где дают также концерты виднейшие иностранные музыканты — в том числе, почти ежегодно наш великий соотечественник Артур Рубинштейн.

Всякий хоть на несколько дней приехавший в Стокгольм непременно должен увидеть театр в Дроттингхольме, летней резиденции королевской семьи. Барочное здание 1776 года постройки сохранилось нетронутым до наших дней. Зрители восседают на скамьях с надписями: “для епископов”, “для рыцарей” “для оруженосцев”. Служители одеты в костюмы XVIII века. Сохранилась также сцена глубиной в девятнадцать метров, теперь она снабжена механизмами, позволяющими вращать её и сменять декорации в течение нескольких секунд. В салонах, обрамляющих зрительный зал, помещается выставка рисунков и картин, иллюстрирующих историю театра; главным её богатством является великолепное собрание рисунков и картин Никодема Тессина, знаменитого шведского архитектора XVII века, по плану которого построен также летний дворец короля. Театр этот, некогда служивший развлечением короля и придворных, имеет своеобразный репертуар: оперы эпохи барокко и комические оперы в стиле рококо. “Орфей” Глюка и его же “Ифигения в Тавриде” идут здесь в декорациях семидесятых годов XVIII века.

Путеводитель по Стокгольму насчитывает около тридцати музеев, в которых собраны неприкосновенные, не тронутые войной собрания в области искусства, истории, техники и всевозможных наук, особенно географии и этнографии, а также материалы о развитии разных районов страны. Во дворцах, обращённых в музеи, сохранились подлинные интерьеры. Молодежь может знакомиться со своей

страной и её историей наглядным методом, опирающимся на исторические источники. Пришелец из Польши может лишь позавидовать тому, как традиции передаются из поколения в поколение, без опустошений, знаменующих собой национальные катастрофы.

Столица может гордиться также замечательными достижениями своих учёных, особенно в естествознании, медицине и технических науках. Шведская медицина приобрела в ряде областей мировую известность, а достижения профессоров Оливекрона и Краффорда, занимающихся хирургией мозга, привлекают в их клинику пациентов со всего света.

Шведы гордятся своим городом, его расцветом в новейшее время — менее чем за сто лет.

В начале XX века столица насчитывала триста тысяч жителей, сейчас — восемьсот тысяч, а с предместьями свыше миллиона, что составляет 15% всего населения страны. Площадь её возросла вшестеро; её жители пользуются самым высоким в Европе жизненным уровнем, а молодёжь считается самой активной в стране. Но не все потребности удовлетворяются равномерно. Несмотря на огромные достижения в области строительства, столица живёт под знаком острого жилищного кризиса, последствия которого ощущают уже и политические деятели. Присмотримся же к этой проблеме.

Вот как её описывали в 1897 году: “Если работник получает тринадцать-четырнадцать крон в неделю — а этой платой вынуждены довольствоваться слишком многие — то жилая комната зачастую исчезает, и семья живёт в кухне. Трудно сказать, сколько человек может проживать в одной комнате. Не будет преувеличением, если мы насчитаем семь или десять жильцов, гнездящихся в таком помещении; и это сочетается с другой проблемой, заведомо вредно влияющей на семейную жизнь, в особенности у рабочего класса. Я имею в виду ситуацию, когда семья даёт приют одному или нескольким одиноким людям, в неё не входящим; и всё это на переполненной площади одной комнаты или комнаты с кухней”. Другой автор того же времени свидетельствует, что квартирная плата в Стокгольме была тогда выше, чем в любом другом городе Европы.

В конце XIX века право голоса имели только налогоплательщики; в зависимости от доходов они имели от одного до ста голосов. Конечно, при этом городской совет был в руках консерваторов — первый социал-демократ стал его членом в 1903 году. Строительство находилось всецело в частных руках. В настоящее время, напротив, крупнейшим собственником жилых домов и главным строителем является город — в прямой или косвенной форме.

Во время воскресной прогулки по далёкому предместью Стокгольма я забрел на маленькую улочку, застроенную одноэтажными, утопающими в зелени семейными домиками. Мне бросилась в глаза необычная сцена: на дне свежевырытой выемки стоял молодой мужчина, укладывающий фундамент. Рядом молодая женщина и высокий блондин лет двадцати — как выяснилось, жена и шурин “строителя” — готовили раствор, а мальчик и девочка, балансируя на груде цементных плит, укладывали доски.

Близился первый час дня, и я не сомневался, что трудолюбивое семейство непременно сделает перерыв для традиционного ленча. Когда через час я вновь появился в этом месте, мать вместе с дочерью мыли посуду. Мне охотно и любезно разъяснили интересовавшие меня вопросы.

Аксель Д. оказался техником, работавшим уже двенадцать лет в чертёжном отделе крупной фирмы “Л . М. Эрикссон”, производящей оборудование связи, и как раз в это время начинавший свой трёхнедельный отпуск; жена его работала в бухгалтерии большого транспортного агентства. Супруги Д. вот уже шесть лет проживали вместе с двумя детьми и братом жены в современной трёхкомнатной кооперативной квартире, площадью в 65 квадратных метров. Однако, по мере подрастания детей квартира эта становилась слишком тесной, а плата за неё, по сравнению со стоимостью собственного дома, чересчур высокой. По решению семейного совета они приступили к строительству дома собственными силами, с помощью других членов семьи и при минимальном участии наёмных рабочих. Сверх того, предприимчивое семейство пользуется инструктажем инженера, представляющего строительные органы; он систематически посещает строительную площадку, даёт технические указания и контролирует правильное и экономное расходование материалов. Раз или два в неделю помогает один из соседей, строительный техник, таким же способом соорудивший собственный дом. Наконец, электрическое оборудование, отопление, водопровод и канализацию установят специализированные фирмы. Семейство Д. посвятило этой работе два очередных отпуска, а также практически каждую свободную минуту с середины мая до середины августа; в июне и июле стоят долгие летние дни, и можно работать при дневном освещении до позднего вечера. В первом сезоне приходилось в самом деле спешить: надо было успеть возвести остов дома и покрыть его крышей для предохранения от зимы.

Когда через два года я вновь посетил семейство Д., с традиционным букетом цветов, хозяин дома с видимым удовлетворением

показал мне свои владения, где он водворился совсем недавно. Дом в полтора этажа, с высоким подвалом, построенный из лёгких цементных плит, возвышался на травянистом откосе. В дом вели два входа: передний, на уровне улицы, и задний, на уровне первого этажа. С передней стороны находился также въезд в гараж, примыкавший к подвалу, котельной и небольшой мастерской. Винтовая лестница внутри дома вела в комнату на верхнем этаже, служащую гостиной и столовой. Из окон этой комнаты, площадью свыше тридцати квадратных метров, виден был откос и небольшой садик: окна были так велики, что комната напоминала застеклённую веранду. На двух уровнях располагались ещё четыре комнаты средних размеров (от 16 до 18 квадратных метров) и обширная кухня, с буфетом, облицованным нержавеющей сталью, кухонной раковиной из двух отделений с таким же покрытием, электрической плитой с четырьмя конфорками и крытыми полками из легкомоющейся пластмассы для посуды и сухих продуктов, тянувшимися над плитой и буфетом почти во всю длину стены. В углу, в специальной нише, стоял большой холодильник, а рядом с электрической плитой — на уровне глаз взрослого человека — электрическая духовка с тремя прозрачными стенками.

Меблировка была скромная и простая: лёгкие плетёные кресла, простые кровати (металлические сетки на деревянных ножках, с выдвижными ящиками, для постелей), пластмассовые коврики, яркие кретоновые занавески. Шкафов и комодов не было — одежда хранится в особой кладовой (комнатке без окна), бельё — в специально встроенных стенных шкафах.

Аксель Л. ознакомил меня со сметой и финансовыми условиями строительства. Общая стоимость дома, включая строительные работы и самое необходимое оборудование, оценивалась в 90 тысяч крон.

Банковский заём	45 000	(50% стоимости)
Государственный заём (из фонда строительства семейных домов)	22 500	(25% стоимости)
Пособие (безвозвратное)	9 000	(10% стоимости)
Участие владельца	13 500	(15% стоимости)
Всего	90 000	

Фактическая же стоимость постройки составила 98 тысяч —

вследствие добавочных расходов, связанных с пожеланиями строителей. Например, личное участие семьи Д. в действительности стоило 21 500 крон. Часть указанной суммы была, впрочем, покрыта за счёт кооперативного вклада, возвращённого после освобождения прежней квартиры. Я не спрашивал Акселя Д., сколько зарабатывали вместе он и жена, но можно предположить, что после уплаты налогов их заработки составляли 2 200–2 700 крон в месяц. Таким образом, единократный денежный расход в размере 8–9-месячного заработка, который им пришлось сделать, можно считать терпимым. Обременение семейства долгом вследствие заключённых займов составляло 13–14% общего заработка. Следует прибавить к этому стоимость отопления и текущего ремонта. Однако по мере оплаты обоих займов процентные взносы будут несколько снижаться, заработки же будут постепенно возрастать. Девальвация денег, ставшая постоянным процессом в последние годы, работает в этом случае на пользу семейству Д. Даже при условии, что оба супруга не повысятся в должности – что маловероятно – через пять-семь лет задолженность будет поглощать лишь 10–11% их заработков.

Счастлиное положение семьи Д. не означает, разумеется, что все шведские граждане имеют удобные и просторные жилища – оно показывает лишь шансы средней семьи, которые могут осуществиться раньше или позже, в зависимости от обстоятельств. Между тем, жилищное положение всё ещё остаётся трудным, если, конечно, принять во внимание, что высокий уровень жизни обуславливает повышенные требования. Ещё в 1960 году 38% семей с тремя или более детьми проживало в несоответствующих условиях; при этом, согласно принятым в Швеции стандартам, квартира считается перенаселённой, если в ней приходится в среднем больше двух человек на комнату. Впрочем, в 1933 году целых 87% гнездились в тесноте. Таким образом, несмотря на неучастие страны в обеих мировых войнах, небольшой прирост населения и серьёзные усилия государства для решения этой проблемы, жилищное положение не только не является идеальным, но вовсе не отвечает высокому общему уровню жизни шведского общества.

Каковы же причины такого положения вещей? Прежде всего, сюда относится длящийся в течение ряда десятилетий процесс индустриализации страны и непрерывное перемещение населения из деревни в город. Строительная политика не была согласована с этим процессом. Как в Стокгольме, так и в других больших городах в начале столетия и позже строили многокомнатные буржуазные апартаменты для богатых, и в то же время тёмные и мрачные одно-

комнатные или двухкомнатные квартиры для заполнявших города новых рабочих. Ещё в 1933 году более чем половину всех квартир в городах составляли именно такие квартиры-клетки. При этом не было, и до сих пор не существует рационального использования существующего жилого фонда путём введения максимальной нормы площади на одного жителя; размеры и оборудование жилищ определялись, а в некоторой мере и до сих пор определяются не объективно оцениваемыми потребностями будущих жильцов, а их материальными возможностями. В годы Второй мировой войны жилищное строительство упало ниже 1/3 довоенного уровня. Наконец, не следует забывать, что в Швеции исключительно высок процент одиноко живущих людей — молодых мужчин, разъехавшихся с родителями, чтобы иметь больше свободы, одиноких женщин, пенсионеров. В Швеции каждая пятая квартира заселена одним жильцом, в то время как в Англии — каждая десятая, а в Голландии — каждая двадцатая. Конечно, и это обстоятельство не способствует правильному использованию жилой площади. И до сих пор не достигнут ещё так называемый минимальный стандарт, каковым здесь считается двухкомнатная квартира для супругов с двумя детьми. Длительные промежутки между обручением и свадьбой а также сравнительно поздние браки объясняются тем фактом, что таких двухкомнатных апартаментов в Стокгольме приходится ждать пять-семь лет. Прозвучает так называемый “жилищный чёрный рынок”. Правда, квартирная плата в большинстве случаев определяется законом, и при найме квартиры нельзя требовать больше; однако, эти ограничения обходят, получая единоразовные отступные (за квартиру из нескольких комнат — до 25–30 тысяч крон!), или сдавая квартиры вместе с мебелью. Для этой цели просто помещают в квартиру какой-нибудь старый хлам, который съёмщики с удовольствием сразу же выбросили бы на чердак; это служит предлогом для повышения квартирной платы в несколько раз по сравнению с официальной нормой: платят за пользование мебелью и её амортизацию...

Пятидесятые годы — период всё ещё непрерывного экономического процветания и огромного роста благосостояния — были использованы правительством и общинами, а также кооперацией для широкой строительной деятельности. За этот период доля одно- и двухкомнатных квартир снизилась до 20% общего числа сооружаемых квартир: в пятидесятые годы наибольшую часть их составляли трёхкомнатные квартиры, а в шестидесятые, по мере роста благосостояния, уже строили больше всего квартир, состоявших не менее чем из четырёх комнат. Средняя площадь новых квартир равна 65

квадратным метрам. Семейные дома различных типов и размеров перестают быть редкостью — в них живёт теперь каждая третья шведская семья. Всего же в последнее время ежегодно строится 75–80 тысяч квартир, что по отношению к численности населения ставит Швецию на третье место в мире среди экономически развитых стран (после Советского Союза и Западной Германии). И все же, в одном только Стокгольме имеется около 100 тысяч человек, зарегистрированных в качестве нуждающихся в квартире. Парадоксально, что при этом в печати появляются время от времени адреса домов (иногда с их фотографиями), где свободные комфортабельные квартиры ожидают нанимателей. Единственной “деталью”, отпугивающей желающих, является... цена. Это большие помещения в домах, построенных, главным образом, частными предпринимателями, где квартирная плата за 4–5 комнат с кухней достигает 700–1 450 крон в месяц. В период спадающей конъюнктуры требуется, поистине, немало храбрости, чтобы взвалить на себя такое бремя.

Строительство проводится под строгим контролем государства. Применяется система разрешений: утверждению властями подлещат самая личность будущего собственника дома, место постройки, тип здания (размеры, высота, оборудование величина квартир и т. п.) Отдельное разрешение требуется для найма рабочих. Этим достигается двойная цель: преимущество в строительстве получают общины (местное самоуправление), кооперативы и частные лица — главным образом трудящиеся со средними или низкими зарплатами. Разрешения, относящиеся к месту постройки, позволяют рационально использовать наличную рабочую силу, что облегчает, в случае надобности, устранение локальной безработицы или, напротив, чрезмерного спроса на труд, ведущего к искусственному повышению цен. Наконец, установление вида квартир и обеспечение преимущества коммунальным и кооперативным инвесторам обеспечивает желательный социальный состав будущих жильцов; понятно, что социал-демократическое правительство заботится об этом не только по принципиальным мотивам, но и потому, что субсидии и займы, покрывающие, как и в случае семейных домов, львиную долю строительных расходов, не могут, естественно, предназначаться для состоятельных людей.

Кооперация сосредоточивает теперь около 25% всего жилищного строительства, а организацией, финансирующей и наблюдающей за строительством, является “Сберегательная касса квартиросъёмщиков и строительное общество” сокращённо ГСБ. Эта организация действует на всей территории страны, и точно так же, как ин-

дивидуальный строитель, пользуется банковским кредитом и государственными субсидиями. Она имеет также собственные фабрики строительных материалов, а также снабжается другими кооперативными фабриками. С начала своего существования ГСБ не только была пионером самых современных жилищ с высоким качеством оборудования, эстетическими достоинствами и передовым социальным обслуживанием, но сумела также собрать значительные средства, позволяющие ей участвовать в создании новых жилых районов. Таким образом в пятидесятых и шестидесятых годах возникли два современных посёлка под Стокгольмом, Воллингби и Фарста, первый на северо-запад, а второй, более новый, на юг от столицы. Оба этих посёлка были построены после тщательной подготовки; создатели их ставили себе целью соединить архитектурные, ландшафтные и социологические элементы таким образом, чтобы обеспечить населению возможно больше удобства а радости.

Название Воллингби происходит от деревни викингов и означает “деревня мучного супа”; сюда можно доехать в метро или по широкому, красивому шоссе. Впрочем, в отличие от обычного, метро проходит главным образом по поверхности земли, и вдоль пятнадцати километров пути можно любоваться незастроенными, поросшими лесом местами. Небольшой поворот на север от шоссе, и перед Вами возникает городок, будто по волшебству выросший из скалистой почвы, состоящий из четырнадцати- и шестнадцатипятиэтажных зданий, раскинувшихся дугой вокруг центра. Центр этот можно обойти за какие-нибудь четверть часа; в нем имеется всё необходимое для удовлетворения повседневных потребностей; современные, хорошо снабжаемые и изящно устроенные магазины, кафе и рестораны, школы, городская библиотека, дом молодёжных клубов, театр, поликлиника и даже купальный бассейн. Воллингби вмещает 10% населения Стокгольма — столько же, сколько университетский город Упсала; можно спросить себя, является ли оно предместьем столицы, или же отдельным городом на её периферии. Весь городской центр построен на огромной плите, поддерживаемой бетонными столбами. Внизу, под плитой, проходят линии метро и дорога для грузовых машин, снабжающих посёлок. В самом городе, таким образом, не видно грузового движения, и складывается впечатление, будто некая неведомая рука заботится о потребностях населения.

Воллингби был задуман в качестве эксперимента, смысл которого состоял не только в том, чтобы создать современные и удобные жилищные условия. Предместья больших городов, и в особенности столицы, раньше возникали просто как жилые районы, без всякой

собственной базы. Люди выезжали из них утром на работу в город, а вечером возвращались, чтобы поесть и “прожить” до следующего утра. В них не было никаких социально-культурных учреждений, и часто приходилось отправляться в город за более серьёзными покупками. Днём, когда дети находились в школах, а оставшиеся дома женщины занимались хозяйством, улицы выглядели как вымершие. Возникла проблема “сонных посёлков”, добавлявших особого рода одиночество и угнетённость к воздействию шведского пейзажа, и без того не очень весёлого.

Воллингби, по замыслу его создателей, должен был решить эту проблему. Речь шла о посёлке городского типа, обеспечивающем не только хорошие условия быта и снабжения, но также учёбу и развлечения для молодёжи, культурное препровождение времени для взрослых. Конечно, всё это не означало полного отрыва от столицы. Замысел состоял в том, чтобы свести контакты с нею к определённым отдельным случаям, замкнув повседневную жизнь в пределах посёлка. При этом, разумеется, не удалось избежать притока в Воллингби людей, связанных работой и привычками со Стокгольмом, а в новом посёлке искавших лишь более удобных жилищных условий; но, вообще говоря, основная цель — связь населения с посёлком — была достигнута. В настоящее время Воллингби не может обеспечить работу всем своим жителям; имеются планы постройки вблизи него промышленных предприятий, привлекательных и для тех, кто ищет работу, и для тех, кому давно надоело ежедневные поездки в столицу. Это даст возможность органически слить разнородные группы населения и создать атмосферу своеобразного местного патриотизма, столь характерного для шведских городов и деревень.

Воллингби оказался удачным экспериментом, заслуживающим повторения. Опираясь на приобретённый опыт, построили посёлок Фарста на юг от Стокгольма, возле живописного озера Магелунген. Он расположен на волнистой гранитной плите, покрытой слоем земли и поросшей густым лесом, с красивым видом на озеро, и производит впечатление пригородного места отдыха. От центра Стокгольма до Фарста — двадцать минут езды в метро.

По устройству этот посёлок напоминает Воллингби, но производит лучшее впечатление благодаря большим размерам и особенно красивому окружению. Как и Воллингби, он состоит из огромных жилых зданий, как будто вбитых в гранитное основание. Но эти здания лучше вкомпанованы в естественную среду и образуют в некотором смысле составную часть разнообразного и естествен-

ного пейзажа. В центре посёлка, вокруг огромной площади, стоят большие магазины, филиалы стокгольмских универмагов; это здания относительно небольшой высоты и разнообразной архитектуры. Внутреннее хозяйство этих магазинов, склады и подъездные пути находятся ниже уровня посёлка; в частности, здесь использованы типичные для Стокгольма туннели, пробитые в скалах.

Фарста — первый в Швеции жилой район, пользующийся мирными завоеваниями атомной эпохи. На расположенной в нескольких километрах к югу атомной электростанции, где установлен первый шведский реактор, вырабатывается электроэнергия, обеспечивающая все потребности Фарста. Впятеро больше энергии используется для нагрева воды, проведённой по трубам отопления в десятки тысяч квартир.

Поёёлки Воллингби и Фарста служат доказательством перемен, происшедших в шведском строительстве за последние пятнадцать лет. В сороковых годах архитектура по необходимости развивалась по довоенным образцам; изоляция страны и недостаток ряда материалов не давали возможности испробовать новые решения, так что сторонники местного колорита и традиции могли быть вполне удовлетворены. Следующее десятилетие принесло явные перемены как в строительстве, так и в устройстве интерьера. Применение новых материалов, таких, как пластмассовые или металлические рамы и большие стеклянные площади, распространение высотных зданий в десять-двадцать и более этажей полностью изменили лицо новых участков и посёлков. С точки зрения технологии и эксплуатации современные материалы обычно подбирались тщательно и целесообразно; хуже обстояло дело с архитектурной стороной возводимых объектов — часто возникали экстравагантные, не приспособленные к шведскому климату строения, механически переносимые на шведскую почву модные иностранные конструкции. Но в середине пятидесятих годов в этом отношении произошёл перелом. Новейшие здания отличаются более тщательно выбранными, индивидуализированными формами, в которых современность не доводится до крайности и простота удачно сочетается с традицией.

Особенно счастливым результатом этого нового направления является приспособление жилых зданий к особенностям местности, о чём уже была речь выше. В центральных районах больших городов высокая цена земли вынуждает более тесную застройку; однако, на периферии столицы и в малых городах легче было позволить себе рассеянное строительство. Урок Воллингби и Фарста в значительной степени состоит как раз в использовании этой возможности.

В последние десятилетия растёт также число односемейных домов. Благодаря этому возникают посёлки, тонущие в зелени и по внешнему виду не отличающиеся от дачных.

Но вернёмся к ГСБ. Эта организация, в шутку именуемая “бабушкой”, наблюдает за всем строительством в масштабе страны. Через собственный банк и с помощью частных банков она обеспечивает строительные кредиты, предоставляемые под залог недвижимости. Ей подчиняются местные “родительские общества”, занимающиеся непосредственной организацией и финансированием строительства, причём прямым исполнителем является, как правило, частная фирма. Наконец, готовые дома передаются в управление “дочерним обществам”.

Квартирная плата в кооперативных домах взимается по принципу: “Твои деньги идут на оплату твоего собственного дома”. “Дочерние общества” состоят из самих жильцов, что является дальнейшим стимулом к бережливости и надлежащему уходу за домом, и окружающей площадью.

Квартирная плата должна покрывать административные расходы, амортизацию займов и взносы в ремонтный фонд. Часть квартирной платы идёт на амортизацию дома; из этих отчислений, из единократных вкладов членов кооператива и банковских займов составляются мощные операционные фонды ГСБ.

Второй крупный кооперативный строительный союз — это Шведское Национальное Строительство, сокращённо — СР. Он организован союзом строительных рабочих. Мотивом его создания была массовая безработица в строительных профессиях, вызванная застоем в начале Второй мировой войны. Частный капитал в это время остерегался вкладывать деньги в строительство, между тем как потребность в жилищах отнюдь не уменьшилась. Оставалось лишь заполнить финансово-организационный вакуум, на что и решились строительные профсоюзы. Черпая средства из профсоюзных касс, из государственных и банковских займов, а также из вкладов желающих получить квартиры, СР приступил к строительству в конце 1941 года. За первые пятнадцать лет своего существования СР построил 15 тысяч квартир, главным образом в Стокгольме и его окрестностях. Кооперативные дома не строятся вдоль улиц, а располагаются под углом, по возможности среди зелени и фасадами к солнцу. Как правило, каждая квартира имеет балкон, позволяющий летом пользоваться солнцем. В более крупных посёлках имеются школы, а также необходимые магазины и учреждения, — как в описанных выше посёлках близ столицы.

Хьялмар С., работник большого стокгольмского универмага, и его жена — библиотекарь, после пятилетнего ожидания получили двухкомнатную квартиру в новом кооперативном доме, администрация которого не только занимается эксплуатацией недвижимости, но и организует услуги для жильцов. В 1962 году супруги имели двоих детей, шести и четырёх лет, но их попытки получить большую квартиру в то время не увенчались успехом.

Уходя утром на работу, супруги С. оставляют детей в детском саду, принадлежащем их дому; там дети находятся под квалифицированным надзором, получают основное утреннее питание (ленч) и второй завтрак. Общая плата за всё это составляет около восьми крон в день за каждого ребёнка. По возвращении с работы всё семейство обедает в принадлежащей их дому столовой, что обходится в 10 крон (на всех вместе). За стирку и другие услуги следует почасовая оплата имеющимся для этой цели сотрудникам, согласно установленному тарифу. По воскресеньям и праздникам семья питается у себя дома. Таким образом, администрация удовлетворяет основные повседневные потребности своих жильцов; цена этих услуг доступна даже для людей со скромными заработками. Когда я, однако, спросил супругов С., приводят ли этого рода связи с администрацией и соседями к образованию более близких отношений между жильцами дома, то получил отрицательный ответ. Жильцы знают друг друга только с виду; их ничто не соединяет, кроме кивка вежливости при случайной встрече, и они мало что знают друг о друге. — Нас связывают, — прибавил с улыбкой г-н С., — лишь конкретные потребности. Когда однажды в воскресное утро я вышел с лопатой, чтобы очистить от снега детский каток, то не прошло и двадцати минут, как ко мне присоединилось семь других жильцов, так что площадка была приведена в порядок менее чем за час. Когда же мы разошлись, то знали друг друга не больше, чем до этого...

Перед Второй мировой войной была тенденция строить дома для специальных категорий жильцов. Например, были дома для мало зарабатывающих, для многодетных семей, для пенсионеров, и, наконец, для женщин (так называемый Дом Женщин в Стокгольме). Это четырнадцатизэтажное здание в центре горда, состоящее из однокомнатных квартир и предназначенное для одиноких женщин с низкими заработками. По поводу него циркулировали нескончаемые сплетни; дом был даже увековечен в литературе. Правда, женщина, написавшая о нём повесть, сделала оговорку, что любые аналогии с действительными ситуациями следует рассматривать как

совершенно случайные, администрация же дома уверяла, что его обитательницы — серьёзные женщины, не имеющие времени на любовные приключения и прочие глупости... Тем не менее, за домом установилась незавидная репутация. Так или иначе, политика строительства домов для определённых групп населения, в особенности для людей с низкими заработками, была оставлена как недемократическая и вредная для общества. Всякого рода гетто приводят к вырождению; правильнее всего соединять людей, представляющих среднюю выборку из общества. Даже строительство специальных домов для пенсионеров столкнулось, как мы уже упоминали выше, с серьёзными возражениями общественного мнения. Не вызывают упреков и по-прежнему строятся лишь студенческие общежития вблизи высших учебных заведений; впрочем, студенческие квартиры, как и другие квартиры особого назначения, (например, специально оборудованные для инвалидов), строятся также в обычных жилых домах.

В наше время, когда “популяционный взрыв” и возрастающие запросы людей выдвигают жилищные проблемы на первый план, шведские условия могут показаться, чуть ли не идеальными; может даже сложиться впечатление, что описанные выше трудности, например, значительное число семей, живущих в квартирах ниже установленного стандарта, — скорее проявление повышенных запросов, чем обоснованных потребностей. Но следует иметь в виду, что прирост населения в Швеции крайне низок; что эта страна избежала обеих мировых войн; что её промышленность и всё народное хозяйство в течение десятилетий развиваются равномерно и, в основном, успешно. Поскольку каждая средняя семья здесь имеет автомобиль, пользуется медицинским обслуживанием, обеспечивается в старости, в высокой степени использует машины и приспособления, облегчающие повседневную жизнь, и всякого рода достижения цивилизации, — неизбежно возникает вопрос, почему наблюдается столь чувствительный недостаток жилищ, отвечающих принятым стандартам. Каждая шестая семья имеет загородный дом, и на каждом шагу встречаются пожилые супруги или одинокие люди, занимающие многокомнатные квартиры; таким образом, нехватка жилья не связана с недостатком денег, технических средств или материалов. Причина состоит в том, что инвестиционная деятельность государства всё ещё остаётся слабой: между тем, оно может с помощью надлежащей системы налогов, льгот и субсидий направить необходимые средства на самый отсталый участок хозяйства — жилищное строительство. И хотя на строительство отводятся всё большие сум-

мы, различие между богатыми и бедными ярче всего проявляется как раз в жилищах. Пройдёт ещё много времени и понадобится много перемен, прежде чем это различие будет устранено.

Традиции и праздники

Национальные традиции ни в чём не проявляются столь выразительно, как в праздниках. Присмотримся же и к этой стороне шведской жизни, мало известной иностранцам. Начнём с весны — времени года, в этой стране особенно сильно действующему на воображение.

Первые солнечные дни. На улицах — тающий снег и лужи. На скамьях, на лестницах, на изгородях вокруг домов сидят старые и молодые люди. Глаза их закрыты, неподвижные лица подняты вверх. Это поклонники солнца. Таковы все жители этой страны, как шведы, так и иностранцы, пробывшие здесь хотя бы одну зиму. Жаждающие тепла и света, они выходят на улицу и с наслаждением впитывают в себя солнечные лучи, предвестники наступающей весны, а вместе с нею и первого весеннего праздника — пасхи. Пасха, наравне с рождеством, — это праздник, изобилующий традициями. Одна из них, как и у нас в Польше, — расписывание, украшение и... съедение яиц, с той разницей, что в Швеции их поедают не в первый день праздника, а на великую субботу. В некоторых семьях в этот день происходит своеобразное соревнование: кто больше съест. Нередко съедают десять или двадцать яиц.

Тридцатого апреля — день встречи долгожданной весны; торжество это называется Вальпургиевой ночью. Кульминационным пунктом этих полужыческих обрядов является возжение огромных костров, у которых собираются толпы людей. Песни и танцы вокруг огня иногда длятся до рассвета. Точный смысл обряда возжения костров неизвестен, но полагают, что некогда он служил чем-то вроде защиты от злых духов. А может быть, их пламя должно было напоминать тепло солнечных лучей?

Традицией стали также весенние торжества у студентов. В последний день апреля улицы Упсалы, Лунда, Стокгольма, Умео наполняются студентами в белых шёлковых шапочках; кое-где в толпе виднеются пожелтевшие студенческие шапочки бывших студентов, приехавших встретить очередную весну в своём университетском городе вместе с молодыми коллегами. Ровно в три часа пополудни в толпе студентов, собравшихся под стенами университета, раздаются радостные восклицания, тысячи шапочек взлетают вверх. Потом всё вдруг смолкает. На подмостки поднимается оратор. Ветер уносит его слова, но последние всё же доносятся до слушателей: “Да

здравствует наша северная весна!” И в ответ из тысячи уст вырывается “Ура!” и “Да здравствует!” Вспыхивают костры, взрываются петарды, и начинается праздник, продолжающийся до поздней ночи. Весна провозглашена официально, пусть же она наступит! Все готовы встретить её!

Следующий день, первое мая, — также праздник, государственный праздник, свободный от работы и учения. В средневековых шведских городах бюджетный год начинался первого мая; в этот день впервые после зимы выпускали скот на выпас. Целые столетия в крестьянских общинах первое мая было началом административного года. В этот день, считавшийся началом лета, жители городов и деревень проводили свободное время вне дома, в лесах, у озёр или у моря. В XIX веке королевская семья отправлялась в этот день в Дьюргорден, самый большой и красивый естественный парк в Стокгольме, при восторженных приветствиях собиравшихся там граждан столицы.

С 1890 года этот день стал в Швеции также рабочим праздником, который весьма торжественно встречается по сей день. Везде красные флаги, духовые оркестры, звуки “Интернационала”. Колонны, составленные из членов различных профсоюзов, торжественным маршем проходят по улицам города. На плакатах лозунги: “Долой колониальное угнетение!”, “Мир во Вьетнаме!”, “Не хотим войны!” Среди красных знамён развеваются также жёлто-голубые государственные флаги. Митинги в Стокгольме уже много лет проводятся на больших лугах под названием Гордет. Традиционную речь произносит премьер-министр. Он рассказывает о важнейших достижениях прошедшего года, излагает планы на будущее, нападает на политических противников. Эти официальные торжества являются стихийными развлечениями, продолжающимися весь день, с преимущественным участием молодёжи.

После официальной части начинается майский карнавал. Толпы молодых людей в самых фантастических головных уборах заполняют улицы. Девушки и юноши в соломенных шляпах, цилиндрах, котелках, к которым прикреплены разноцветные помпоны, в одиночку или группами прогуливаются, дружески приветствуемые публикой. Если Вы спросите, почему вся эта возбуждённая молодёжь слоняется по улицам в столь удивительных нарядах, вместо того чтобы сидеть в школе, Вам ответят, что у них тоже сегодня праздник — праздник выпускника, а вернее студента. Они имеют право развлекаться, потому что сдали письменный экзамен. Оказывается, с конца апреля до начала июня ученики старших классов средней

школы сдают экзамены на аттестат зрелости, называемые здесь студенческими экзаменами (*студентэкзамен*). Хорошие результаты в этих экзаменах дают право на поступление в высшие учебные заведения; они состоят из двух частей — письменной и устной. Так вот, молодые люди, только что успешно прошли первый этап; тотчас же после объявления итогов они надевают эти странные головные уборы в знак того, что допущены к устному экзамену.

У каждой школы свой собственный образец шляпы, а странные украшения имеют определённый смысл: большой помпон означает букву *A* — отличный результат, плюмаж букву *B* — хороший, а пряжка букву *C* — удовлетворительный. Отсюда ясно, почему встречают овациями юношей и девушек, гордо выступающих с укреплённым на шляпе помпоном.

Радость длится, впрочем, недолго, поскольку этих молодых людей ожидает ещё очень трудное испытание — устный экзамен. Он производится в присутствии целой коллегии учителей, а также контролёра, назначенного Департаментом Просвещения (обычно это известный профессор или педагог). Обязанностью этого контролёра, представляющего университет, является наблюдение за уровнем знаний лиц, получающих аттестат зрелости и намеренных приступить к высшему образованию. От него, в конечной инстанции, зависит не только положительный результат экзамена, но, что ещё важнее, окончательная оценка, т. е. общая сумма очков. Эти магические очки могут решить, попадёт ли обладатель аттестата зрелости на выбранное им отделение. В жизни молодого шведа и его семьи *студентэкзамен* — исключительный день, полный напряжения, ожидания и беспокойства. Перед школами собираются родители, коллеги и родственники. После объявления результатов раскрываются с грохотом двери, и из них выбегают новоиспечённые студенты с белыми шапками на головах, очевидно, заранее приготовленными. Они сразу же погружаются в толпу близких, осыпающих их цветами. Над головами собравшихся мелькают ноги юношей и девушек, трижды подбрасываемых в воздух. Затем торжественная процессия направляется домой. Никто из победителей не возвращается пешком, даже если он живёт рядом со школой. Для доставки виновников торжества служат разукрашенные экипажи, вагончики, мотоциклы, рикши, нередко даже тачки; по обе стороны движутся родные и друзья, провожая своего героя домой. Праздник длится весь следующий день.

Выйдя на улицу с утра шестого июня, Вы сразу поймёте по её виду, что это праздничный день. Шестое июня — государственный праздник, точнее, праздник государственного флага (*Флагганс Даг*, День Флага); установлен он недавно, лишь во время Первой мировой войны. Улица утопает в наводнении желто-голубых полотнищ, напоминающих своими цветами хлебные поля и озёра, песчаные дюны и море или, может быть, волосы и глаза прекрасных шведских девушек. В этот день после полудня на большом стокгольмском стадионе происходит торжественная церемония при участии короля, с шествием и речами. Король играет в этом празднестве особую роль; различные организации и учреждения получают из его рук шёлковые государственные флаги в знак благодарности и отличия.

В июне дни всё длиннее, всё больше света. Ночь с двадцать второго на двадцать третье самая длинная и светлая, а день двадцать третьего июня, кажется, вовсе не имеет конца. Шведы называют его *Мидсоммар* (Средина Лета) и радостно празднуют этот день по всей стране. На севере страны примерно в одиннадцать часов вечера солнце медленно близится к горизонту, как будто намереваясь на мгновение за ним скрыться, но затем, на миг остановившись, меняет направление и очень медленно направляется к зениту. Это зрелище — восход не зашедшего солнца — поистине захватывает дух.

Двадцать третьего июня все жители городов, посёлков и деревень справляют праздник в честь лета и солнца. Этот праздник ближе всего сердцу шведа, большую часть года тоскующего по свету и теплу. Но радость эта — с оттенком лёгкой грусти и раздумья, ведь солнце, находящееся теперь в зените, станет медленно и неотвратимо убавлять своё сияние и тепло, пока не наступят снова зимние дни, когда оно лишь ненадолго будет появляться в небе, скрытое густым туманом. Надо вполне насладиться этим днём. Ворота домов, трамваи, железные дороги, такси и частные машины — всё украшено свежими зелёными веточками вербы. Когда-то в эту ночь люди шли в лес напиться воды из источника, укрепляющей силу и здоровье. Центром празднества, особенно в небольших селениях, служит украшенный цветами столб, установленный по правилам старинного обряда. После полудня вокруг столба танцуют. Старики танцуют старинные танцы под музыку струнных инструментов; молодёжь всё чаще пользуется случаем развлечься по-своему, согласно нынешней моде.

Столичная молодёжь справляет свои праздники в Скансене. Но серьёзное настроение, господствующее в этом музее, не способствует развлечениям. Дело в том, что Скансен, предмет законной гордости

шведов, — это старейший и, пожалуй, знаменитейший в мире музей на открытом воздухе, живое свидетельство прошлого страны. Он основан в 1891 году и является частью Северного Музея (*Нордиска Музеет*), дополняющей его этнографические и исторические собрания. Жители Стокгольма и туристы прогуливаются среди старых домов, живописно разбросанных по обширному парку. В этих домах хранится в неприкосновенном порядке мебель, домашняя утварь, кухонная посуда; женщины в мужчины, одетые в народные костюмы, вяжут шерсть на старинных пяльцах, мелют муку из зерна и выполняют ряд других хозяйственных операций старыми орудиями. Возникает впечатление безусловной подлинности.

Среди двадцати пяти собранных в Скансене домов можно увидеть крестьянские избы почти всех провинций страны, ферму XVII века, лапландский шатёр, ремесленные мастерские, деревянные церкви. В одной из этих церквей, перенесённой из Сеглоры, по воскресеньям правят службу; считается хорошим тоном совершать в ней брачные церемонии.

В этом необычном окружении устраивают фестивали с народными танцами и музыкой. Современность представлена здесь новейшим искусством и предметами широкого потребления. В Скансене имеется также собственный зоологический сад, где животных содержат в условиях, близких к природе. Летом почти каждый вечер посвящается здесь какому-нибудь музыкальному, театральному или спортивному мероприятию. Этот необычный музей стремится сочетать современность с национальной традицией.

Следующий праздник, шумно и весело проходящий по всей Швеции, — это Праздник Раков. Дело в том, что в начале XX века были введены охранительные правила, запрещающие отлов раков до седьмого августа. По этой причине всю ночь с седьмого на восьмое августа в каждой реке, ручье или озере ставят сети для раков. А день восьмого августа, когда подаётся на стол это излюбленное шведское угощение, стал праздничным днем. После него во всей Швеции неделями поедают раков, конечно, в соответствующем традиционном оформлении. В цветных домах, в садах и на верандах, в деревенских трактирах и городских ресторанах развешивают цветные фонари; при свете их и происходят раковые пиршества. Столы накрыты бумажными скатертями пурпурного цвета; на них устанавливаются огромные миски раков. Их варят с обильным добавлением укропа и едят в холодном виде. В этот вечер этикет за столом несколько ослабевает, и не так уж обязательно пользоваться традиционными столовыми приборами. Всё удовольствие состоит в выса-

сывании мяса. Известно также, что раки намного вкуснее, если они не просто плавают в солёной воде с укропом, а вдобавок запиваются изрядным количеством водки и пива. *Скол* — за здоровье гостей, *скол* — за здоровье хозяев и *скол* — за здоровье раков, так хорошо уродившихся в этот год.

Праздник Раков — не единственное кулинарное торжество; есть ещё десятое ноября — день святого Мартина, покровителя гусей. В этот день на стол непременно подают сочного, золотисто поджаренного гуся, а перед ним едят вкусно приправленную бруснику. Традиция эта особенно популярна в Скании, на юге Швеции.

С этого дня до рождества ничто не прерывает спокойного течения повседневной жизни. Монотонные дни скрашивает лишь мысль о самом длинном праздничном времени, длящемся свыше двух недель. В каждое воскресенье рождественского поста зажигают свечи; в окнах сверкают большие звёзды, вызывающие предпраздничное настроение. Это настроение усиливается видом улиц, сияющих огнями и светящимися украшениями. Цепи электрических лампочек, развешанные над мостовой, образуют разноцветные гирлянды, в которые вплетены огромные жёлтые пылающие звезды. Над каждым магазином укреплены высокие ёлки из зажжённых лампочек. Изобретательность в украшениях и в освещении ранних сумерек и долгих вечеров, кажется, не имеет границ. В магазинах необычайное оживление, лихорадочные покупки, длящиеся несколько недель. Дело в том, что в Швеции покупают подарки не только для ближайших родственников, но и для друзей и знакомых. Поэтому мужчины и женщины неделями ходят навьюченные пакетами и свёртками, сгибаясь под тяжестью весьма тщательно выбранных рождественских сувениров, так называемых *юлклаптар*. Лихорадочное и беспокойное настроение проходит лишь в последний день.

Но прежде чем начнётся долгожданный и задолго подготовленный праздник рождества, наступает день святой Люции. Неизвестно, как проник в Швецию культ этой святой из Сиракуз. Есть легенда, исходящая из Вормланда, западной провинции Швеции: был большой голод, и однажды на озере вдруг появился корабль, наполненный снедью. На нём была молодая женщина, раздававшая пищу голодным. До недавнего времени празднества, связанные с днём святой Люции, ограничивались этой провинцией и соседними местностями. Теперь этот день празднуют повсюду, как в семьях, так и в школах, учреждениях, больницах. Он приходится на тринадцатое декабря, когда между рассветом и сумерками всего четыре часа полумрака.

Люция, в белом платье, опоясанном красным шарфом, в короне из сияющих звёзд, рано утром входит в комнату, неся на подносе особого рода печенье и кофе. Таким образом будят своих домашних, жильцов в гостиницах и госпитальных больных; свечи Люция символизируют солнце, рассеивая мрак самого короткого дня. В наше время этот красивый праздник солнца приобрёл в Швеции коммерческий характер. Ежегодно производятся выборы местных, областных и национальных Люций. Этому последнему мероприятию покровительствовал до своего закрытия официальный орган Социал-демократической партии «Стокгольмс-Тиднинген». На страницах этой Газеты в течение ряда недель помещались фотографии девушек со всей Швеции, претендовавших на почётное звание «национальной Люции». Счастливая избранница, известная всей стране по газетам и телевидению, становится чем-то вроде королевы. В канун праздника своей покровительницы она совершает шествие по улицам Стокгольма во главе торжественной процессии, в белом платье и традиционной короне. Газеты заранее оповещают, по каким улицам пройдёт шествие, и вдоль них собираются толпы любопытных. В день своего праздника Люция занята множеством дел: участвует в денежных сборах на какие-нибудь общественные цели, посещает больных в госпиталях, солдат в казармах, обитателей домов престарелых, всюду выполняя свои традиционные функции. А вечером... Вечером тринадцатого декабря, на традиционном балу в прекрасных залах стокгольмской ратуши, посвящённых нобелевским лауреатам, происходит торжественный акт коронации Люции. Она принимает корону из рук лауреата Нобелевской премии по литературе. С бала она возвращается домой, чтобы продолжать обычную жизнь служащей, ученицы, медицинской сестры или секретаря.

Раз уж мы упомянули о лауреатах Нобелевской премии, нельзя обойти вниманием день десятого декабря. В этот день в 1896 году умер Альфред Нобель, изобретатель динамита и учредитель премий, носящих его имя. Полиглот и мечтатель, проводивший жизнь в труде и непрерывных путешествиях, он разделил в завещании своё состояние на пять равных частей, «в виде награды для тех, кто в истекшем году выказал наибольшие заслуги перед человечеством: в области физики, химии, медицины, литературы и за выдающуюся деятельность в пользу мира». В завещании далее говорится, что «при присуждении наград никоим образом не будет при-

ниматься в расчёт национальная принадлежность”, что “награды получают те, кто их больше всего заслужил, независимо от того, скандинавы они или нет”.

Нобель не указал, кто должен управлять его наследством. Несколько лет продолжались споры, в которых влиятельные группы пытались оспорить завещание: родственники умершего — с целью завладеть деньгами, политические деятели, и среди них король Швеции и Норвегии Оскар II — желая ослабить этим правящую партию и избежать осложнений в отношениях с зарубежными странами. В конце концов в 1900 году был создан Нобелевский фонд, дирекция которого управляет состоянием, предназначая для премий ежегодный доход. Учреждениями, присуждающими премии, являются: Королевская Академия Наук — в области физики и химии, Королевский Каролинский Медико-Хирургический институт — в области физиологии и медицины, Шведская Академия — в области литературы; премии за деятельность в пользу мира присуждает Нобелевский комитет норвежского Стортинга (парламента). При Академиях и Институте, как и в Стортинге, существуют Нобелевские комитеты. Комитет состоит из пяти членов, каждый из которых имеет право предлагать кандидатов к награждению. . . Таким же правом пользуются прежние нобелевские лауреаты, профессора, члены учреждений, присуждающих награды, и т. д. С формальной стороны ни государственные власти, ни политические организации не имеют права предлагать кандидатуры или как-либо влиять на выбор; на практике, однако, лица, наделённые этим правом, обычно располагают достаточным влиянием для поддержки своих кандидатур.

С утра десятого декабря на общественных зданиях и на многих жилых домах вывешиваются флаги. Десять факелов бросают красный отблеск на стройные колонны фронтона Стокгольмской Филармонии. Третий час пополудни; наступают ранние зимние сумерки. При свете дрожащих огней протянутые к небу руки вакханок свиты Орфея, изваянных знаменитым шведским скульптором Миллесом, кажутся ещё длиннее. Около половины четвёртого большие чёрные лимузины правительства и дипломатического корпуса, частные машины к такси начинают непрерывной чередой подъезжать под свод, поддерживаемый колоннами. Из них выходят господа во фраках и накрахмаленных манишках с белыми бабочками, с цилиндрами на голове; дамы в длинных вечерних платьях. Собираются немногочисленные группы любопытных, спокойно наблюдающих ежегодное зрелище. Незадолго до четырёх большой зал филармонии почти по-

лон. Ещё через несколько минут подъезжают два чёрных лимузина, и вскоре члены королевской семьи занимают свои кресла в первом ряду: высокий, хорошо держащийся в свои преклонные годы Густав VI Адольф, младший сын короля принц Бергиль, вдова старшего сына и мать наследника принцесса Сибилла, юный наследник престола Карл Густав, молодые принцессы. Раздаются звуки фанфар и аплодисменты. В присутствии собравшихся гостей начинается торжественная церемония вручения Нобелевских премий в области литературы, физики, химии, медицины и физиологии. В это же время лауреат Премии мира получает её в Осло от представителя норвежского парламента.

Вручению премии предшествует краткая характеристика научной или художественной деятельности лауреата, поручаемая одному из выдающихся представителей этой области. Здесь трудно сдерживать волнение. Ведь среди увенчанных этой наградой — многие, навсегда вошедшие в число великих людей своего народа и человечества. Когда же избранники сходят со сцены Стокгольмской филармонии, чтобы получить из рук короля Швеции нобелевский диплом, золотую медаль и чек на 50 тысяч долларов, им аплодирует цвет научного и артистического мира Швеции и всей планеты. Дальнейшие торжества происходят в ратуше, огромном здании неоготического стиля на берегу моря. Городские власти дают здесь торжественный банкет для знатных гостей в Золотом зале, сияющие стены которого украшены мозаиками на современные темы, выполненные старой техникой. Здесь лауреаты, не стеснённые жёстким протоколом, могут свободно ответить на речи, сказанные в их честь при вручении наград. В заключение происходят танцы и непринуждённые беседы в Голубом зале — очень высоком, опоясанном опирающейся на колонны галереей в виде амфитеатра с лоджией. Мне вспоминается замечание одного из шведских гостей, досадливо разглядывавшего гостей во фраках, увешанных орденами, и разодетых дам; он сказал, что сам Нобель был скромным человеком, избегавшим известности, и что он, быть может, удивился бы при виде способа выполнения своего завещания, сформулированного в весьма общих выражениях... Конечно, пышность и “обрамление” торжества в значительной мере выражают тщеславие богатого шведского общества; отбор лауреатов не свободен от влияния тонких политических соображений, некоторым образом взвешивающим государственную принадлежность кандидатов... Но остаётся тот факт, что в течение ряда лет своей деятельности Нобелевский фонд завоевал себе почётное место в мире и что наряду со зна-

чительными средствами для научных целей он выделяет миллионные суммы для награждения учёных и писателей разных наций.

Со дня святой Люции в Швеции начинаются приготовления к рождеству, символом которого, как и у нас, является разукрашенная ёлка. Обычай празднования ёлки привился в Швеции уже в XVIII веке, но вначале соблюдался лишь в богатых семьях. С начала XX века его переняло всё население страны. Теперь в любом доме, школе и церкви можно увидеть нарядные ёлки. Праздничные деревья с горящими лампами украшают улицы и площади, разгоняя декабрьскую тьму.

Вечером в сочельник собираются родственники и друзья. В середине праздничного стола красуется большая соломенная корона — солома считается символом плодородия. Главным блюдом является *лутфиск* — разновидность сушёной трески, консервируемая щёлоком и имеющая поэтому специфический, довольно неприятный запах.

Уже за несколько недель перед праздниками можно увидеть в рыбных магазинах груды этих сухих коричневых палок, ничем не напоминающих рыбу. Перед варкой или жареньем их приходится довольно долго вымачивать в воде. Это не влияет, однако, на запах, который шведы пытаются отбить, поливая треску соусом, топлёным маслом или горчицей. Следующим традиционным блюдом является окорок, который подают к столу надетым на особую украшенную спицу. Как говорят сами шведы, это триумф язычества над христианством, поскольку первые миссионеры безуспешно пытались отучить шведские племена употреблять на праздники свинину. На десерт подают рис, варёный в молоке с сахаром и корицей. Популярные у нас праздничные пироги здесь не встречаются, но есть всевозможные печенья домашнего приготовления: булочки с корицей и шафраном и имбирные пряники.

Основой праздничного ужина является, впрочем, не *лутфиск* и не ветчина, а *смергосборд* — набор разнообразнейших, самых изысканных мясных и рыбных закусок: здесь встречаются различные сорта сельди в изысканных соусах, большую часть сладких, паштеты, копчёности, *кеттбулар*, то есть мясные шарики в соусе, салаты и многое другое, столь любезное для неба лакомки. У непосвящённых слишком усердное внимание к *смергосборд* может отбить аппетит ко всем другим блюдам.

А после ужина, как и у нас, начинается приятнейшая часть вечера — взаимное преподношение подарков.

Едва прозвучало пожелание “*god jul*”, раздаются слова “*gott nyt or*” — “счастливого нового года!”

Упомянем в заключение новогоднюю традицию, единственную в своём роде и существующую только в Швеции. В стокгольмском национальном парке Скансен происходит в канун нового года церемония, введённая в девяностых годах XIX века. Незадолго до полудня там собираются тысячи людей; они слушают декламацию стихотворения Альфреда Теннисона “Раздайся, звон колоколов”¹. Когда прозвучат слова, слышится звон колоколов тринадцати соборов страны: из старого города в Стокгольме, с западного побережья, с дальнего севера, с юга, из-за средневековых стен Висби на острове Готланд и из многих других мест. Около полувека назад это стихотворение ежегодно декламировал известный актёр Андерс де Валь. Несмотря на участие многочисленной публики, эта церемония не стала бы событием национального масштаба, если бы радио, а в последнее время и телевидение не ввели её чуть ли не в каждый дом. Теперь она является важнейшей частью новогодних праздников.

Тринадцатого января долгий праздничный период оканчивается, и жизнь входит, наконец, в обычные рамки. Звёзды угасают, украшения снимаются, ёлки торжественно выбрасываются на снег, и хотя день теперь удлиняется, контраст между недавней феерией огней в домах и на улицах и их нынешним нормальным видом вызывает впечатление, будто стало гораздо темнее, чем до праздников. Трудно поверить, что бывают когда-нибудь свет, солнце, весна и зелень. Чтобы в этом убедиться, надо дожидаться конца долгой, противной зимы. До конца апреля...

¹В подлиннике по-английски. — *Прим. перев.*

Власть

В воскресенье, 3 сентября 1967 года Швеция перешла на правостороннее движение по дорогам. Левостороннее движение, введённое много лет назад, давно уже стало анахронизмом. Всё больше шведов выезжает в машинах за границу, и всё больше моторизованных иностранцев посещает Швецию. Конечно, реформа потребовала огромной работы и расходов. Приготовления к ней продолжались несколько лет; в самом деле, мало было установить на дорогах миллионы новых дорожных знаков и надписей. Надо было ещё переделать автобусные дверцы, трамвайные остановки, станции метро и входы в них, надо было приучить горожан к перемене направления на некоторых улицах с односторонним движением, изменить навыки водителей и пешеходов...

Уже с осени 1966 года газеты стали говорить о “судном дне” — так называли день, с которого должна была начаться новая транспортная эпоха. Напоминали историю вопроса; как мы не без удивления узнали, он был предметом национального референдума, поддержавшего сторонников реформы, хотя отнюдь не единогласно. Когда же приблизился этот памятный день, печать, радио и телевидение посвятили подготовке публики столько статей и передач, что проблема “X” (от *“xeger”* — правый) почти вытеснила все остальные дела. В магазинах появилось даже мужское бельё с рисунком ткани, состоящим из буквы “X” и стрелки, указывающей переход с левой стороны на правую.

Невольно вспоминается аналогичная дискуссия в начале пятидесятых годов, приведшая в 1954 году к отмене контроля над продажей алкогольных напитков. В конечном счёте вопрос был решён парламентом, но этому решению предшествовала работа специальной правительственной комиссии, назначенной в 1944 году и лишь через девять лет, в 1953 году сформулировавшей свои выводы. Легко себе представить, сколько времени и бумаги поглотили дискуссии в печати, по радио и на всевозможных собраниях!

Способ решения проблем такого рода, степень участия в этом всего общества свидетельствует прежде всего о том, что внутригосударственные дела, организация жизни, вмешательство властей в личные права граждан — всё это перевешивает у шведов интерес к любым другим вопросам, даже международного значения.

В самом деле, на рубеже 1966–1967 года было более чем достаточно событий, способных привлечь внимание каждого мыслящего человека в любой стране... Усиление американской агрессии во Вьетнаме... Вспышка “культурной революции” в Китае... Голод во многих районах мира... Конечно, в печати говорилось и об этом. Но, по сравнению даже с мелкими национальными делами, говорилось немного.

Между тем, как подчёркивают представители старшего поколения, по сравнению с довоенным временем положение стало куда лучше. В тридцатые годы людей интересовали почти исключительно внутренние дела страны: заработки и цены, развитие торговли, спорт... Провинциальная же печать посвящала основное внимание местным событиям, деятельности муниципальных органов и кооперации.

Наибольшую долю ответственности за такую структуру интересов среднего гражданина несёт шведская печать. Ныне она располагает сетью корреспондентов в главных столицах мира и, тем самым, в состоянии информировать читателя обо всём происходящем за рубежом. Однако, шведские журналисты излагают мировую политику преимущественно в форме сухих отчётов. Здесь нет таких газет, как во Франции или в Англии, где мировые события служат примером обширных и проницательных комментариев. Значит ли это, что шведов не интересует ничто происходящее за пределами их страны? Нет. Надо признать, что Швеция вышла за пределы своей прежней изоляции. Повторяющиеся антиамериканские демонстрации в связи с войной во Вьетнаме выражают протест против обострения международного положения одной из великих держав, в то время как другая, соседняя с Швецией, стремится к разрядке напряжённости и миру. Шведы играют активную роль в международной жизни: они участвовали в работе Комиссии по перемирию в Корее, в посреднических действиях ООН (Газа, Конго), сотрудничали с ООН и другими международными организациями. Особенно живо интересуются они развитием отношений между Европейским Объединением Свободной Торговли (популярно именуемым “семёркой”), к которому принадлежит Швеция, и Европейским Экономическим Сообществом (Общий Рынок). Впрочем, здесь входят в игру дела, от которых могут непосредственно зависеть их условия жизни.

Находит ли всё это отклик на страницах газет? Поспевает ли печать за переменами в унастроении молодого поколения, составляющего всё большую часть многомиллионной массы читателей? В

самом деле, не следует думать, что шведы неохотно читают газеты. Напротив, на сто человек населения здесь приходится пятьдесят три экземпляра газет, что ставит Швецию в число стран с исключительно высоким чтением ежедневной печати — впереди Соединённых Штатов и Англии.

Открываю наугад номер “Дагенс Нюхетер” (“Новости дня”) от 20 января 1967 года, состоящий из двадцати двух страниц. На титульном листе — сообщение об инициативе У Тана в отношении вьетнамской войны; в середине номера — несколько сообщений агентств о событиях в Китае (с выдвиганием на передний план сенсационной истории об обнаружении в кабинете Мао Цзедуна подслушивающей аппаратуры), о потерях американцев во Вьетнаме, о визите советских руководителей в Польшу, о вооружённом инциденте между Северной и Южной Кореей. Собственные комментарии скудны и подчёркивают скорее экономическую, чем политическую сторону событий. Редакция не проявляет желаний расширять политическую тематику — может быть потому, что не хочет радикализировать общество, избегая в то же время становиться в оппозицию прогрессивным настроениям? Такое объяснение подсказывается “происхождением” подавляющей части печати, её связями и финансовыми зависимостями. Доминируют внутренние дела. Важные и незначительные, касающиеся всего общества или только некоторых групп. Информация обширна и основательна, уровень журналистской работы — высокий. Высок также технический уровень — типографское исполнение, иллюстрации, формат служат добавочными стимулами для среднего читателя.

Важнее всего, однако, способ и стиль редактирования сообщений, то, что выделяется при этом на первый план. Когда речь идёт о преступности, можно подчеркнуть её социологический или экономический фон, или же ограничиться описанием лишь её видимой стороны. Когда рассматриваются хозяйственные дела, следовало бы представить их на фоне экономики страны и действующих в ней сил; но во многих случаях кажется более броским, более “читаемым” поместить, скажем, биографии главных деятелей, создавая впечатления и влиянию. Иногда, правда, этот персонально-репортажный элемент служит лишь вступлением к анализу вопроса, дополняет или оживляет его, чтобы поощрить читателя внимательно прочесть статью. Но сплошь и рядом печать просто соскальзывает на рельсы обычной погони за сенсацией.

В Швеции часто подчёркивают, что печать здесь совершенно сво-

бодна. Вслед за окончанием последней войны была отменена цензура, и с формальной стороны редакционный штаб газеты под руководством главного редактора может свободно выражать свои взгляды. Как это выглядит на деле, мы ещё обсудим. Во всяком случае, необходимы какие-то гарантии для тех, кто становится предметом внимания печати. Поэтому организации, связанные с печатью — Клуб прессы, Союз издателей прессы и Общество журналистов — создали нечто вроде суда чести, целью которого является охрана граждан от неэтичного, хотя и не выходящего формально за рамки закона, изображения их печатью. Этот суд чести выработал своего рода кодекс, в котором можно прочесть следующее: “Избегай подробных описаний, как совершено преступление”. “О сексуальных преступлениях сообщай лишь в тех случаях, когда они угрожают окружению виновного, или по другим особым причинам”, “Не пиши о самоубийствах или попытках самоубийства, если они не связаны с преступлением или особо удручающими обстоятельствами”, и т. п. На практике, однако, всё это выходит иначе. Большие, сенсационные заголовки, иногда покрывающие всю страницу, — таков неизменный способ привлечения читателя, применяемый почти всеми газетами, особенно вечерними, сплошь и рядом встречаются заголовки вроде следующих: “Шестнадцатилетний убил подругу”, “Два подростка вызвали крушение”, “Удачное ограбление банка”, “Наглый мошенник получил 20 000 по фальшивому чеку” и т. п. И хотя преступность в Швеции ниже, чем в других западных странах, у читателя газеты может сложиться впечатление, будто всевозможные преступления и катастрофы составляют главную часть жизни страны. Сенсация в любом виде, на любую тему заполняет значительную часть места в большинстве газет.

Как же обстоит дело с другими темами? Конечно, говорится немного о политике, гораздо больше об экономике — и всемирной, и национальной, — много о дебатах парламента и кампаниях профсоюзов; далее — спорт и моды, туризм и путешествия, всевозможные новости рынка — прежде всего автомобили и товары длительного пользования, оборудование квартир и семейных домов; новости и небольшие сенсации из жизни двора, особенно касающиеся принцесс на выданье; много о любви, о проблемах молодёжи, о вопросах культуры — особенно о новейшей литературе, музыке и искусстве. Далее, конечно, объявления — универмагов и страховых компаний, банков и туристических агентств — объявления, восхваляющие всевозможные услуги и товары, от автомобилей и готовых домиков, до всякого рода готового платья, от случайных распродаж до ре-

цептов, как похудеть или улучшить форму бюста, и до брачных предложений. Таким образом, газета пытается полностью удовлетворить вкусы любого читателя, но прежде всего — среднего читателя, работающего большую часть дня, заинтересованного в наиболее целесообразном расходовании заработанных денег и в скорейшем повышении внешнего уровня жизни. Этот читатель, замкнутый почти всё время в круге работа — дом — семья, должен найти в газете ответы на все интересующие его вопросы повседневной жизни. И никто не заинтересован в том, чтобы привить ему интерес к международным проблемам.

Такого направления придерживаются столичные газеты с наибольшими в стране тиражами: утренняя “Дагенс Нюхетер” с тиражом в 360 тысяч экземпляров и вечерняя “Экспрессен” с тиражом около 400 тысяч. Это газеты Либеральной партии; обе они точно соответствуют описанному выше образцу, впрочем, типичному для большей части шведской печати.

Когда идёт речь о больших газетах, нельзя, конечно, избежать вопроса, кто же их собственники. Как и во всех капиталистических странах, издание газеты в Швеции требует всё возрастающих расходов, дающих возможность богато иллюстрировать её и добывать для неё привлекательную информацию. Хорошо известно, что единственной опорой любой газеты служат объявления, поскольку цена её — при большом объёме — часто не покрывает даже стоимости бумаги и печатания.

“Дагенс Нюхетер” и “Экспрессен” в этом смысле типичны. Принадлежат они Альберту Боньеру, который является также собственником крупнейшего издательства иллюстрированных журналов “Ален и Окерлунд”, а также важнейшим в Швеции издателем художественной литературы. Кстати сказать, семейство Боньер принимает участие также в разных видах промышленности — бумажной, полиграфической, судостроительной и других; но специализируется оно в издательском деле. И хотя теоретически издавать газету может каждый желающий — поскольку цензуры не существует — трудно себе представить, чтобы на практике мог издавать газету кто-нибудь иной, нежели крупный капиталист или располагающая средствами политическая партия.

Либеральная партия (официально называемая Народной) объединяет главным образом среднюю буржуазию и проводит курс на беспрепятственное развитие частного предпринимательства, невмешательство государства в экономику и умеренную социальную политику (этот последний пункт включается для того, чтобы не отпуг-

нуть небольшую часть рабочего класса, привлечённую лозунгами свободы и неограниченной игры экономических сил). Долголетний предводитель партии Бертиль Олин — известный профессор экономики, воспитатель ряда поколений молодёжи, теоретик свободного предпринимательства и невмешательства государства в экономическую деятельность. Партия собирает 17,2% голосов избирателей (1964) и располагает соответствующим числом депутатов во второй палате парламента, замещаемой по всеобщей и пропорциональной избирательной системе. Однако, доля либеральной прессы по отношению ко всей шведской печати превышает 46%. Иными словами, хотя швед и голосует за социал-демократов, он читает либеральную газету, поскольку она всегда под рукой — и, сверх того, он находит в ней более скорую и точную информацию, лучшее графическое оформление, больше привлекающих внимание объявлений и захватывающих сенсаций.

Может ли такое положение оставаться неизменным в течение многих лет? Не допускает ли правящая партия серьёзной ошибки, не оказывая противодействия влиянию либеральных газет? Ответить на эти вопросы может лишь будущее. Но даже среди членов социал-демократической партии часто можно услышать критику беспечной политики руководства по отношению к своей собственной печати. Критика эта и в самом деле вполне обоснованна. Ещё в 1958 году социал-демократы имели в столице три крупных газеты. «Моргон-Тиднинген» («Утренняя Газета»), «Стокгольмс-Тиднинген» («Стокгольмская Газета») и вечернюю «Афтонбладет» («Вечерняя Газета»). Первая из них считалась неофициальным органом партии, а две другие, в течение четверти века либеральные, были в 1956 году куплены правлением профсоюзов у прежнего владельца, промышленника Торстена Крюгера. После этого они стали органами профсоюзов, которые, наряду с кооперацией, являются главной политической опорой социал-демократов.

28 октября 1958 года «Моргон-Тиднинген», выходящая с 25 сентября 1885 года, достигла рекордного объёма: номер содержал 72 страницы. Но это был грустный рекорд! Редакция сообщила читателям о ликвидации газеты вследствие финансовых трудностей. Роль полуофициального органа партии приняла на себя «Стокгольмс-Тиднинген».

Таким образом, общемировой процесс вымирания газет нанёс чувствительный удар социал-демократической печати — печати правящей партии. Это удивительное и труднообъяснимое явление, тем более что «Моргон-Тиднинген» оказалась лишь началом ряда

аналогичных явлений... Четырьмя годами позже социал-демократическое издательство “Тиден” продало уже упомянутому выше концерну “Ален и Окерлунд” свой единственный иллюстрированный журнал “Фолкет и Билд” (“Общество в иллюстрациях”). Конечно, процесс концентрации печати не ограничился этими изданиями; в течение послевоенных лет было ликвидировано свыше шестидесяти из них, при одновременном росте общего тиража прессы почти вдвое. Однако, никто бы не поверил, что правящая партия поступится и своим главным органом “Стокгольмс-Тиднинген” точно так же, как торговец избавляется от нерентабельного товара. Дело в том, что профсоюзы не решились принять на себя миллионные потери. Вместо этого они попытались приспособить газету ко всё более распространённым в обществе вкусам. Был изменён формат, увеличено число репортажей и иллюстраций, занялись организацией разных конкурсов — например, ежегодным выбором читателями “святой Люции”. Но всё это мало помогло, и на штопку газетного бюджета уходили всё новые миллионы из профсоюзных касс. В конце концов это стало слишком обременительным, и ещё через четыре года “Стокгольмс-Тиднинген” разделила участь своих предшественников. После этого у социал-демократов осталась в столице лишь вечерняя полусенсационная “Афтонбладет”, содержащаяся, как, впрочем, и вся вечерняя печать, больше на выручку от продажи, чем за счёт объявлений. С точки зрения партийного руководства, роль центрального органа партии приняла на себя выходящая в Мальме “Арбетет” (“Голос Труда”) крупнейшая социал-демократическая газета вне Стокгольма. Столица же осталась без ежедневной утренней социал-демократической газеты.

Между тем, социал-демократическая печать боролась за политические и экономические права рабочих, когда ещё не было партии, и когда ни один социал-демократ не заседал в парламенте. Сейчас уже легендарный пионер социалистического движения и долголетний премьер Хьялмар Брантинг был журналистом; в 1886 году он взял на себя редактирование тогдашней газеты “Сосиал-Демократен”, и этот год считается началом великого политического движения. Правда, официально партия организовалась тремя годами позже; но никто не сомневался, что первой выразительницей требований рабочих была печать, а партия уже потом. Когда в дальнейшем в местных центрах возникали партийные комитеты, вслед за ними начинали выходить газеты; достаточно упомянуть хотя бы основанную в 1892 году гетеборгскую “Ню Тид” (“Новое Время”). Печать и общественная деятельность помогли тому же Брантингу войти в

1897 году в парламент первым представителем социал-демократов. Из печати вышел также второй великий руководитель шведской социал-демократии Пер Альбин Ханссон, министр в двух кабинетах Брантинга и долголетний премьер (1932–1946). Наконец, и третий предводитель шведской социал-демократии, Таге Эрландер, занимающий пост премьера непрерывно с 1946 года по сей день, был учителем, деятелем образования и издателем.

Все выдающиеся деятели Социал-демократической партии — выходили ли они из печати, из кругов интеллигенции или из профсоюзного движения — придавали особое значение возможно более регулярным контактам с рядовыми членами партии; возможно, что именно такие контакты в известной мере заменяли или дополняли воздействие печати. Надо иметь в виду, что членами партии становились либо индивидуально, либо по решению коллектива. Достаточно было принятого большинством голосов постановления отраслевого профсоюза о вступлении в партию, чтобы членами её стали все члены союза, даже отсутствовавшие на собрании. Таким образом, профсоюзы стали — и остались до сих пор — главной опорой партии. Профсоюзная печать, тиражи которой значительно превосходят тиражи не только социал-демократических, но и большинства других газет, является таким образом мощным союзником в распространении социал-демократической идеологии и политической линии. Достаточно привести в качестве примера орган союза металлистов “Металларбетарен” (“Металлист”) с тиражом почти в 330 тысяч экземпляров, читаемый не только металлистами и поддерживаемый на высоком уровне — общем и культурном. Наконец, активно действуют в печати и профсоюзы работников умственного труда, объединяемые Центральной Организацией Умственных Работников; последняя включает также некоторые отраслевые организации. Одной из них является Союз Работников Промышленности, выпускающий периодическое издание “Индустрильстеманнен” (“Работник Промышленности”) тиражом, свыше 100 тысяч экземпляров, другой — Союз Шведских Работодателей — издаёт ежемесячный журнал “Индустриа”.

Стиль политической работы и социальное происхождение руководителей движения в ряде случаев сокращают дистанцию между государственными деятелями и средним гражданином. Нынешний министр иностранных дел Торстен Нильссон — сын каменщика из южной Швеции. В качестве профсоюзного активиста он пришёл в политику, занимая последовательно должности министра без портфеля, министра связи, обороны, социального обеспечения, наконец

— иностранных дел, проходя таким образом поочерёдно ступени правительственной иерархии. Это простой в обращении и непосредственный человек. Не случайно он внёс в иностранную политику больше энергии и динамизма, чем его предшественник, типичный “профессор” Унден.

Чрезвычайно любимым и популярным политическим деятелем, доведшим до наивысшего уровня престиж и влияние шведской социал-демократии, был премьер Швеции Пер Альбин Ханссон. Он прожил всю жизнь в рабочем предместье Стокгольма. 9 октября 1946 года ему стало плохо при выходе из трамвая, когда он возвращался с приёма в честь норвежского короля, посетившего с визитом Стокгольм. Прохожие, поспешившие на помощь незнакомцу, тотчас узнали своего премьера, но всякая помощь была уже напрасной.

Помню моё собственное изумление, когда на одной из людных улиц Стокгольма я увидел нынешнего премьера Швеции Таге Эрландера, выходящего из такси и расплачивающегося по счётчику. Шведские друзья объяснили мне, что это вполне естественно: очевидно, он ездил куда-нибудь по своим частным делам. Случилось мне также встретиться в праздник рождества, который я проводил в небольшом пансионе близ Стокгольма, со шведским министром юстиции Германом Клинтон, который был там с женой и сыном. Как было видно из разговора, зимой он держал свою машину в гараже, а потому приехал в пансион на такси. Такое поведение считается здесь вполне естественным. Даже король — говорят в шутку шведы — проникся демократическими формами общественной жизни: можно видеть его прогуливающимся без эскорта по улицам города, особенно по приморской улице Страндвоген, между королевским дворцом и известным парком Скансен. Впрочем, само общество облегчило королю эту демократизацию, отказавшись от официального акта коронации... по соображениям экономии. Ни нынешний шведский монарх, ни отец его не были коронованы, а регалии королевской власти мирно почивают в дворцовой кладовой. Впрочем, нынешний король — довольно нетипичная личность в мировой семье монархов. Густав VI Адольф, отметивший 11 ноября 1967 года свою восемьдесят пятую годовщину, вступил на трон в возрасте шестидесяти восьми лет, после смерти своего отца Густава V. До этого он занимался археологией и пользовался превосходной репутацией среди специалистов. Он участвовал и руководил рядом археологических экспедиций в Грецию, Египет и Китай. Как и в науке, он проявляет трудолюбие и тщательность при исполнении своих королевских обязанностей.

К числу заурядных сообщений печати принадлежит, например, изложение жалобы, внесённой в жилищную комиссию премьер-министром Эрландером: он требовал от хозяйки дома, где проживает, ремонта своей квартиры, откладываемого с года на год (кстати сказать, процесс этот премьер проиграл). Можно увидеть фотографию того же премьера в отпуске, в так называемой шведской деревне в Италии, где он изображён исполняющим национальный гимн ударами палочки по стаканам с водой — к удовольствию группы товарищей-туристов.

Естественно, постоянный контакт руководителей с обществом не сводится к таким случайным встречам. Министры регулярно встречается со студентами, представителями экономических кругов и, конечно, рабочими. Контакты журналистов с органами власти имеют неофициальный характер. Пресс-конференции бывают редко: но если главный редактор газеты хочет посоветоваться о деле, которое кажется ему деликатным, то он может поговорить по телефону с премьером или с кем-либо из членов кабинета. Когда предстоит принять важные решения, особенно в экономических вопросах, правительственные контакты не ограничиваются пределами собственной партии. Перед вступлением Швеции в Европейскую Организацию Свободной Торговли премьер пригласил в правительственную резиденцию Харпсунд под Стокгольмом не только заинтересованных министров и специалистов по экономике, но и представителей промышленности, торговли, банков, а также виднейших деятелей других партий — кроме коммунистов. Подобные совещания проводятся время от времени с целью показать обществу, что правящая партия не просто вырабатывает решения в собственном кругу, но пользуется советами других групп, принимая во внимание их требования. Конечно, такая практика лишь подтверждает и без того известный факт, что социал-демократы далеки от какого-либо общественного радикализма. Другим примером того же метода уступок и компромиссов являются встречи между представителями руководящих органов Профсоюзного Центра и Союза Работодателей. Встречи эти, проводимые по соглашению от 1938 года, имеют целью урегулирование спорных вопросов и недопущение открытых распрей. В послевоенные годы предметом этих встреч и переговоров была, главным образом, заработная плата: на определённый период времени устанавливались по соглашению заработки в отдельных отраслях промышленности, торговли и услуг. Насколько они должны быть повышены, зависело от трудных и долгих переговоров, часто растягивавшихся на недели и доставлявших печати излюбленную тему

для комментариев. Иногда кажется, что всё на волос от разрыва... но в конечном счёте всегда удаётся договориться, и за крайне редкими исключениями (в 1966 году бастовали служащие администрации, учителя и пилоты САС — Скандинавской Авиакомпании) удаётся соблюсти принцип “общественного мира”. Этот принцип состоит в урегулировании общественных претензий за столом переговоров, с исключением забастовки как средства нажима. Традиционный в Швеции и других скандинавских странах симбиоз труда и капитала является выражением гибкости, а бесспорно и уступчивости социал-демократов по отношению к буржуазии, вследствие чего не бывает сколько-нибудь серьёзных общественных конфликтов и исключаются потери продукции, всегда сопровождающие забастовки. Не случайно такое положение вещей вызывает зависть в других капиталистических странах.

Социал-демократы — типичная реформистская партия, что они и сами, впрочем, неизменно подчёркивают. Партия эта принадлежит ко Второму Интернационалу и поддерживает в связи с этим активные контакты с социалистами стран Западной Европы, в особенности с английской Лейбористской партией и с Западногерманской Социалистической Партией (СПД). В своей программе она официально отрёклась от какого-либо общественного радикализма, провозгласив, что для преуспевания общества решающее значение имеет не форма собственности, а эффективность экономики и справедливое распределение дохода. Ясно, что подобная программа устраивает не всех рабочих. Более радикальные тенденции выражает Коммунистическая Партия Швеции, реально представляющая здесь левое крыло общества.

Левое течение среди социал-демократов наметилось ещё до Октябрьской революции. Его немногочисленные, но хорошо организованные сторонники выдвигали требования общего повышения заработной платы, введения восьмичасового рабочего дня, упразднения аристократической высшей палаты парламента, политического равноправия обоих полов, амнистии политических заключённых. Левые социал-демократы имели собственную газету “Политикен”, но ещё в 1914 году не были представлены в парламенте. Однако, уже в 1917 году им удалось получить одиннадцать парламентских мандатов. Выборы происходили во время сильнейшего кризиса, истощённой блокадой экономики, безработицы и голода, после уличных демонстраций (тринадцатитысячный поход рабочих к парламенту 5–6 июня 1917 года, организованный обоими направлениями социал-демократии) и столкновений с полицией. Но Брантинг,

самый влиятельный в то время вождь социал-демократов, не допустил решающей схватки. После выборов, в результате которых пало правое правительство Свартса, партийное большинство под руководством Брантинга согласилось на сотрудничество с либералами, получив четыре министерских портфеля во вновь образованном кабинете. С этого времени левая социал-демократия пошла своим отдельным путём, сохраняя прямые контакты с руководителями русской революции. В декабре 1917—январе 1918 года лидеры левых во главе с Хеглундом посетили революционный Петроград и могли наглядно убедиться в успехах нового общественного строя России. В следующие годы левая социал-демократия значительно усилилась; летом 1919 года она насчитывала 150 000 членов. Их представительство в парламенте, однако, уменьшилось, поскольку уже в то время в традиционно антирусском шведском обществе голоса, прежде поддерживавшие левых, разделились между центром и правым крылом социал-демократии, либералами и аграриями. Это же положение, с небольшими отклонениями, сохраняется до сих пор. Трудящиеся, в особенности рабочие, сосредоточены главным образом в рядах Социал-демократической и Народной партий — во всяком случае, поддерживают их на выборах. В марте 1921 года левые социал-демократы, в конце концов, приняли программу II конгресса Коммунистического Интернационала, расстались с соглашательскими элементами в собственных рядах и создали Коммунистическую Партию, опирающуюся на ленинскую идеологию и построенную по ленинскому образцу. Эта партия и по сей день остаётся наиболее радикальной общественной силой Швеции.

Постепенная нормализация общественных отношений и возрастающее благосостояние не создавали благоприятной почвы для революционной идеологии. В Швеции постепенно шёл процесс обуржуазивания значительных слоёв рабочего класса, “закрепления” на завоеванных позициях, усиливающегося отвращения ко всяким более радикальным переменам, могущим поставить под угрозу достигнутые завоевания. Эту эволюцию не смог существенно задержать даже кризис тридцатых годов, охвативший почти все страны капиталистической Европы а неизбежно задевший связанную с ними торговлей Швецию. Не последнюю роль в конфликте социал-демократов с коммунистами сыграл антирусский комплекс, который легко удалось превратить в антисоветский. Впрочем, социал-демократы сумели ловко использовать ошибки коммунистов, в первое время предъявивших совершенно неподготовленному обществу требования насильственного захвата власти, введения диктатуры

пролетариата и советской республики. Тактике изображения коммунистов в виде “чуждой силы” способствовала после второй мировой войны обстановка “холодной войны”, умело возбуждаемые опасения порабощения или даже аннексии соседней Финляндии, разные шпионские процессы, единодушно раздуваемые всей печатью, как социал-демократической, так и буржуазной, в которых главным мотивом обвинений была мнимая связь шведских коммунистов с “восточным руководством”.

В мае 1950 года премьер Эрландер официально заявил в парламенте: “Я хочу недвусмысленно подчеркнуть, что представляемая мною партия рассматривает Шведскую Коммунистическую Партию как носительницу идеологии, чуждой и несовместимой с нашей демократической системой. Среди нас она найдет лишь врагов”. Положение коммунистов не облегчалось линией их собственной партии, часто отмеченной догматизмом и слишком слабым учётом местных условий и психологии общества в целом.

Однако, каковы бы ни были ошибки коммунистической партии Швеции, которые легко критиковать в исторической перспективе, следует признать, что она наиболее последовательно и упорно сражалась за экономические, политические и социальные права шведских трудящихся. При ограниченных финансовых и организационных возможностях коммунисты сумели выдвинуться на передний план почти во всех важных кампаниях: за право забастовки и за антифашистский фронт в тридцатые годы; за соблюдение строгого нейтралитета и за экономические требования рабочих в годы войны, что привело в 1944 году к росту коммунистического представительства в нижней палате парламента с трёх мест до пятнадцати; послевоенные годы ознаменовались борьбой за плановое хозяйство, национализацию природных богатств и некоторых отраслей промышленности; следующие годы принесли с собой упорные бои за повышение заработной платы, за более продолжительные отпуска и пенсии трудящимся, за безусловный отказ от атомного оружия, за создание в Швеции безатомной зоны, за невступление в Общий Рынок.

Независимо от соотношения сил в парламенте, коммунисты были первыми, кто выдвигал экономические требования, часто опережая планы социал-демократов; они действовали в рядах профсоюзов, в которых имели более заметное влияние — среди металлистов Стокгольма и Гетеборга, среди лесорубов и горняков в районе Лулео, на дальнем севере. Этим требованиям не могли не сочувствовать также профсоюзы, руководимые социал-демократами; чаще всего та-

кие кампании кончались тем, что социал-демократы перенимали у коммунистов их требования, опасаясь потерять популярность и вызывать упреки в недостаточно энергичном торге с буржуазией. Таким образом коммунисты, действуя в качестве авангарда, ускоряли темп реформ, а поддерживая связи с левым крылом социал-демократии, влияли на общую политику рабочего движения.

По вполне понятным причинам социал-демократы никогда не сознавались в неофициальных контактах с коммунистами и всегда старались не создавать впечатления, что между рабочими партиями возможно какое-либо сотрудничество. Напротив, при каждом случае они от такого сотрудничества публично отрекались, чтобы их не заподозрили в союзе с партией, “получающей указания извне”. А между тем, был и такой период (в 1958–1960 годах социал-демократы были в меньшинстве в нижней палате парламента), когда они ничего не могли бы поделать без поддержки коммунистов, голоса которых давали им перевес над буржуазными партиями. Коммунисты спокойно относились к саморекламе социал-демократической печати, приписывавшей каждый успех единственно политике и влиянию собственной партии. Важнее всего была не реклама, а выполнение требований трудящихся. Шведское общество оценило это на выборах в парламент 1964 года, принёсших коммунистам значительное усиление их представительства. Со временем меняется и позиция социал-демократов, вынужденных всё более считаться с возрастающим престижем своих критиков слева.

Период обновления общественной жизни в Советском Союзе не мог не повлиять на политическую линию шведских коммунистов. Постепенно выделялись младшие деятели, понимающие необходимость компромисса между радикальной изоляцией и специфическими условиями. Во главе этой группы стал К. Г. Германссон, экономист и журналист, автор ряда исследований и книг, в том числе двух фундаментальных работ о развитии монополистического капитала в Швеции. Будучи долголетним главным редактором центрального органа партии, стокгольмской газеты “Ню Даг”, Германссон имел возможность основательно познакомиться с жизнью партии, с её организацией, её недомоганиями и трудностями, а в качестве депутата нижней палаты парламента заслужил признание и уважение даже у политических противников. На Съезде партии, состоявшемся в январе 1964 года, Германссон был избран председателем её центрального комитета. Новая программа партии, принятая на Съезде, сосредоточивает внимание на актуальных внутренних проблемах и в то же время отбрасывает неактуальные в шведских условиях идео-

логические лозунги. Шведские коммунисты не выдвигают лозунга насильственного захвата власти и не отмежёвываются от активного участия в политической жизни страны в сотрудничестве с другими партиями. Они проводят непримиримую кампанию за сокращение рабочей недели до сорока часов, за повышение семейных пособий, за более высокий уровень просвещения и здравоохранения, за большее число жилищ, за большую демократизацию управления производством, за уничтожение монополии пары десятков семейств, господствующих над обширными областями промышленности, торговли и финансов, за скорейшую национализацию некоторых отраслей промышленности и страхования. Шведское общество и на этот раз не осталось равнодушным к переменам в политике партии. В сентябрьских муниципальных выборах 1966 года коммунисты получили 6,6% голосов, по сравнению с 3,9% в 1962 году. В то же время социал-демократы потеряли в пользу левых и буржуазных партий 8,2% голосов, понеся наибольшее поражение с момента их прихода к власти тридцать четыре года назад.

Процесс вымирания газет не обошёл и коммунистическую партию Швеции. В течение ряда лет её центральный орган, уже упомянутый “Ню Даг”, находился в трудном положении. По природе вещей он не мог опираться на объявления, не располагая сетью репортёров, вооружённых всевозможными средствами, а форматом и объёмом уступая социал-демократическим и буржуазным газетам. Несмотря на поступления от подписки, дальнейшее финансирование газеты в прежних размерах оказалось невозможным, и в конце концов “Ню Даг” превратилась в еженедельник. При этом её тираж значительно вырос. Дело в том, что даже политические противники и далёкие от политики люди охотно покупают единственную газету, без стеснения разоблачающую связи и методы действия крупного капитала. И даже далёкие от коммунизма люди признают, что “Ню Даг” — это передовой орган в борьбе за права и интересы рабочего класса. В виде ежедневных газет у партии остались её органы в провинции: “Норшенфламмен” (“Северное Пламя”) в Лулео и “Арбетартиднинген” (“Рабочая Газета”) в Гетеборге. Действуя в общих интересах горняков и лесных рабочих на севере, металлистов на юге, эти газеты всегда могут рассчитывать на верный и благодарный круг читателей.

С трудностями сохранения печати столкнулись не одни коммунисты. Ещё более затруднительно положение второй после либералов

умеренно буржуазной партии — Партии Центра. Эта партия издаёт лишь одну газету — выходящую на юге страны “Сконска Дагбладет” (Сканская Газета), тираж которой не составляет и 10% тиража либеральной “Дагенс Нюхетер”.

Партия Центра произошла от Крестьянской партии — так она и называлась официально до середины пятидесятих годов. Поскольку шведское сельское хозяйство было сосредоточено в южной части страны, главным образом в плодородной Скании, там прежде всего и понадобилась связь посредством печати, которая могла существовать лишь в районе с относительно плотным крестьянским населением.

Партия Центра играет в Швеции большую роль, чем можно было бы подумать по ее немногочисленности. Вначале она была объединением мелких и средних хозяев, ощущавших необходимость защищать свои интересы. Быстрое развитие индустрии и резкое возрастание доли промышленной продукции в национальном доходе привели к тому, что труд на земле всё менее окупался. Пришлось бороться за повышение зарплаток сельского населения. Необходимо было выторговать у правительства субсидии, а их, в свою очередь, пришлось покрывать городскому населению, платившему за сельскохозяйственные продукты дороже, чем они стоили на мировом рынке. И пришлось, хотя и не слишком охотно, поддержать социал-демократов в их общественной программе “государства благосостояния”, взамен за их уступки деревне. Такую тактику центристы применяли в тридцатые годы и после войны, в пятидесятые, в качестве членов коалиционных правительств вместе с социал-демократами, или же независимо от этого. Коалиция распалась лишь в 1957 году; с того времени центристы действуют в зависимости от рассматриваемого вопроса — либо солидарно с правительством, либо присоединяясь к буржуазной оппозиции.

Подобная тактика требует немалой ловкости. Следует ещё иметь в виду, что с уменьшением сельского населения сокращается и ряды сторонников Центра. В 1952–1956 годах партия несла серьёзные поражения, влияние её ослабело; произошло это ещё и по той причине, что не все крестьяне поддерживали сотрудничество с социал-демократами: некоторые тяготели к буржуазии. Тогда партия решила усилить сотрудничество с правыми и в то же время расширить свою социальную базу энергичной агитацией среди мелких предпринимателей, ремесленников и владельцев небольших мастерских — часто выходцев из деревни. На выборах 1958, 1960 и 1964 годов центристам удалось отвоевать утраченные позиции. Тогда же

партия переименовала название — с Крестьянской на Партию Центра. Надолго ли?

Руководителем Партии Центра с 1949 года по сей день является Гуннар Хедлунд, сын бедного крестьянина с севера страны. Он получил образование, совмещая учёбу с сезонной работой в хозяйстве отца. Получил степень доктора в Упсальском университете. В дальнейшем работал на разных должностях, посвящая всё своё свободное время политической деятельности. Уже в 1942 году Хедлунд стал членом нижней палаты парламента и сохранил этот мандат до сих пор. Он был министром во всех коалиционных кабинетах; сейчас, когда ему уже больше шестидесяти лет, его авторитет в партии непререкаем. Он справедливо считается одним из творцов благосостояния шведской деревни.

Несомненным успехом динамической деятельности Хедлунда является превосходная организация центристов. Этому весьма способствует естественный конформизм мелких крестьян, которые, однажды убедившись в правильности принятой общественной программы, склонны отступить от генеральной линии, составлять фракции и т. д. Более того, даже переехав в город и порвав с сельским хозяйством, члены Партии Центра сохраняют верность своей организации. Благодаря этому почти половину избирателей, голосующих за Центр, составляют члены партии, в то время как у других партий число голосующих во много раз превосходит число их членов. Возможно, по этой причине парламентские и политические позиции Центра весьма устойчивы.

По-видимому, можно считать, что и Партия Центра, и упомянутая выше Народная Партия (либералы) представляют главным образом средние слои населения и крестьян, и хотя это без сомнения буржуазные партии, они вынуждены время от времени по тактическим соображениям или в виде торга делать уступки требованиям социал-демократов. Наиболее типичной организацией буржуазии является Консервативная Партия, пользующаяся, как и в каждой капиталистической стране, поддержкой финансовых и торгово-промышленных кругов, крупных землевладельцев, высших чиновников государственного и хозяйственного аппарата, военной иерархии.

Значение и силу этой партии нетрудно понять, если иметь в виду, что производительные силы страны и по сей день находятся во власти частных лиц и компаний. Об этом уже была речь в главе об экономике. Позиции консерваторов были вне досягаемости, пока политические права были тесно связаны с экономическим господ-

ством. Напомним, что социал-демократы выступили как организованная политическая сила относительно поздно — лишь в последние годы прошлого столетия. Консерваторы правили страной в 1906–1911, 1928–1930 годах, и в то время их влияние на реальную власть было огромным, часто решающим.

Переход политической власти к социал-демократии в тридцатые годы свидетельствовал о появлении на политической арене новых классов, отвоёвавших для себя с помощью избирательной реформы и расширения гражданских прав решающую роль в политическом представительстве народа. Но экономические укрепления имущих классов, объединяемых Консервативной Партией, были задеты лишь в незначительной степени. Механизм их экономического господства был разоблачён столь отчётливо, как в немногих странах, нынешним руководителем коммунистов С. Г. Германссоном. В 1959 и 1962 годах Германссон издал две объёмистых работы¹, в которых на обширном материале продемонстрировал происходящий в Швеции процесс концентрации капитала во всех отраслях экономики и слияния промышленных монополии с финансовым капиталом. Автор опроверг теории, провозглашённые перед войной в ряде стран и предсказывавших, что будущее принадлежит малым предприятиям (между прочим, вследствие развития частного автотранспорта, якобы облегчающего распределение продукции); как он показал, развитие пошло в противоположном направлении. Уже через несколько лет после окончания войны почти 2/3 всех трудящихся работало на предприятиях, годовые обороты которых превышали миллион крон; стоимость продукции этих предприятий составляла 81% всей продукции, что свидетельствовало об очевидном, впрочем, факте углубления тенденции к концентрации промышленности. Подавляющее большинство занятых на этих крупных предприятиях сосредоточено, в свою очередь, в двадцати пяти «гигантах», широко связанных с финансовым капиталом, имеющих филиалы и предприятия на обоих полушариях и т. д. Крупнейшие из них — Шведские заводы Шарикоподшипников, Телефонная Компания Л. М. Эрикссон и Всеобщая Шведская Электрическая Компания — по статистике 1957 года имели в Швеции и за границей около 117 тысяч сотрудников и располагали акционерным капиталом в 900 миллионов крон. Их крупнейшие акционеры заседали также в наблюдательных советах основных шведских банков и многих других предприятий.

¹ *Концентрация и крупное предпринимательство*, Стокгольм, 1959; *Монополии и крупный капитал*, Стокгольм, 1962.

Таким образом, Консервативная Партия сильна не только числом своих членов. В ней всего около 250 тысяч членов, т. е. немногим более 1/3 численности социал-демократов, и соответственно она представлена в парламенте. Но, конечно, её влияние объясняется несравненно большими, чем у других партий, средствами воздействия. Консервативная печать легко справляется с финансовыми трудностями. Поддерживаемая объявлениями крупных фирм, а в случае надобности и субсидиями, она достигает в Стокгольме (“Свенска Дагбладет”) и на юге страны (выходящая в Мальме “Сюдсвенска Дагбладет”) общего тиража в 220 тысяч экземпляров. Сверх того, имеется ряд меньших провинциальных газет, доходящих до всех важнейших районов страны.

Однако, и Консервативная Партия должна помнить, что в борьбе за политическую власть она зависит не только от своих членов и тех, кто по самому своему положению в ней заинтересован. Дело в том, что свыше половины консервативных избирателей рекрутируется из средних слоёв, а около 15% — даже из рабочих. Не случайно партия понесла серьёзное поражение в 1960 году, потеряв свои позиции ведущей оппозиционной партии. Её руководитель с 1949 года Ярл Хьялмарсон, деятель выражено демагогического типа, слишком уж явно и грубо выступал против трудовых пенсий, а во внешней политике — за атомное вооружение Швеции и против любых контактов с Советским Союзом. После этого поражения место Хьялмарсона занял известный историк Г. Хехшер; но и ему не удалось восстановить авторитет правых, как показали выборы 1964 года, в которых консерваторы — за исключением юга — не смогли найти общего языка с другими оппозиционными партиями. Тогда руководство партии снова сменилось, перейдя на этот раз к представителю младшего поколения. Ингве Холмберг, новый председатель, после муниципальных выборов в сентябре 1966 года впервые за много лет мог отметить определённое преимущество блока буржуазных партий (50,6% голосов) над социал-демократами (42,8%). Сумеет ли буржуазия сохранить это преимущество на выборах в парламент? Это выяснится в 1968 году.

Осенью 1966 года я встретился в Варшаве с госпожой Т., молодой научной сотрудницей Упсальского университета. Это было через несколько дней после муниципальных выборов в Швеции, о которых подробно сообщалось в польской печати.

— Что до меня, то я довольна поражением социал-демократов, — решительно заявила моя собеседница. — Если бы я была во время выборов в Упсале, то и я голосовала бы за либералов, или даже за консерваторов. Я понимаю Ваше удивление, — прибавила она, заметив у меня испуганное выражение лица, — но Вы можете быть уверены, что мною руководит не какой-нибудь личный интерес. Мой отец — служащий, сама же я, не имея ни постоянной должности в университете, ни состояния, живу очень скромно. Но люди смотрят и видят, сколько находится желающих использовать “общественный котёл”, чтобы под предлогом болезни или семейных обязанностей уклониться от работы, за которую им платят, и устраивать свои дела или просто бездельничать. А расплачивается за это всё общество. Цены растут изо дня в день, обгоняя повышение зарплаты. Когда кто-нибудь из коллег, находящихся на штатной должности, берёт добавочную работу, он просит меня оформить документы на моё имя, потому что я меньше зарабатываю и придётся, таким образом, платить меньше налогов. Я не отказываюсь: ведь так поступают все. Хотя я уже давно вышла из студенческого возраста и отошла от студенческих обычаев, мне приходится по-прежнему жить в общежитии, и вот уже пять лет я напрасно добиваюсь даже не квартиры, а реального срока её предоставления. Конечно, у государства на это нет денег! Каждый должен работать на собственный счёт и получать за это, что ему следует, а государство вовсе не обязано обо всём и обо всех заботиться. Впрочем, вы знаете, что не я одна придерживаюсь такого взгляда...

Последнее утверждение г-жи Т., конечно, справедливо — её голос является голосом определённой среды. Уже в течение ряда лет значительная часть учащейся молодёжи поддерживает буржуазную оппозицию.

— У нас в Упсале, — сказал мне однажды молодой научный работник, — среди студентов почти нет социал-демократов, а вступающих в эту партию считают карьеристами. Почему? Потому что молодёжи вообще свойственна склонность к оппозиции и она не отдаёт себе отчёта, в какой мере облегчает ей жизнь и образование как раз нынешнее правительство. Студенты привыкли рассматривать свои права и пособия как нечто само собою разумеющееся, и не представляют себе, что они могут быть урезаны; видят они только общественные последствия таких расходов. Подавляющее большинство студентов происходит из средних слоёв — и в этом, пожалуй,

основная причина таких настроений. Лёгкость жизненного старта, к которой эта молодёжь привыкла, делает её податливой на пропаганду, подчёркивающую усыпляющее действие общественного мира с его “расслабляющим уютom” и опеки над человеком “от колыбели до гроба”. Особенно привлекательными кажутся лозунги либералов: “Меньше государственного попечения, больше свободы для пионеров предпринимательства, больше убеждения, что экономическая жизнь сама по себе разрешит важнейшие проблемы”. В самом деле, зачем же платить государству столь высокую цену за его благодеяния: налог на холостяков здесь в полтора раза выше, чем в ФРГ, вдвое выше, чем в Швейцарии, в то время как хозяйственная конъюнктура вполне благоприятна, нет недостатка в работе для всех желающих — стоит ли развращать тупиц и лентяев?

Радикализация взглядов происходит не только в студенческой среде, но и во всём обществе. Всё больше людей замечает социальное неравенство в стране и правильно оценивает сущность международных конфликтов. Для них ясно, что правящие партии движутся в узких рамках компромисса, который не может разрешить противоречия между трудом и капиталом.

Недовольство управлением социал-демократов проявилось в уже упомянутых муниципальных выборах в сентябре 1966 года, а направление критики — в том факте, что из потерянных социал-демократами ста девяти мандатов (из бывших у них восьмисот девяноста восьми) почти половина (пятьдесят два) перешла к коммунистам, лишь семнадцать к правым и либералам, а сорок к умеренной Партии Центра. Не случайно премьер Эрландер назвал эти выборы политическим землетрясением. Они осязаемым образом свидетельствуют, что общество отворачивается от партии, правящей свыше тридцати лет, и ищет решений в более крайних концепциях. В самом деле, поводов для недовольства достаточно. Непрерывно возрастает дороговизна, и хотя рост зарплаты опережает её, она подтачивает сбережения и ставит под вопрос покупательную способность пенсий; углубляется непонятный в шведских условиях кризис; ослабевает конкурентная способность шведского экспорта — в 1967 году, вследствие усилившейся конкуренции, сырьё и полуфабрикаты деревообрабатывающей и бумажной промышленности будут продаваться на 10–20% дешевле, чем раньше. Но сильнее всего бросается в глаза неравномерность распределения растущих государственных расходов по различным слоям общества. Во время бюджетных дебатов в январе 1967 года правительство сообщило о предстоящем повышении на 11% всеобщего оборотного налога, обременяющего

широкие массы потребителей. Между тем, вовсе не предусматривается контроль над доходами предприятий, увеличение прямых налогов, изменение направления государственных дотаций — критика коммунистов всё ещё остаётся изолированной. Напротив, уже после поражения на выборах премьер Эрландер заявил на встрече с датскими учёными в Копенгагене, что «шведская социал-демократия никоим образом не пропитана духом марксизма. Такую позицию представлял в социал-демократическом руководстве покойный Риккард Сандлер, но теперь она уже принадлежит прошлому». А между тем, так много избирателей голосовало именно за несколько усиленную дозу марксизма...

В наступающем 1967–1968 бюджетном году социал-демократы планируют различные мероприятия с целью вернуть себе популярность. Увеличится жилищное строительство, не будет увеличен военный бюджет, и всё чаще слышатся конфиденциальные заявления, что уже решено не производить ядерного оружия. Всё это, однако, лишь полумеры. В 1968 году состоятся всеобщие выборы в парламент, причём существует серьёзная возможность образования коалиции буржуазных партий. Единство левых сил становится в этих условиях необходимостью, которой пока ещё не хотят видеть социал-демократы. Но это единство может быть достигнуто лишь на основе последовательной экономической программы левых, которая указала бы обществу ясный и отчётливый путь дальнейшего развития.

Абрам Ильич Фет (1924–2007) — математик и физик, философ и публицист. Своим общественным долгом он считал знакомить российских читателей с наиболее важными книгами, никогда не издававшимися в России. Свободно читая на семи европейских языках, он тщательно отбирал и переводил книги для Самиздата, поскольку в условиях тоталитаризма и цензуры иного способа издания в России не было.

Книга “Азбука Стокгольма” написана польским журналистом Мечиславом Коваликом и издана в Варшаве в 1968 году. Автор досконально знает Швецию, прожил в ней много лет, владеет её языком и глубоко любит эту страну, в течение полувека бывшую полем единственного в своём роде социального эксперимента, проводимого правящей Социал-демократической партией. По материальному уровню жизни она занимала тогда третье место в мире и первое место в Европе. Это книга о Швеции, какой она была в середине 60-х годов, но одновременно это изображение “западного общества” в том месте и в тот момент его истории, когда оно достигло своего высшего расцвета.

New Heritage Publishers, 2020

